

ЯЗЫК СОЗНАНИЕ КОММУНИКАЦИЯ

Выпуск 9

Москва
1999

ББК 81
Я410

Электронная версия сборника, изданного в 1999 году.

В электронной версии исправлены замеченные опечатки. Расположение текста на некоторых страницах электронной версии по техническим причинам может не совпадать с расположением того же текста на страницах книжного издания.

При цитировании ссылки на книжное издание обязательны.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – Вып. 9.
– 186 с.

ISBN 5-89209-434-0

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные проблемы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в сопоставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лингводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, коннотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Выпуски 1 и 2 опубликованы в 1997 г., выпуски 3, 4, 5, 6 – в 1998 г., выпуски 7 и 8 – в 1999 г.

ББК 81
Я410

ISBN 5-89209-434-0

© Авторы статей, 1999

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Канон, эталон, стереотип в языковом сознании и дискурсе: Научная дискуссия в Институте Языкознания РАН. Участвовали <i>В. Н. Телия (ИЯ), Ю. А. Сорокин (ИЯ), В. Н. Базылев (МГЛУ), Н. П. Вольская (МГУ), Д. Б. Гудков (МГУ), И. В. Захаренко (МГУ), В. В. Красных (МГУ), М. В. Тростников (Рос. правосл. ун-т)</i>	5
--	---

ЛИНГВИСТИКА

<i>Менджеричкая Е. О.</i> Особенности национального публицистического дискурса	52
<i>Базылев В. Н.</i> Феноменологическая эйдетическая дескрипция эмоций: спокойствие-безмятежность	59
<i>Вольская Н. П.</i> Цыганизмы в русском арго	68
<i>Изотов А. И.</i> Ономаσιологический принцип описания функционально-семантической категории побуждения	72
<i>Караванов А. А.</i> Значение грамматической категории перфекта и перфектное значение глаголов совершенного вида (к вопросу об использовании термина "перфект" в преподавании РКИ).....	79
<i>Ильинская Н. Г.</i> Общерусский глагол в системе литературного языка и диалекта (к вопросу о переходности / непереходности)	84
<i>Зигангирова Ю. Р.</i> Функционально-коммуникативные и семантические причины употребления описательных предикатов в устной речи.....	94
<i>Лиу Канг-Йи (Тайвань).</i> К вопросу о специфике семантики синтаксических дериватов (на материале девербативов от глаголов движения).....	105
<i>Афанасьева Н. И.</i> Об увеличении темпа разговорной речи	119
<i>Каверина В. В.</i> Дублетные буквы в истории русского письма (на материале префиксов)	125

ЛИНГВОПОЭТИКА. ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

<i>Пит Ван Пуке (Бельгия, Гентский университет). Телеграфный язык Ильи Эренбурга.....</i>	<i>139</i>
<i>Сорокин Ю. А. Ориентальное переводоведение и его болевые точки</i>	<i>149</i>
<i>Тростников М. В. Об одном женском образе в поздней лирике Булата Окуджавы</i>	<i>154</i>

ЛИНГВОДИДАКТИКА

<i>Булгакова Л. Н., Зелинская Е. А., Красных В. В. Тест: каноны жанра и принцип коммуникативности</i>	<i>159</i>
<i>Руденко-Моргун О. И. Компьютерные технологии в проблемном обучении языку.....</i>	<i>166</i>
<i>Дунаева Л. А. К созданию адаптивных пособий по грамматике русского языка на базе гипертекстовых технологий</i>	<i>172</i>
<i>Ткаченко Н. Г. Об обучении развитию речи в группах стажеров</i>	<i>178</i>

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Канон, эталон, стереотип в языковом сознании и дискурсе (дискуссия вторая)¹

Дискуссия проводилась 24. 04. 99 в ИЯ РАН.

В дискуссии принимали участие:

*© д. филол. н. В. Н. Телия (ИЯ), д. филол. н. Ю. А. Сорокин (ИЯ),
к. филол. н. В. Н. Базылев (МГЛУ), Н. П. Вольская (МГУ),
к. филол. н. Д. Б. Гудков (МГУ), И. В. Захаренко (МГУ),
к. филол. н. В. В. Красных (МГУ), к. филол. н. М. В. Тростников (Рос.
православный универ.),
1999*

Телия. Я посмотрела ваши издания, но прежде всего я ознакомилась с работой Базылева. И тут же процитировала про голлографическую метафору. Так что вся методологическая часть мне очень понравилась.

Сорокин. Вероника, Вы... ты льешь масло на его самолюбие. Он же страдает, не зная, с каким лицом он войдет в науку.

Базылев. Вообще я вроде как собирался завязывать...

Красных. Как?!

С. Вот ты видишь, какая реакция от... ведущего поколения, я бы так сказал.

Т. Я прочитала вашу последнюю дискуссию, когда вы рассуждали о каноне, эталоне и т. д. Юрий Александрович меня снабжает регулярно сборниками, так что я как-то немножечко подготовлена. Я поняла, что вы не пришли к какому-то единому мнению. Я понимаю, что к нему прийти и нельзя. Наверное.

С. Резче, можно резче.

Т. Нет. Иначе, наверное, и науки не будет. Вот поэтому я хочу спросить, чем мы сегодня будем заниматься: следующим этапом, который у вас намечен по повестке, или продолжим старое.

С. Так продолжаем или нет?

Т. Я просто хотела сказать, что читатель, которым была я, обычный читатель... У меня школа Серебренникова. Поскольку лингвистика –

¹ Запись первой дискуссии опубликована в: Язык, сознание, коммуникация. Вып. 8. М., 1999.

наука эмпирическая, и методология все равно должна подтверждаться каким-то материалом, то мне, по крайней мере, пока не дадут пощупать вещь, я могу верить. Имею право не верить. У меня много очень хороших учителей было, не обязательно великовозрастных. В частности, Мельчук был, он говорил: приведите мне контрпримеры – я изменю теорию. Я воспитана в этом русле.

Тростников. А Ю. П. Солодуб говорит: дайте мне материал, дайте мне время, и я вам дам методологию.

С. Дмитрий Борисович хочет настоять, чтобы что-то было озвучено, видимо, в продолжение того, на чем мы оборвались в прошлый раз.

Гудков. Нет, не того, на чем мы оборвались. Мы как раз можем обсудить, что будет дальше, потому что было высказано несколько любопытных и интересных предложений. Но мне кажется... У Михаила Владимировича возникли тут идеи обсудить глобальную методологию и различные способы научного анализа и поиска. Но мне кажется, что этот путь в данном случае затянет нас в пучину, мы можем долго обсуждать различные научные парадигмы. По-моему, это сейчас не очень продуктивно для нас. И исходя из этого, предлагаю все-таки обсудить для начала более конкретный план того, что мы будем делать. Потому что в прошлый раз мы весьма сумбурно, как я понял, прочитав запись... Но, возможно, это так и задумывалось...

Т. Нет, не сумбурно.

Г. На мой взгляд, сумбурно обсудили только первую часть нашей проблемы, попытались дать определение терминов и в какой-то степени пришли к каким-то все-таки по крайней мере общим базовым понятиям, притом что есть расхождения, которые, наверно, должны быть и всегда будут. Но в дальнейшем, вероятно, имеет смысл – то, что Наташа [Вольская] сказала, мне кажется, это разумно – попробовать обсудить этимологию таких явлений, как канон, эталон, как они появляются, как они возникают, почему возникает это, а не возникает другое, есть ли здесь какой-то алгоритм, закономерность какая-то существует или это совершенно случайный процесс, или, может быть, вообще нам не стоит этим заниматься, потому что ничего мы в этом не поймем. У меня вот такое предложение.

С. Эталон, и еще что?

Г. И канон.

С. Эталон и канон. Опять возвращаемся. Вероника Николаевна предложила, все остальные согласились... Когда мы заканчивали прошлую дискуссию, мы сказали, что недоговорили – (Базылев наострил уже уши, он тоже, видимо, так думает) не обсудили проблему идентификации, на которой все и закончилось.

- Т.** Вы вышли на очень хорошую тему – стереотип. Идентификация там тоже как-то прошла, потом снова стереотип. Да, стереотип, вот чем закончилось. Как некое родовое понятие, что мне очень понравилось, кстати говоря.
- С.** Не понравилось?
- Т.** Понравилось. Мне казалось, что вы на этом как-то завершили дискуссию.
- К.** Да.
- Г.** Мне просто кажется, то, что мы вот сейчас предлагаем, это очень связано.
- С.** Внутри понятия проблемы идентификации?
- Г.** Да.
- Т.** Она должна быть сформулирована в каких-то терминах, иначе она никак не формулируется.
- Г.** В любом случае есть же разные закономерности, правильные или неправильные попытки любого человеческого знания, не только научного – понять, что это значит, и откуда это взялось.
- С.** Митя, я на последний вопрос не хочу отвечать.
- Т.** Мне даже понравилось, что вы сказали: идентифицировать себя – это значит войти в некий комплекс. Значит, тогда – что есть комплекс, то и нуждается во временной разверстке, чтобы понять... Это тоже очень хорошая и сильная мысль. Принадлежность к какому-то комплексу, например, к микросоциуму, макросоциуму.
- С.** Тогда мы все согласны. Кто первый по этому поводу? Доносчику первый кнут. Дмитрий Борисович, пожалуйста...
- К.** Только пока Дмитрий Борисович собирается с мыслями – просто, чтобы было понятно: в прошлый раз мы закончили тем, что заявили проблему образа, представления, понятия. Проблема очень сложная, поэтому (чтобы была определенная преемственность наших дискуссий) мы говорим сейчас, что мы отодвигаем ее обсуждение на более позднее время. Если сегодня у нас хватит сил и времени, мы перейдем к этому, если нет – то остановимся пока на том, что было заявлено только что, поскольку у нас у всех возникла, очевидно, внутренняя неудовлетворенность незаконченностью обсуждения предыдущей нашей дискуссии.
- Б.** Итак, я хочу напомнить...
- С.** Вы тоже не удовлетворены?
- Б.** Нет, я просто напомню, что дискуссия тогда оборвалась на достаточно интересном практическом, не только теоретическом, но и практическом материале: мы начали обсуждать науку. Мы что-то пытались обсудить, исходя из этого стереотипа, эталона, канона.

- Т.** Тогда вы все были против того, что это эталон. По-моему, Вы Дима.
- Г.** Наоборот.
- К.** Давайте мы сейчас, чтобы было понятно нашему будущему читателю, определим: как, в какой последовательности мы обсуждаем проблематику, с чего мы начинаем. Потому что была идея все-таки продолжить обсуждение проблемы канона и эталона, потом предложили проблему идентификации, и еще есть проблема алгоритма, о которой говорила Наташа. Мы не можем обсуждать все скопом. Нужно определить, с чего начинаем.
- С.** То есть перебросить мостик...
- Б.** Если Вы мне доверите, я попробую перекинуть мостик от прошлой дискуссии к нынешней неким самым общим тезисом, который будет касаться вообще глубинной структуры. В прошлый раз все, насколько мне показалось, сводилось к тому, что мы пытались исследовать, определить и говорить о некоем структурированном феномене. Но можно опять-таки сделать заправку в том плане, что структуры может и не быть. И в связи с этим три цитаты. Одна цитата будет из У. Эко, из “Маятника Фуко”. Там была такая фраза: никто еще не был сожран Джокондой, этим андрогенным чудовищем. Засим мне вспоминается небезызвестная реплика Ф. Раневской, когда она стояла сзади какого-то молодого человека, который смотрел на выставку в Пушкинском музее на картину и заявил, что как-то не производит она на него впечатление. На что Фаина Раневская сказала, что этой даме уже столько лет, что она может уже выбирать, на кого производить впечатление, на кого нет.
- Г.** Это была не Джоконда, это Сикстинская мадонна была.
- С.** Это неважно. Короче, была дама на портрете.
- Б.** Скажем так, в данном конкретном случае произошла контаминация текстов. А потом опять-таки небезызвестный Эко, беря в пример портрет Моны Лизы, определил, что он является одновременно син-символом, т. е. знаком по отношению к самому себе, и иконой, т. е. знаком по отношению к объекту. Три цитаты. И мне кажется, что в данном конкретном случае мы могли бы вообще начать с обсуждения того, есть ли у эталона, канона, стереотипа некая структура, либо это некий научный миф, и структуры действительно нет. И если нет структуры, то, собственно, с чем мы имеем дело. И тогда уже, определив это, мы можем пойти дальше. Как вам вот такая заправка?
- С.** Я могу сказать в связи с этим только одно – Владимир Николаевич глубоко копает, конечно, но мне хотелось бы все-таки узнать следующее: это *очень* важно, если мы найдем или не найдем структуру в эталоне, каноне, стереотипе, или это не совсем важно?

- Т.** Я бы добавила вопрос: что понимается под структурой? Структура – слишком большое понятие. Что бы мы должны были там поискать?
- Б.** Я бы тогда сформулировал так: считают ли присутствующие здесь эталон, канон, стереотип некоей онтологической структурой либо это всего-навсего некая модель? И если это модель, то в какой интерпретации и в какой процедурной операции она подлежит комментированию. И в зависимости от этого мы тогда и сможем прийти к какому-то согласию или несогласию о том, является ли *Мона Лиза* эталоном, каноном, а может быть, не тем и не другим.
- Т.** У меня вопрос: Вы говорите “или модель”. Но модели тоже структурированы. И модель чего? Нашего сознания, нашего понимания или модель объекта?
- Б.** А вот это, собственно, и было тем спором, которым закончилась прошлая дискуссия, когда мы с Митей не нашли общих точек соприкосновения в том, как воспринимать данный прецедентный текст о *Моне Лизе*. С моей точки зрения, это не является психологическим, структурированным феноменом.
- С.** Что не является?
- К.** *Мона Лиза*?
- Б.** Не является текст о ней. Текст не является.
- С.** Но *Мона Лиза* как таковая, я не имею в виду данный евротип...
- Б.** Как другая семиотическая система...
- С.** Да, это же есть текст некоторый.
- Б.** Да, при перекодировке из одной семиотической системы в другую семиотическую систему большая часть информации теряется и она может и не структурироваться.
- С.** Вы думаете, когда молодой человек, который так огорчил Раневскую, смотрел на эту женщину, он что-то перекодировал?
- Б.** Да, у него не получилось структурированности, потому что он не воспринял или... для него или в его культуре, в этой его культуре это, действительно, не является, не являлось структурой.
- Г.** Можно я скажу? На мой взгляд, все проще. Мне так кажется. Вообще все гораздо примитивней. Потому что – об этом мы много раз уже говорили – есть текст (в данном случае *Мона Лиза*) и есть правила кодировки этого текста. Но существует этот текст со всеми глобальностями импликаций, смыслов и т. д. При этом в определенном социуме данный текст существует в весьма минимизированном виде. *Мона Лиза* существует в сознании как набор дифференциальных признаков. Вероятно, это и будет структура.
- С.** Митя, прошу прощения, от *Моны Лизы* существует в обыденном сознании одна улыбка.

- Г. Вот я об этом и говорю. И плюс “великая картина”.
- С. Я бы сказал – “великая улыбка”.
- Г. Это то, чем надо восхищаться, это, вероятно, представление о красоте. Женской. В обыденном сознании. Но об этом можно спорить. И вот, у меня есть этот “стереотип”, это минимизированное представление, общее для всех: что это символ красоты, это прелесть загадочной улыбки, это великая живопись. И вот я иду... я не знаю, на чем я воспитан: может быть, я воспитан на Малевиче и вообще считаю, что искусство должно быть беспредметным, или я воспитан на тачанке, и мне должно быть понятно, за красных или за белых художник. Это не важно. И я иду со своими эстетическими представлениями, смотрю на эту картину и говорю: “А что здесь великого? Моя Зина красивее, и улыбка у нее пошире”. И в результате вот это минимизированное представление, этот эталон, который существует на уровне общей культуры, не совпадает с моим личным представлением по тем или иным параметрам. В дальнейшем я могу пытаться себя идентифицировать (я понимаю, что это широкий термин и я слишком легко им оперирую) с моим социумом и говорить: нет, если все говорят, что это великое, значит, мне надо понять, почему это великое, изменить себя или попытаться в это проникнуть. Или я это отвергаю.
- С. Между прочим, Дима уже два раза использовал “канон” и “эталон”, и поэтому возникает предположение, что один из этих терминов лишней.
- К. Вот тут я буду спорить.
- С. Будет спор. Конечно! А Красных и должна спорить.
- Т. Там были термины – стереотип, эталон. То, что касается стереотипа, я согласна, что касается эталона – тут можно поговорить дальше. Давайте вернемся.
- Г. Давайте вернемся. Я могу пояснить, что я имел в виду. Я имел в виду стереотип восприятия. Сама по себе улыбка Мона Лизы – это эталон вот этой улыбки, а восприятие ее и то, что в текстах минимизирует эту реальную картину, – это стереотип. Вот так бы я сказал. Вот то, что я имел в виду. Прошу прощения за мое не очень строгое обращение с терминами.
- Т. По-моему... Вы хорошо вывели стереотип в прошлый раз на такое родовое понятие. И вот тут нужна этимология: что есть стереотип? Это (как понятие) – какой-то тип, который (если обратиться к сейчас сказанному, то там будет слово, против которого вы сейчас все будете возражать) есть некоторое устойчивое коллективное представление, которое на бессознательном уровне свойственно некоторому социуму (микро-, макро-, индивиду и т. д.). Тут ведь ориентировать возможно.

Вы сказали, что это эталон вообще. Так для кого эталон? Для одного эталон, для другого – это всякое может быть. Мне хочется, чтобы мы поговорили о стереотипе, а потом, от него уже проделали путь и к другим, как Вы сказали, к видовым понятиям. Мне кажется, что стереотип – такое родовое понятие. Видите ли, в науке иногда есть такое спекулятивное занятие: не сильно менять ориентацию как бы общепринятого термина, которое просто бессодержательно употребляется. Если в наших силах вложить в эталон хоть какое-то содержание – это будет великий шаг вперед.

- С. Естественно, это так и должно быть. Но я хотел бы вернуться снова к сказанному. Помните, я говорил, что не разделяю эти термины: канон и эталон. Я их отношу к текстам визуальным и невизуальным. Для меня стереотип – это *автостереотип*. Стереотип принадлежит обыденному общению, обыденному восприятию. Это, собственно говоря, реализация эталона и канона. Если угодно, видите, я соглашаюсь. На индивидуальном уровне... Ведь легко перейти от индивидуального уровня к групповому.
- Г. Коллективному.
- С. Усредненному.
- Т. Как раз наоборот – это очень трудно. Потому что сколько отпечатков пальцев, столько и отборов, предпочтений, как говорится. Но я сейчас не про то хочу сказать. Стереотип обобщает обыденное сознание. Тогда мы вводим еще один термин. Но с сознанием какого социума мы будем работать?
- С. Для меня самый большой интерес сводится к тому, чтобы не демонтировать высоколобые умные понятия и вещи и рассуждать внутри них, внутри этого блока. Меня интересует, конечно, уровень обыденного сознания, уровень того молодого человека, который, опять повторяю, огорчил Раневскую. Собственно говоря, ведь если он “этот факт” не опознает или не понимает, что происходит, то зря показывали ему великую улыбку. И тогда все наши разговоры беспредметны.
- Г. На самом деле не так. Да, сколько отпечатков пальцев, столько и индивидуальных сознаний. С этим никто не спорит. Но в данном случае – что любопытно, почему мы смеемся над этой историей? Потому что этот молодой человек маргинален, потому что он декларирует, что он не считает это великим. Выйдите, пожалуйста, на улицу и спросите, какой процент населения читал “Войну и мир”. Действительно читал, не в школе по хрестоматии просмотрел или “сто золотых сочинений”, а действительно прочитал. Я не думаю, что больше половины. Но какой процент населения выйдет и скажет, как Шукшин в известной легенде – не читал, потому что толстая очень? Очень

мало. Потому что в национальном сознании, вот в этом коллективном сознании есть представление: “*Война и мир*” – великий роман. С этим связаны какие-то вещи.

- Тр.** Пушкина упреждать не читал, хотя фамилию его употреблял по двадцать раз ежедневно.
- Т.** Вы знаете, это уже другая проблема.
- Г.** Нет, знаете, на мой взгляд, это проблема важна в связи с нашим разговором, это то, с чем мы сталкиваемся постоянно. Есть некая база, скажем, ядро национального сознания, некая группа “стереотипов”, которые являются общими для всех людей, идентифицирующих себя с русским...
- Б.** ... народом.
- С.** Я плохо отношусь к этому термину.
- Г.** Вы знаете, одна наша коллега из Саратова сказала: вы говорите о национальном сообществе, но это все исключительно различные социальные группы, потому что бабушка из архангельской деревни и профессор университета – это абсолютно разные миры, которые никак не пересекаются. И не надо говорить о русском народе. Похожее мы услышали полгода назад от Юрия Афанасьева. Выступая по телевидению, он сказал: “Что вы говорите “русский народ”? Нет русского народа”. Выступает Борис Васильев, говорит аналогично: “Что вы говорите о национальной идее? Нет никакой национальной идеи и быть не может. Есть разные группы – и все!”. Но очень простая вещь: мы берем и рассылаем анкету с несколькими прецедентными именами в коннотативном употреблении (напр., “*Он назвал своего друга Иваном Сусаниным, потому что...*” и информанты должны продолжить). Мы осознанно занизили образовательный уровень: среди ии. было много ПТУшников, людей со средним образованием, жителей деревень и т. д. Мы обработали полученные данные, и оказалось, что из 30 имен 23 имени набирают около 80% “опознавания”: все русские знают, кто такой *Левша*, кто такой *Обломов*. Независимо от того, читали или нет, и за ними стоит определенное представление.
- С.** Митя, Евгений Михайлович Верещагин когда-то в дни своего просветления говорил следующее: самое главное – набирать эмпирический материал. Теорию можно всегда поправить.
- Т.** Это же Мельчук говорил.
- С.** И он тоже. За ним, видимо, следом. Великие умы сходятся.
- Т.** Только так теории и растут, и наука меняет парадигму.
- С.** Не будем говорить, что получилось, но в рассуждениях на эту тему он использовал одно очень интересное понятие. Он говорил о так называемых локальных ассоциациях. И, собственно говоря, лингвостра-

новедение и должно было быть построено на локальных ассоциациях. Это то же самое, о чем Вы говорите. И, дескать, иностранцам (а они очень заботились об иностранцах) нужно давать представление о русских через эти локальные ассоциации. Ничего не получилось. По другим причинам. И смотрите, какая здесь штука: мы говорили, что нет вроде бы чего-то русского как такового, и я бы даже сказал – славянского. Но, дорогие коллеги, если взять Ассоциативный словарь, частотные реакции, то можно вычлениить некоторые устойчивые ассоциативные ходы, которые присущи всем (пусть это студенты, но их очень много и они разбросаны по всему бывшему Союзу). Согласны, да? С другой стороны – излишняя политизация... Мы живем в этой обыденности, в этих стереотипных условиях, я бы так сказал. И смотрите, что получается: вроде бы ничего славянского, русского нет. Но почему так все вдруг неожиданно заговорили о Сербии и стали реагировать если не резко, то горячо? На что ориентируются в этом случае? На какие локальные ассоциации, позволяющие совместить нас и их? Что за этим стоит? Видимо, какой-то базис, какие-то общие стереотипы, а может быть, эталоны и каноны?

Захаренко. Миф о славянском единстве.

С. Если миф, то тогда еще интересней или даже убедительней.

Г. Миф не ругательное слово.

С. Не ругательное.

Б. Ну, скажем так – мифотекст. Или текстомиф.

С. Пожалуй, пожалуй.

Б. Миф – это некий текст, в который пытаются втянуть. Пример у Вики – про газету “Завтра”.

Г. Она не читает эту газету, это я ее читаю.

С. Как, Красных не читает газет?!

Б. Первично газета находится в пустом, т. е. безвоздушном, пространстве, вакууме, и только потом она начала втягивать в этот вакуум и структурировать... причем даже не структурировать, поскольку нельзя говорить о некоей устойчивой структуре вокруг этой газеты, но просто она начала втягивать в этот вакуум людей, которые постоянно ее читают, и, не читая постоянно или бросив читать другие газеты, они действительно начинают идентифицировать себя со всем тем текстом, который из номера в номер производится данной газетой. Так же и здесь.

К. Но я считаю, что газета не на пустом месте создается.

Г. Она должна отвечать неким потребностям.

К. Конечно.

Б. Потребности формируются.

- Г.** Я объясню. Можно объяснить и создать некий миф. Очень легко.
- Б.** Некий текст.
- Г.** Да, некий текст. И создать некий образ, некий стереотип, например, страшного кавказца, который похищает детей, насилует женщин и т. д. Найдет это отклик в сегодняшней Москве?
- Б.** Естественно. Потому что это поддается моделированию.
- Г.** Да, это сделано по каким-то технологиям. Но давайте попробуем сделать то же самое из татарина.
- К.** Невозможно.
- Г.** Самая крупная этническая общность в Москве – татары. Думаю, это найдет очень слабый отклик.
- Т.** Есть же такая переделанная пословица: “Незванный гость лучше татарина”, – где скрыта сильная аксиологическая модальность татарина.
- С.** Где?
- К.** Образ врага “сделать” можно.
- Г.** Но образ врага сделать из татарина сложно. Это в большей степени – некое историческое представление.
- Б.** Из любого можно сделать.
- С.** Что такое оценочность с точки зрения стереотипа?
- Б.** Оценочность с точки зрения стереотипа целелогаается.
- К.** Давайте еще раз проговорим. Что такое канон и эталон, мне более или менее понятно. Не будем говорить сейчас об универсуме: это очень сложные вещи. Если идти от индивидуума через социумы к национальному и дальше – к универсуму, давайте остановимся на уровне национальном, согласны? Это по крайней мере то, что мы хоть как-то можем обозреть, и какой-то конкретный материал у нас более или менее уже проходит: по именам, прецедентным высказываниям и т. д. Так вот, канон и эталон могут существовать и, на мой взгляд, существуют, наверное, на национальном уровне. Мы об этом говорили в прошлый раз. Эталон – это некая мера, это нечто единичное, с чем я сравниваю. Канон – это “лекало”, по которому я работаю. В связи с этим – что такое стереотип? Выскажу идею, о которой я уже раньше говорила, по-моему, ни у кого из участников нашего семинара [“Текст и коммуникация”] это не вызывает неприятия: если на национальном уровне мы можем говорить о прецедентных феноменах, о каноне и эталоне, то стереотипы скорее всего всегда социумны. Тогда вопрос: могут ли быть стереотипы на национальном уровне? Не даром у нас возникли все эти проблемы с локальными ассоциациями и со всем остальным: и мы так или иначе выходили на уровень социума. Другое дело, что социум может быть очень большой и может

- приобретать как бы квазинациональный статус. Так все-таки – что такое стереотип?
- Г.** Вита, у тебя была хорошая идея, что нужно разводить два понятия стереотипа: один стереотип – это некое действие, да?
- К.** Да.
- Г.** Второй стереотип – это ментальная картинка. Это все-таки разные вещи, да?
- К.** Да, принципиально разные вещи.
- Г.** Потому что “*Передайте, пожалуйста!*” – это в принципе тоже стереотип, то, чем Ю. Е. Прохоров занимается, то, о чем он пишет, называя прагмарефлексами. А есть нечто другое, есть то, опять же ты говорила (по Ассоциативному словарю): *учительница – указка, очки и журнал*.
- Б.** Мы возвращаемся опять к проблеме, к которой я перебрасывал мостик: имеем ли мы дело с онтологической реальностью или с рациональной ментальностью? С моей точки зрения, мы все время говорим и скатываемся к тому, что все-таки это некоторая национальная нагрузка. Это не онтологическая реальность. И поэтому вместо “кавказца” операционально можно поставить белоруса, украинца, кого угодно.
- К.** Не уверена, не уверена.
- Г.** Нет. Нет. Виртуальный мир, который моделируется, виртуальность – это (то, что Вита говорит) ирреальность, которая выдает себя за действительную реальность. Но эта ирреальность строится всегда на основании (в разных пропорциях) некоей действительной реальности и некоей “добавочной стоимости”. Эта действительная реальность должна быть.
- К.** Да. Правильно.
- Т.** Позволю себе Вас перебить, у нас же свободная дискуссия, да?
- Г.** Да, конечно.
- Т.** Нужно разводить в зависимости от сферы приложения того или иного сформированного человеком (в данном случае это, видимо, не только лингвисты), скажем, концепта, понятия (как хотите назовите это), в зависимости от того, к чему мы прилагаем стереотипы, активируются те или иные слоты фрейма. Поэтому здесь я не вижу существенной разницы, это будут вариации: будет ли это приложимо к фразе “*Подайте кофе*” или к приветствию, или к тому, чем Юра и его коллеги занимались, – т. е. к стереотипам поведения. Это все равно будет то, что члены некоего социума воспринимают как то, что соответствует, имеет параллель с тем, что Рош очень хорошо выделила как *прототип*: маленькая птичка (для русских этот прототип – *воробей*). Но это

на вещном уровне, а стереотип относится к деятельности. Они, как мне кажется, очень уравновешены, т. е. это некое коллективное представление некоего социума, которое реализует себя как модель разных форм деятельности или вещности. Если это модель “вещи”, тогда это прототип. О стереотипе птички говорить – даже в лингвистическом обиходе просто язык не поворачивается. Вещи и события, свойства – это ведь разные миры, и к ним приложимы разные термины. Поэтому, когда мы говорим о стереотипе, любая деятельность мотивирована некоторой прагматической интенцией.

С. Ты хочешь сказать, что эталон и канон прототипичны?

Т. Я хочу сказать, что стереотип, как мне кажется, наиболее верхний, как вы говорили в прошлый раз, уровень, который может быть, если принять его как всеобщее, что это разделяемая всеми некоторая, как Вита сказала, мера...

К. Я сказала: эталон – мера.

Т. Я согласна с Вами. Если мы оттолкнемся от Рош, что есть некоторый образ, то стереотип – это на деятельностном уровне и приблизительно в такой же параллельности. Т. е. для меня стереотип – это, входя, сказать “*Здравствуйте*”, или “*Привет*”, или произнести какое-то приветствие. И другой эффект: если кто-либо этого не сделает – про него скажут “хам”. Вот аксиология: человек – хам.

К. Вероника Николаевна, Вы не считаете, что есть какой-то образ, например, когда говорят “*русский мужик*”...

Г. Или этнические стереотипы.

К. Да, те же этнические стереотипы – ведь это же не деятельностное!

Б. Почему? Это определяет деятельность по отношению к...

Т. ... по отношению к чему-то, к референту... Вы говорите: структурированное/неструктурированное, действительность/недействительность, но если это модель, то это модель чего-то структурированного. Каков референт, такова и реакция, как мне кажется. Поэтому стереотип поведения и стереотип ментальный не контрадикторны. Например, *русский мужик* или *русский народ*. У нас на симпозиуме был доклад, очень интересный, о том, как в XVI веке видели нас немцы. Как варваров. Это их стереотип. Это зависит от сферы приложения. Поэтому, мне кажется, стереотип и надо пока оставить как общее (я не то чтобы очень сильно на этом настаиваю), потому что мне кажется, что все остальное от него отсчитывается, исчисляется. Потому что эталон – это ведь тоже стереотип.

Б. Только надстраивается от него.

Т. Ну, как хотите. Тот снизу, тот сверху. Это ведь зависит от глубинного уровня: с какого уровня мы пойдем, от чего мы оттолкнемся. Извини-

- те, здесь не принято так много говорить, вы меня прерывайте.
- С.** Принято-принято.
- Т.** Я читала работы Юрия Александровича и его очень хвалю, когда он занимается эмпирическим материалом, а не произносит термин “культурема”, тоже очень полезный... *(Общий смех)* Иногда такие хорошие мозги в такую терминологию уходят, что я потом долго думаю: что бы это значило. И понимаю я его одна. И “антропофилия” мне очень понравилась. Этот термин я поняла сразу.
- Г.** Вы знаете, что такое “синментальный” и “палеоментальный”?
- Т.** Нет. *(Общий смех)*
- Г.** Мы тоже необразованные.
- Т.** В результате он такое накрутил, что я хотела ему сказать: “Приведика ты лучше синоним, чтобы народ знал”. Потому что, как вы сказали сейчас, необразованные мы все. Образованные в могилах лежат. А мы... *(Общий смех)*
- Т.** Жолковский в свое время про Диму Сигала сказал: “Если бы я знал столько, сколько он, я бы повесился”. Поэтому, чтобы жить, надо немножечко не знать. Так вот. Я согласна, что эталон есть компарационная цепочка.
- С.** Права. *(Общий смех)* Это проще.
- Т.** Через компарационные цепочки видна мера. Слева всегда стоит некоторое свойство (по отношению к Моне Лизе надо подумать, что там перед улыбкой стоит), а справа стоит некоторая сущность, назовем ее так, потому что она может быть любой семиотической природы (языковой, художественное полотно, музыка, что угодно). Таким образом, как принято говорить, мир измерен: неуклюжие женщины – в коровах, мужество мужчин в английском – в быках, в русском языке... не знаю, в чем оно?..
- Г.** В быке... В львах, наверное.
- Т.** А вот и нет. Давайте: “*Мужественный как...*” Не измеряется.
- Г.** “Как лев”, почему нет?
- З.** Нет.
- Тр.** Бык.
- З.** Скорее, “*здоров как бык*”. Эталон силы, здоровья – бык.
- Г.** Ну да, наверное.
- Т.** А у нас “львов не растет”. Ослы-то к нам пришли, я думаю, через славянские тексты. Вот в этом смысле, когда мы говорим о тексте, я предпочитаю говорить о дискурсе, расширяя это понятие вслед за Р. Бартом, имея в виду более широкое понятие – культурный дискурс, т. е. текст как культурный дискурс, на котором прошли, я по Барту сейчас говорю, линии смысловых связей. Я считаю, что в эталоне за-

дано свойство и то, в чем оно измерено данным некоторым социумом. Все оказывается измеренным: мудрость, глупость и т. д. Это язык – на языковом уровне. Это тоже стереотип, потому что это в языке воспроизводится. “Она корова” – и всем все ясно.

- Г. Я хотел задать Вам вопрос. Да, *хитрость* измеряем в *лисах*, совершенно верно. Но, скажите, пожалуйста, есть ли какая-нибудь разница: *хитрость* – *лиса* и *поэт* – *Пушкин*? А *гениальность* – *Моцарт*. Это совершенно очевидно. Это подтверждает ассоциативный экспериментальный опрос.
- Т. Вы все равно шли моим путем, той же моделью и той же структурой. Вы задавали свой вопрос и ожидали реакцию. Там не было грамматической структуры компаративной цепочки, это совершенно необязательно: она может быть опущена по каким-то причинам, это уже, так сказать, поверхностный уровень языка. Да, я согласна, что, допустим, эталон гениальности поэта (это более сложное построение) – такой. Вот и все. Если мы уйдем с поверхностного уровня, то я с Вами согласна: да, это эталон.
- Г. Какая-то разница есть все-таки между *Пушкиным* и *коровой*?
- Т. Гениальность поэта измерена в Пушкиных. Вот моя перефразировка. Дайте мне другую перефразу, которая опровергает эту семантическую запись.
- К. Мне кажется, что все-таки эталон единичен в основе своей.
- Т. Вот абсолютно не согласна. Что значит единичен в своей основе? Вот этого я не понимаю.
- К. Пушкин – он один, и Моцарт – один.
- Т. Да, но коров много. Медведей много. Ослов много.
- К. Да, и это не какой-то конкретный медведь, а Пушкин...
- С. Это собственные имена.
- Т. Дима – специалист по собственным именам. Собственное имя имеет некоторое свое отличие (тут я выступаю как чистый лингвист) от того, что называется в грамматике нарицательным именем, назовем просто это предметным рядом. Вот и вся разница. Потому что существует разница в языке в презентации вот этих сущностей, она ведет себя по-разному. Опять же мы говорим о том, что здесь структура или модель как бы одна, а формы ее презентации зависят опять же от референта.
- Г. Понимаете, здесь есть проблема. Мне любопытно: *лиса как хитрая*, *медведь как неуклюжий* – это имя собственное или нарицательное? Вот у меня такое впечатление, что в этой паре значений *лиса* и *медведь* выступают как некие единичные предметы.
- Т. Во-первых, это не лиса с хвостом, с лапами, мы этого не видим...

- Г. Это некий мифологический образ.
- Т. Во-вторых, она вышла из сказок. Это не совсем то. А как называли Рагулина? Здесь сидят молодые, они этого не помнят – “шкаф”. Мощный хоккеист. *Рагулин – шкаф. Пушкин – гениальный поэт.* Тут какая-то интерпретация может быть и т. д. Вита, я не поняла, что такое единичность. В случае Димы это может быть единичность.
- С. Вероника, Вика имеет в виду “уникальность”.
- Т. Уникальность для данного социума. Что значит уникальность?
- К. Ну как? Пушкин – он ведь один.
- Т. Подождите, с Пушкиным мы считаем, что это частный случай. *Пушкин* – он Пушкин, он один, у него есть свое имя. Это уникальный эталон. Равно как *Мона Лиза*: она одна, и сколько бы ее ни фотографировали и ни тиражировали, это такой объект.
- Б. И *лиса* тоже одна.
- Т. Остается ли модель та же – вот в чем вопрос. По отношению к классу мифологических *лис, шкафов*.
- Г. Это все-таки что-то другое. Есть какая-то разница.
- Т. Есть, конечно. Но Вас же призвали уйти с поверхностного уровня на уровень модели или структуры. Сформулируем структуру хотя бы семантически...
- Б. Либо нам придется признать, что структуры нет.
- Г. Где?
- С. Где?
- Б. Ассоциация – это серия. Там нет структуры, вот почему проблема и возникла.
- Тр. Вы все говорите об одном и том же.
- Б. Они – да, а я – нет. (*Общий смех*)
- Тр. Причем, по-моему, это “одно и то же” называется одним простым словом “эмблема”, т. е., по Лосеву, конвенциональный знак. Есть некие эмблемы, они бывают разные.
- Г. Эмблема – это знак, а мы говорим о представлениях.
- Тр. Нет, извини, пожалуйста. Есть эмблема “*Пушкин*”. То, о чем я вам сказал: поэта Пушкина управдом не читал, но имя его употреблял ежедневно и многократно. Есть эмблема “*лиса*”, есть эмблема “*пиво за столом*”.
- Т. Миша, скажите мне, что есть эмблема как таковая. Дайте мне определение.
- Тр. Конвенциональный знак. Внутри любой культуры рано или поздно возникают эмблемы. Рано или поздно возникает такое, с чем определенный представитель данного культурного социума связывает какое-то определенное представление.

- Б.** Но культура возникает только тогда, когда появляется набор представлений.
- Г.** Это называется сложно означаемое...
- С.** Не-не-не...
- Т.** Соотнесите, пожалуйста, чтобы мы хоть немножко разобрались, в каком тождестве и различии находятся эмблема и стереотип, эмблема и ритуал, эмблема и эталон...
- Тр.** Эталон – это есть некоторый образец, которому стоит следовать. Можно у женщины взять пальто, что, собственно, я и сделал, когда Вы вошли.
- Т.** Это скорее ритуал или даже канон.
- С.** А канон?
- Тр.** Канон – зайдите в церковь.
- Т.** Там канун, а поют каноны, да. Но это несколько разные вещи.
- Тр.** А эмблема – это то, что я произношу какое-то слово, я делаю какой-то жест, и, соответственно, любой в данном конкретном социуме понимает, что под этим разумею в виду.
- Г.** Это проблема социума.
- Тр.** Я непонятно говорю?
- Г.** Нет-нет. Это основы другой знаковой системы.
- Тр.** Правильно, правильно. Это называется “эмблема”.
- Г.** Все правильно. Но дело в том, что знаки бывают разного типа, согласись, пожалуйста.
- Тр.** Безусловно, и эмблемы разные бывают. Самые разнообразные.
- Г.** Зачем тогда нужно слово “эмблема”, если мы пользуемся словом “знак”?
- Тр.** Знак, понимаешь... Вот я кукиш нарисовал, это знак...
- Г.** Да.
- Тр.** ... но не эмблема.
- Г.** Почему не эмблема? Тоже эмблема.
- Т.** Это знак, но не эмблема?
- Тр.** Это не эмблема.
- Т.** Но это знак. И если мы говорим, что эмблема – это знак, то это тоже эмблема.
- Г.** Что такое эмблема?
- Тр.** Хорошо. Если я сейчас стол переверну – это будет знак? Знак. Но не эмблема.
- Г.** В зависимости от того, будет это знаком или нет.
- К.** Хорошо, тогда у меня вот такой вопрос. Кукиш – если Вы покажете корейцу и если Вы покажете латиноамериканцу. Это разве будет не эмблема? Обозначает одно и то же. Но в одном случае это страшное

оскорбление, в другом случае – это пожелание процветания, жизненной силы и всего остального. Латиноамериканцы его вообще часто носят как украшение.

Тр. Тогда в данном случае это, естественно, будет эмблема.

К. Тогда мне не очень понятно.

Т. У Вас эмблема как бы знак (вот тут разница), а стереотип как концепт – не знак, и эталон как концепт – не знак.

Г. Здесь вопрос очень простой: стоит за ним понятие или нет? Если ты перевернешь стол, то в разных контекстах это может читаться по-разному: это может быть знаком того, что ты выпил больше, чем нужно; это может быть знаком того, что ты не умеешь себя вести; это может быть знаком того, что ты хочешь изменить тему разговора; в некоторых контекстах это может быть знаком гнева, а может вообще не иметь никакого знакового значения, потому что можно перевернуть стол или чашку с чаем случайно. В данном случае за этим не будет стоять, конечно, какого-либо понятия. За кукишем понятие стоит.

К. Мы совсем уже ушли куда-то в другую сферу.

Г. Я согласен. Мы перескочили на проблему понятия, а пока мы об этом вообще не говорим.

Тр. Я о чем хотел сказать? Вероятно, я плохо об этом сказал. Я хотел сказать, что когда говорят о стереотипах, каких-то представлениях, понятиях и т. д., по-моему, речь идет чисто об эмблемах, т. е. о том, что мы с вами понимаем.

Г. Понятно, но этот термин нам мало что дает и мало объясняет.

Вольская. Я все-таки хотела бы обсудить вопрос, о котором я говорила еще до начала дискуссии: как феномен приобретает статус эталона или канона?

Т. Некоторые вещи, которые безусловно существуют, стали для данной культуры по каким-то признакам.

Г. Скажите, пожалуйста, стереотип аксиологичен? Он маркирован аксиологически или нет? Потому что на мой взгляд, эталон – однозначно.

Т. Я думаю, что модальная рамка стоит у всякого субъективно. Поэтому я не знаю. Ее надо на всякий случай вывести и потом смотреть.

Г. На мой взгляд, стереотип к этой проблеме достаточно индифферентен. Эталон – нет. Эталон всегда занимает...

Т. Вот смотрите, Пушкин, ну допустим, это у нас как бы эталон, но, как мы сказали, что мы можем и к стереотипу перейти: *Пушкин – гениальный поэт со знаком “плюс”*. Все.

Г. Да.

- Т.** Со знаком “плюс” было исходно. А если сказать “*Она корова*”, то “*она неуклюжая*” – уже аксиологически оценено. *Корова*, которая вообще-то дает нам молоко, попадает по этому признаку в эту аксиологическую модальность. Поэтому надо смотреть: какая структура или модель здесь есть. Вот эти примеры показывают, что идет модально-рамочная обработка концепта.
- З.** Но аксиологичность, наверно, будет проявляться именно в тех стереотипах, которые являются стереотипами-образами.
- Т.** Я просто работаю с образными материалами, и когда вы мне говорите про *Мону Лизу* – она тоже образ. Дайте мне что-нибудь не образное.
- Б.** Все, все можно вывести на образ.
- Т.** Это метафоричность, здесь просматривается метафора.
- К.** Но стереотип поведения в данном случае не будет, по-моему, иметь аксиологичность.
- Г.** Может не иметь.
- С.** Нет, нет. Стереотип поведения тоже может ее иметь.
- Г.** Всегда?
- С.** По-моему, всегда. Кстати, я придумал определение стереотипа.
- Т.** Поведение – тем более! Поведение – это прагматически ориентированная деятельность...
- С.** Все зависит от того, как договоримся и как мы сформулируем понятие стереотипа, и договоримся ли мы о наличии структуры или отсутствии ее. Я так полагаю, что структуры все-таки, наверное, нет.
- Б.** И модальных рамок тоже нет, потому что тогда бы они были жестко заданы. А они в некоторых случаях не жестко заданы.
- С.** Тогда что это такое?
- Т.** Приведите мне пример эталона или стереотипа без модальных рамок.
- Б.** Вот насчет этих *коров* и всех прочих, которые якобы воспринимаются с неким отрицательным знаком. Но последняя реклама “*Домика в деревне*”...
- Т.** Я оперировала некоторой семиотической сущностью в виде естественного языка, а Вы перешли на другую семиотическую систему.
- Г.** Корова дает молоко. Это просто разные значения, это полисемичное имя – *корова*. Мы обращаемся к разным семам. Когда мы говорим о семе неуклюжести...
- Б.** Нет-нет-нет, та реклама, которая рекламирует молоко “*Домик в деревне*”, там есть гуси, и гуси говорят: “Сейчас замычу. Вот кинозвезды. Опять их снимают”. Здесь совершенно другая, положительная характеристика. Это структура? Но структура подразумевает жесткость. Значит, структуры нет.
- Т.** Почему нет?

- С. Стереотип маркирован положительно или отрицательно, или нейтрально. Все равно оценки мы получаем. А структуры пока не вижу. Но может быть, я ошибаюсь.
- Т. Я хотела бы определить, что Вы понимаете под структурой. Я никак не могу понять: если есть какие-то элементы, типа модальной рамки на что-то, то это значит, что что-то заключено во что-то, а это уже некая структура. Или Вы другим понятием структуры располагаете?
- Б. Нет-нет, это именно то. Есть структурное мышление, есть серийное мышление. Когда мы говорим об эталоне, каноне или стереотипе, то мы имеем дело не со структурным мышлением, а с обыденным сознанием, которое представлено серийным мышлением. Вот почему возможно... Собственно, от *Джоконды* остается улыбка, с чего Митя и начал, да? Но от *кота* тоже остается только улыбка.
- С. От Чеширского.
- Б. *Кот* сам по себе растворяется, но *кот* как целостная структура не исчезает.
- Т. Я прошу: объясните еще раз разницу между структурным и серийным мышлением.
- Б. То, чем занимается Юрий Александрович, т. е. набор...
- С. Я не виноват.
- Б. ... набор ассоциаций – это серийное мышление. Оно не жестко структурировано: это может быть реакция положительная, отрицательная или никакой реакции. Пушкин – великий поэт, может иметь и положительные коннотации, и отрицательные. Я, как носитель русской культуры...
- Т. Пушкин как великий поэт не может иметь отрицательную коннотацию.
- Б. Почему? Для кого-то...
- Т. Но Вы произнесли слово “*великий*”. Если речь идет о языковой презентации, то Вы уже произнесли оценочное слово.
- Б. Да, но когда кто-то говорит, что Верещагин... или Степанов – великий ученый, то, несмотря на то, что мы употребляем...
- Г. Но, согласитесь, что эти имена не являются широко прецедентными.
- С. Вы дадите мне договорить или нет?
- Т. Мы дадим. Значит, ты считаешь, что ассоциативное мышление серийно?
- С. Да.
- Т. А что, есть другой тип мышление, который не оперирует этими посылами, связями, включением в сеть и т. д.?
- С. Да есть, почему нет? Есть, очевидно, такое мышление, мышление сегодняшнего обсуждения – мышление испорченных людей.

- Т. Чем испорченных?
- С. Ну как? Образованием, очевидно.
- Б. Рациональность.
- С. Избыточная рациональность.
- Т. У них же в ассоциативных реакциях не мышление – процесс, а процесс – стимул → реакция: *стул* → *стол*. Где здесь движение по предикации?
- Г. *Стул* → *сидеть*. (*Общий смех*)
- С. Дело в том, что в каких-то случаях, видимо, происходит редукция очень явная, сильная и мощная. Это подразумевается. Иначе бы мы не получили некоторых частотных реакций.
- Т. Так это неестественно – то, что вы исследуете, и поэтому говорить о серийности мышления применительно к естественному речевому процессу и о мышлении в ассоциативном эксперименте...
- Б. Как раз наоборот. Это вскрывает...
- Т. Одно есть способ формулировки и передачи людьми мысли о мире, а другое есть способ отслеживания “стул” → реакция “стол”. Мысль какая тут?
- С. Дело в том, что это не единичная реакция. Если бы в словаре прослеживались только эти реакции, это был бы другой разговор. Потому что совсем было бы нам плохо.
- Б. Реакция “*Пушкин* → *поэт*” – то же самое, что “*стул* → *стол*”.
- К. Скорее “*поэт* → *Пушкин*”.
- С. Я хочу вас все-таки вернуть к стереотипу.
- Т. Я хочу все-таки сказать, что ассоциативное эксперимент (стимул → реакция) – это не речевая деятельность, в ней нет информации творения, сообщения, это другое мышление, другая деятельность. С этим я согласна. Серийное. Все понятно.
- С. С *котом* – скорее всего серийное.
- Г. Когда мы говорим “стол → стул” – как это не структура?! Это как раз безусловная структура! Здесь однозначное структурирование!
- Т. Другое, чем в обычной речевой деятельности. Вот и все.
- Г. Нет, это ментальные, конечно, вещи. Мы про речевую деятельность пока не говорим. Но то, что это структура... это границы лексико-семантической группы...
- Т. Я просто никогда не вдумывалась в это. Мне пришлось работать над экспериментом. Там предлагаются идиомы и нужно дать “текстуху”, как говорится: “*это есть...*” и “*это когда...*”, т. е. мы должны были получить текст от реципиента (идиома включается в его речемыслительный процесс). А здесь – с чем мы здесь имеем дело?
- С. Здесь мы имеем дело, наверное, если вернуться к этим ассоциациям,

со страшно сложными вещами, которые трудно объяснить. Смотрите, идут реакции. Какое-то исходное количество стимулов. Причем учтите – там 500 и 100 испытуемых. И если проследите внимательно, то оказывается, что о структуре как таковой, можно говорить, только если вы учитываете самые жесткие, самые частотные реакции. Все остальное, собственно говоря, достаточно непредсказуемо, особенно если спускаться к низкочастотным реакциям. Причем сами реакции, их качественный состав нужно было проанализировать (но это другой вопрос). И текст в столбцах, которые охватывают 500 и 100 ии., тоже различается. Здесь мы можем говорить только о каких-то сериях, которые продуцируют ии. Но установить закономерность или какую-то жесткость в данном случае мы не можем. Мы можем лишь при обработке придать нашему материалу какую-то жесткость, загнать его в какие-то концептуальные рамки для того, чтобы объяснить это поведение. И все.

Б. Это внешнее, рациональное.

С. Безусловно. Для носителя языка (с чем мы и сталкиваемся всегда) то, что мы делаем, абсолютно непонятно, и они говорят, что это даже и не нужно. Это с одной стороны. С другой стороны... Я все-таки вернусь к стереотипу.

Т. Юра, можно я скажу? Вы получаете сети, как у Залевской и других – тот самый лексикон. Здесь есть структура. Она просто другая.

С. Вот! Вот! Я об этом хотел сказать. Для меня стереотип оценочен. Я не знаю точно, какие оценки, но во всяком случае три присутствуют: положительная, отрицательная и нулевая. Он оценочен. Очевидно, сериен. Ну, действительно, носитель языка не стремится, очевидно, дать окончательные оценки, к чему стремится рациональное мышление. Это с одной стороны. С другой стороны, тогда что такое стереотип? Для меня, например, это... ну давайте так... это легендирование...

Т. Юра, переведи на русский.

С. Создание легенды. Мифологизирование, легендирование синхронического и диахронического поведения.

Б. Можно я просто вставлю? Раз диахронического, сюда вписывается Маковский со своими немцами.

С. Да не только.

Т. Нужен обязательно историзм.

С. Создается некоторая легенда. Причем для чего создаются такие легенды? Они же создаются для того, чтобы защитить свою точку зрения или, если угодно, защитить “информацию”, защитить какое-то утверждение о чем-либо. И если угодно не соглашаться с легендированием, то почему не подобраться к легендированию с точки зрения

этнических различий? Очевидно, можно считать, что стереотип представляет, если сравнивать две культуры, две разные этнические криптограммы. И тогда – что это такое?

- Т.** Почему “крипто”? Ты считаешь, что это намеренно скрывается? Нет, не намеренно.
- С.** Это не намеренно скрывается. Может быть, и бессознательно скрывается. Но так или иначе скрывается.
- Т.** Есть ли интенция сокрытия у стереотипа?
- С.** Для меня это одна из форм защиты. Чеченцы так защищаются, русские так защищаются. Это не сознательно.
- Б.** Можно я скажу одну фразу?
- С.** Все так разговорились, и каждый старается втиснуться... Вика, для истории поговорите.
- Б.** То, что Юрий Александрович говорит, можно простыми словами сформулировать и сказать в одной фразе, – это попытка фиксации и закрепления психоцелостности культуры.
- Тр.** Что?!
- К.** Очень просто!
- С.** Я бы сказал даже – изумительно просто! *(Общий смех)*
- Т.** Очень даже в точку! Но почему только “психо”? А “социо” – исчезло? В культуре осталось?
- К.** Оно осталось в культуре.
- Т.** Повторите, пожалуйста.
- Б.** Фиксация и закрепление психоцелостности культуры.
- С.** Последнее, о стереотипе, иначе забуду.
- Т.** Володя, уберите “психо” и оставьте “культуру”. И тогда это классно сказано.
- К.** Но почему? Если “психо” понимается как отнесенность к сознанию, то почему нет?
- С.** Володя, тут возникает еще одна проблема. Мы ее явно запутали, по моему. Нужно различать эти криптограммы: если это стереотипы, то тогда давайте различать ментальные и поведенческой криптограммы-стереотипы. Это напрашивается, иначе мы запутаемся окончательно.
- К.** Юрий Александрович, спасибо! Это то, о чем я пишу.
- С.** Ну конечно! А почему Вы молчали?
- Т.** В зависимости от той сферы, к которой приложимо то, что мы называем стереотипом, они будут разные. Я только не понимаю это “крипто”. Фиксация и закрепление – вот у Вас, Володя, не было “крипто”. Юра, ты хочешь сказать, что здесь обязательно только функция защиты? Это ритуал. Это немножечко другое: это подвид стереотипа.

- С. Ритуал защищает себя, Вероника.
- Т. Ну, так вот я и говорю. Значит, ритуал – разновидность стереотипа, у которого есть эта интенция.
- Б. Это уже отрефлектированный стереотип.
- З. Можно задать примитивный вопрос...
- Г. Какой он отрефлектированный, когда *вы плюете три раза через плечо?! Какой же это отрефлектированный ритуал?!*
- Б. Вы сначала объяснили следствие...
- (Дискуссия перешла в общий спор)*
- С. Дамы и господа! Я прошу вас дать возможность Красных наконец изложить ее...
- (Общий спор продолжается)*
- Т. Если Вы не знаете, почему Вы тогда плюетесь?
- Г. Я знаю, что это – *оградить от неприятностей*.
- Т. Так вот! Значит, Вы знаете! Этого достаточно.
- Г. Это результат. А почему так произошло?..
- К. На самом деле когда вы разговариваете, например, по телефону и вам сообщают что-то приятно, вы ведь говорите *“Тьфу-тьфу-тьфу, стучу 3 раза по дереву”*. Почему? Чтобы оградить себя от неприятностей? Я не уверена, что это всегда происходит осознанно и именно для того, чтобы оградить себя от неприятностей.
- Т. Это происходит всегда осознанно. У каждого свои неприятности. *“Как Вы себя чувствуете? – Ничего. – Как прекрасно! Тьфу-тьфу-тьфу! Стучу по дереву.”* Значит, у меня есть свои проблемы, свои заботы и т. д. Каждый раз, это активизируется... Вита, но Вы же занимаетесь когнитивистикой... вы же активизируете что-то...
- (Общий спор активизируется)*
- Г. Уважаемые коллеги! У нас, по-моему, начинает получаться беседа, как на свадьбе после пятой рюмки. Все гости говорят между собой.
- (Общий смех)*
- К. Я хочу услышать вопрос Иры.
- З. Вы говорили об аксиологичности стереотипа. Объясните мне разницу: есть стереотип – когда я вхожу, я должен здороваться. Это стереотип? Стереотип. Какая здесь аксиологичность?
- Т. Вежливость.
- Б. Целеполагание. Я здороваюсь, чтобы войти в общение.
- Г. Здороваться – это хорошо, не здороваться – это плохо.
- З. Но это будет осознаваться, только когда человек не поздоровается.
- Б. Почему? Я могу войти комнату и сознательно не поздороваться.
- Т. И вот тогда стереотип нарушен. Мы возбуждаемся и начинаем разгадывать “эмблему”... *(Общий смех)*

- З.** Это все-таки разные вещи. Когда мы говорим “*Этот человек – лиса*”, явно проявляется эта аксиологичность. А когда это связано с каким-то поведением, мне кажется, это проявляется уже на уровне реакции.
- Г.** Правильно!
- Б.** Реакция – это уже есть навык. Сначала происходит (как в педагогике) первичное умение.
- С.** А Красных так и не дали сказать.
- Б.** А как раз навык – вторичное умение. Для того, чтобы сформировать навык, мне надо сначала сформировать первичное умение.
- К.** Мне кажется, что аксиологичность не в самом стереотипе, а во всем том, что его окружает. Я не знаю, насколько аксиологичен сам стереотип...
- Т.** Я с Вами целиком согласна. Всегда надо эту область возводить к дискурсу, к любому.
- Г.** Совершенно верно. То, что мы на нашем семинаре обсуждали, – совершенно разная семиотичность *улыбки* в русском и американском дискурсе. Она же абсолютно разная. То, что у них вызывает бесконечный конфликт, от чего они постоянно испытывают культурный шок и думают, что русские не хотят с ними общаться и демонстрируют им агрессивность, для них улыбка – фатический знак. Для русских – наоборот, скорее. Это не нечто контактоустанавливающее. А для них это – наличие/отсутствие контакта.
- К.** Ну, тогда мы просто уходим в функцию стереотипов...
- Т.** Вот-вот-вот! Вы правильно сказали – функция. Функция предполагает – к чему-то, функция в чем, в каком типе дискурса, но я не настаиваю на этом термине. Можно назвать это более узко – ситуация. Но я в некотором смысле поклонница Барта, который сказал: дискурс – это все. Когда мы будем обсуждать это все без того, где функционирует, то тогда это отрывается и теряет, видимо, реакции, и теряется предметное отнесение. Вот и все. А так я согласна целиком и полностью.
- С.** Ира, я хочу ответить на Ваш вопрос. Вы знаете, почему это происходит? Стереотип осознается как таковой, если он маркирован отрицательно. Ведь на положительные признаки мы не реагируем по очень простой причине: мы экономим усилия и считаем их самой разумной мерой. А вот когда вдруг происходит смена знаков, вот тут-то человек и начинает беспокоиться: ага! что-то нарушено в дискурсе, в поведении, меня обидели, что-то произошло.
- Г.** Я все о своем – о межкультурной коммуникации. Она, конечно, осознается коммуницирующими...
- З.** Коммуникантами.
- Г.** ... коммуникантами именно на уровне различия в оценке. То, что это

различие в оценке спровоцировано различиями в структуре этих стереотипов, вот это осознается очень слабо. И люди совершенно не понимают, почему *русские* считают *француза* изящным, любвеобильным и галантным, а для *немцев* француз – скупой, это буржуа, гладенький, довольно хищный, противный и мелочный человек.

К. На самом деле мы сейчас вышли на то, о чем Наташа говорила: алгоритм создания стереотипа. Но я бы все-таки хотела вернуться на ступеньку назад, когда мы говорили: структурное мышление и серийное мышление. Юрий Александрович, прежде чем я продолжу свою мысль, один маленький вопрос: как проводился ассоциативный эксперимент, на основе которого был создан Ассоциативный тезаурус – ии. мог дать одну реакцию или целый ряд?

С. Сколько угодно.

К. Т. е. в принципе то, что там отражено, – это *все* реакции, которые были получены и которые были обработаны и представлены?

С. Да.

К. Тогда на самом деле получается вот такая вещь. Можно говорить о *внутренней* структуре феномена и о его *внешней* структуре, т. е. о той сети, в которую эти феномены “вписаны”. Я думаю, что здесь ни у кого не возникает сомнения в том, что есть некая, как бы внешняя структура...

Г. Семантика и синтактика, вероятно. Вит, ты об этом говоришь?

К. Нет, немножечко не об этом. Мы можем говорить о некоей системе феноменов, когда мы говорим о тех же эталонах, канонах, стереотипах и пытаемся их определить и разграничить. Это внешняя структура. Внутренняя структура... Мне кажется, что есть “дискурсивное” (в кавычках мышление) и некие модели, структуры, которые у нас существуют. Они могут проявляться в дискурсе в любом случае. Потому что даже когда мы говорим...

Г. Это некое прецедентное мышление. Это вообще термин психологии.

К. Да, это может быть прецедентное мышление. Когда мы говорим, у нас так или иначе возникают какие-то ассоциации. И они могут быть совершенно разные. Другое дело, что когда речь идет об ассоциативном эксперименте, то там, действительно, дискурса как бы и нет.

Т. Ну, вот – недискурсивное мышление.

К. Недискурсивное мышление. Но какой-то... не будем говорить “инвариант”, это какая-то структура, которая проявляется в ассоциативном эксперименте так, в дискурсе она проявляется по-другому, но она одна. И можно, очевидно, говорить о том, что существуют некие структуры. Например, частотные реакции – насколько они предсказуемы, наверное, мы можем судить по их частотности. Что это? Может быть,

это проявление каких-то стереотипов. С другой стороны, может быть “масло масляное” (из Ассоциативного словаря). Что это – стереотип? На мой взгляд, это к стереотипам отношения не имеет. Но это тоже проявляется в дискурсе. Таким образом, мы можем говорить о каких-то структурах, которые мы можем предсказать. И не важно, что в Ассоциативном словаре они представлены единичными реакциями, т. к. в ассоциативном эксперименте (может быть, я не права, я никогда ими серьезно не занималась) очень многое зависит от психического и эмоционального состояния ии. здесь и сейчас.

С. Это несомненно.

К. Поэтому для чистоты эксперимента одного и того же и нужно бы “прогнозировать” несколько раз через одно и то же, тогда может...

Г. Это вопрос больших чисел. Если проверяют много человек...

Т. Они же пишут о себе данные.

К. Ну, хорошо. Но предположим, у меня сегодня плохое настроение, я плохо себя чувствую, меня в транспорте толкнули...

Г. Ну, когда это 10 человек, это имеет смысл учитывать. А когда 500 человек, ну не всех же 500 толкнули...

С. Митя, дайте высказаться Красных: она сегодня долго молчала. Хотя она и не собьется.

К. Нет, абсолютно. Я как танк пойду по своему пути. Мне кажется, языковое сознание может быть определенным образом структурировано, могут быть вычленены и описаны некие структуры. Проще всего это сделать на материале прецедентных феноменов, потому что там достаточно ясно, о чем идет речь: есть прецедентный феномен, он уникален, он часто выступает как эталон. Мы можем его каким-то образом описать, прописать и т. д. Стереотипы более подвижны, они более гибкие, но их, наверное, тоже можно прописать. В первую очередь я говорю о стереотипах-представлениях. И Ассоциативный тезаурус дает очень четкое представление об *очереди* на рубеже 80-90х годов. И там, кстати, будет и образ, и стереотип-ситуация. В чем разница между стереотипом поведения и стереотипом-представлением? Стереотип поведения говорит мне, что я должна делать, он диктует мое поведение, ведь так? Например, я вхожу – я должна сказать “Здравствуйте”, если я в транспорте – “Прокомпостируйте/Пробейте, пожалуйста/Передайте, пожалуйста” и т. д. Стереотип-ситуация говорит мне о том, что в этой картинке *может быть*. Это не значит, что я должна вести себя так. Например, хамство в очереди, стереотип – “хамство, хамят” и т. д., но это не значит, что и я должна хамить. Однако это действие в данной ментальной картинке присутствует, т. е. это мы тоже можем каким-то образом структури-

ровать. Итак, для меня стереотип – это стереотип-представление, сюда же входят и стереотипы... то, чем Митя занимался. Как они называются, двойные имена, да?

Г. Двусторонние.

К. Извини, двусторонние имена. Я не знаю, к чему они (зооморфизмы) ближе, к стереотипу – *лиса, волк, заяц* и т. д., да? На мой взгляд, это ближе к стереотипу, хотя по функционированию, наверное, это очень близко к прецедентному феномену. Не знаю. По крайней мере, я высказала мысль о том, что мы что-то можем структурировать.

Т. Поскольку вы на танке и Вас не прервешь, скажем так, что это стереотип, который представлен под видом эталона и состоит из прецедентного текста. Выстраивается такая цепочка, и ничего не теряется при этом.

К. Но вот следующий вопрос...

Тр. Вероника Николаевна, Карфаген должен быть разрушен.

Г. Прецедентное высказывание, кстати.

Т. Должен быть. Он уже разрушен.

Тр. Да, безусловно. Скажите мне, пожалуйста, как Вы понимаете разницу между тем, что я попытался назвать эмблемой, и стереотипом?

Т. Я ее еще никак не поняла, честно говоря.

К. Еще один в танке, по-моему.

С. Причем в конструктивно хорошем.

Тр. “Уберите огонь, дайте мне руку” это называется.

С. Эмблема для меня, Миша, – это очень простая вещь. Эмблема, да? Ну, это, собственно говоря, овеществление стереотипа, представление о каких-то формах – визуальных, вербальных и т. д.

Т. Овеществление – мне нравится все-таки, потому что эмблема всегда на виду.

Тр. А стереотип где?

С. Сидит, видимо, где-то внутри.

Т. Ассоциативно опять же, эмблема – это некоторая вещьность, которая сигнализирует о некотором...

Тр. О причастности к некоторому социуму. Вы согласны?

Т. Да, ну да. Можно, можно. Ну, функция, она всегда социумная.

Б. Она сама по себе, почему нет?

К. Нет.

Т. Ну как она сама по себе?!

Б. Что такое *Пушкин* для американцев?

Т. Все дело в том, что он понимает под эмблемой. Вы мне не сказали толком, как Вы расширили это понятие.

С. Все очень просто. То, о чем он говорит, назовем геральдическим

стереотипом и успокоимся.

К. Очень хорошо.

Т. Правильно. Но он-то не успокоится.

С. Успокоится, больше ему некуда деваться.

Тр. Боже мой, я, что...

Т. У него же там не геральдический стереотип: он же занимается поэтикой, ему нужна иная эмблема.

С. Вероника, поэтикой он, конечно, занимается, но о поэтике ни слова не сказал. Он нас ловил на эмблемах.

Т. Почему ты считаешь, что он согласится с тем, что эмблема – это геральдический стереотип?

С. Миша, скажите, Вы согласны или нет?

Тр. С чем?

К. Эмблема – это геральдический стереотип.

Тр. Да нет, ну почему геральдический?

Т. Ну вот, я же сказала, что он не согласится.

С. А какой же, а какой же?

Т. Он мне подарил книжку, я прочитала его книжку, я приблизительно знаю, что он о себе думает и как он думает. (*Общий смех*)

Тр. Вероника Николаевна, я Вам не автобиографию дарил.

Т. А я вычитываю автора через текст.

Г. Можно я скажу? Мы, по-моему, коснулись очень важной проблемы. Проблемы на самом деле старой, в старых терминах формулируемой очень просто: проблема значения и употребления: вот это сознание, а в речи это по-другому; в языке это так, а в речи это несколько иначе. И действительно, в некоторых ситуациях условно... Мне что пришло в голову? То, о чем мы думали вчера – мы обсуждали словарь прецедентных имен, – мы взяли *Остана Бендера*. Нам надо описать стереотипное представление (мы это называем инвариантом восприятия). И обнаружилась довольно любопытная вещь. У меня есть анкеты, на которых это все базируется. И там: *прелестный жулик, благородный аферист, симпатичный авантюрист*. Потом стали смотреть употребление. Я притащил карточки с употреблением этого имени в СМИ. Я говорю: слушайте, смотрите употребление – где здесь хоть раз проходит позитивная оценка? Ну, совершенно нет! Там было: *бывший шулер открыл казино и гребет деньги, так что Остан Бендер может позавидовать*; по поводу алмазного дела, по поводу Козленка была фраза: *надо выяснить, кто из правительства отвалил миллион долларов этому алмазному Бендеру*. Ну абсолютно не проходит *симпатичный, благородный, обаятельный*, хотя в анкетах этот текст идет постоянно – это пишут, отвечая на вопрос: *кто такой*

Бендер? Т. е. в употреблении это не актуализируется, хотя в представлении, что любопытно, есть. *Бендер* – это некий образ, стереотипный и в чем-то эталонный, конечно, там эти коннотации активно присутствуют. Может быть, они где-то актуализируются, но вот примеры (их, конечно, не так много, но те, что есть) разные.

- Т. Митя, Вы забыли: за ним стоит знак, за Козленком или за кем-то...
- С. В прессе так и должно быть. Они из этого образа вычлениют то, что им нужно.
- Т. Сарказм или ирония.
- Г. Юрий Александрович, здесь вопрос такой: этот образ позволяет им так делать.
- С. Да, он многомерный. Но дело в том, что ориентироваться на прессу, можно, в этом смысле только в том случае, если фиксировать некоторое визуально-вербальное поведение самой прессы. Собственно политический дискурс – это тотальная эдипизация событий и людей. Вот что они хотят. Они хотят стать маленькими или большими Эдипами и нам навязывают эту точку зрения.
- Г. Юрий Александрович, пожалуйста, а что имеется в виду под эдипизацией?
- С. Ну, Эдипов комплекс, конечно. Хотя для меня это только фрагмент вербального сознания. Когда я говорю “узуальный”, я не имею в виду тексты такого рода. Вот то, что Вы делали с ПТУшниками, и Вика делала с другими контингентами, я рассматриваю как, ну, допустим, картографирование подлинного вербального узуального сознания.
- К. Юрий Александрович, но, с другой стороны, что мешает тому же “Московскому комсомольцу”, известному своим ерничеством по делу и без дела, использовать того же *Остапа Бендера* сугубо положительно? Тем более, мне кажется, что по каким-то параметрам он им должен быть очень близок как тип – любимый, хороший.
- С. Сверхзадача другая.
- К. И вдруг неожиданно идет использование в таких контекстах, где явно негативная оценка.
- Г. Притом, что вручают приз “Золотой Остап”, притом, что они выходят все в характерных обликах.
- К. Да, да.
- Г. Там-то они, естественно, наоборот, себя ведут. Самое интересное, я думаю, если человеку сказать: “*Ты сегодня настоящий Остап Бендер*” – я думаю, ему это, будет, скорее приятно.
- С. Дорогие мои, дорогие мои...
- Т. Мы пошли по десятому кругу, Вита уже об этом сказала. Функция *Остапа* в награждении за юмор совсем другая, вы называете это

употреблением. Функция, употребление – близкие вещи. Так что Вита уже эту мысль промолвила, что все опознается в соответствии с функцией в каком-то дискурсе, в ситуации.

Г. Вероника Николаевна, но при этом есть некий образ, который...

Т. Образ – всегда фигура на фоне, говорили гештальт-психологи.

Г. Хорошо.

К. Хочется крыть, а нечем. *(Общий смех)*

Г. Если рассматривать не реализацию системы, а систему, возвращаясь все-таки к структуралистской терминологии, то вот в этой системе самой по себе образ есть нечто другое, он чем-то отличается.

Т. Вы все-таки хотите, чтобы мы сейчас начали с образа?

Г. Нет, нет.

Т. Но мне хочется, чтобы мы сегодня... мы должны хотя бы взять стереотип, эталон, канон и что-то еще там у нас сегодня замаячило, какой-то концепт. Да, ритуал. Все-таки он существует, ну, обычай, навык там близко. Чтобы здесь хоть выстроить. Потому что Вы сказали слово “образ”, я сильно возбудилась. Боюсь, что мы отсюда сегодня не уйдем.

С. Ну, можно сделать перерыв, два часа идет дискуссия.

Т. Нет, ну Вита сказала, что она пойдет, как танк, но ее прервали, я не вижу этого Вашего танкового хода, где он?

К. Сейчас, сейчас. Я пойду по этому пути. Иначе говоря, если мы можем вычленить какую-то структуру все-таки, да?, то, соответственно, мы здесь можем... (Володя, это уже камешки в Ваш огород пошли) ... если мы можем вычленить какую-то структуру и опираться на материалы, которые у нас есть (это материалы анкет и материалы того же Ассоциативного тезауруса), т. е. что-то может вычленяться, то, может быть, мы можем все-таки более четко определить, что такое стереотип хотя бы для начала. И на самом деле, анализируя эту структуру, может быть, каким-то образом мы сможем и вычленить тот самый алгоритм, о котором говорила Наташа. Я думаю, что Наташа имела в виду не только исторический процесс, почему одно стало стереотипом, а другое не стало.

Т. Владимир Николаевич сказал сейчас прекрасную фразу про стереотипы. Или Вы что-то другое сказали? Зафиксировано с целью...

Б. Сохранения, да. Нет, а потом, проблема-то в том: мы никак, вернее, вы хотите выявить структуру, а все примеры опровергают это структурирование.

С. Почему вы опять не даете говорить Красных, а?

Б. Что Вы, что Вы!

Т. Вита, мне как-то понравилось то, что Вы повторили: фиксирован-

ность, устойчивость – это показывается в ассоциативном эксперименте: Ваши стереотипные реакции, с целью закрепления чего-то, надо оставить валентность как некоего “х” как ментальную структуру, поведенческую и т. д. в культуре. Пишем в скобках: духовной, социальной, материальной. Почему бы нам не считать, что это самое широкое понятие, а дальше идут подвиды.

Б. Да.

К. Значит, стереотип – это тогда что, Володя?

Т. Структура.

Б. Ну, во-первых, это, скажем, продукт серийного мышления.

Т. Когда вы ее уже вербализовали, хотите вы или не хотите, вы ее уже структурировали.

Тр. Вероника Николаевна, согласно Вашему определению, стереотип есть реализация эмблемы. *(Общий смех)*

Т. Определение было не мое, а Владимира Николаевича.

С. Все-таки мы вернулись к нашим баранам.

Б. Нет, а можно различать структуру как продукт извращенного рационального европейского мышления, как определенный продукт воспитания и образования. И с другой стороны...

Т. А куда денешься!

Б. ... мы должны попытаться сознаться самим себе...

Т. ...что мы европейцы?

Тр. Сознаюсь.

Б. А во-вторых, этот способ рационального мышления не является единственным, не может являться приоритетным и не является самым достоверным. И стереотип – если мы отходим от уровня обыденного сознания, то там вообще этого быть не может.

К. Володя, мне кажется, мы говорим о разных вещах, потому что одно дело – это мышление как процесс и другое дело – это структура, которая либо есть, либо нет. Ее можно, конечно, вчитать в тот феномен, в котором ее изначально нет, но мне кажется, что здесь как раз ситуация такая, что мы просто открываем что-то.

Б. Тогда Вы постулируете, что он онтологичен.

К. Понимаете, законы Ньютона были и до Исаака.

Б. Нет.

К. Ну как нет?

В. Но яблоко падало.

Б. Так это не было законом. Падение яблока на землю с ветки – это не закон.

Т. Вита, мы моделируем некоторую сущность, ментальную, мы структурируем.

- К.** Да, да.
- Т.** Да, это продукт, это не скоба, не стул, это так сказать, интеллектуальный продукт размышлений для круга за столом.
- Б.** В действительности этого нет.
- Т.** Ну почему нет, почему нет?
- К.** Вот мне тоже кажется – почему нет?
- Т.** Я все-таки считаю, что Пушкин – великий поэт, я считаю, что неуклюжая – кто-то и т. д. Этому соответствует структура, мы вполне построили пропозицию, по Витгенштейну, потому что мы сейчас работаем в мире того, что Вежбицкая назвала “Идеальное”, и вот на этом уровне мы должны сказать, что наше европейское мышление это построило так. А что, китайцы, у них есть стереотипы или нет, и модель иная там? Интеллектуальная модель, это и будет структура этого концепта.
- Б.** Конечно, она будет совсем другая.
- Т.** А о какой еще структуре мы вообще говорим? Я так понимаю, что об этом же. Метаязык?
- Б.** Нет, структура в рамках именно структурного подхода, т. е. вот когда Вика пытается разложить эталон. Мы просто, очевидно, о разных структурах тогда говорим. В прошлый раз речь шла о том, что эталон есть то-то, то-то, то-то, составляющие эталона. Это структура в структуралистском понимании. Да? И когда от этой структуры начинают плясать, тогда, действительно, становится не понятно, почему *Остан Бендер* может быть и таким, и таким, почему газета может использовать эту структуру. Почему *Остана Бендера* можно использовать в таких и таких функциях, потому что это же структура! Она неразложима, не вариативна и структуру нельзя тронуть, потому что она тогда разрушится.
- С.** Тогда получается, что стереотип – это локальная ассоциация...
- Б.** ...свободная.
- С.** Больше того, это тело аффекта, этнически ранжированное, больше ничего.
- Б.** Это какая-то когнитивность.
- Г.** Но не всегда этническая.
- С.** Это реплика по поводу китайцев?
- Г.** Да.
- Т.** Юра, только ты скажи, что устойчиво воспроизводимая, или стереотип не состоится, по определению Владимира Николаевича.
- С.** Он всегда устойчиво воспроизводим, это несомненно, он таким и должен быть, иначе он не существует...
- Б.** Что значит воспроизводим? Он в какой-то момент становится неосоз-

- нан, нерелексируем...
- С.** Тогда он и воспроизводим!
- Б.** Нет, нет, воспроизводство – это не то. Он тогда уже просто начинает бытийствовать.
- С.** Ну хорошо. Ну они продуцируются, пожалуйста.
- Г.** Каждый раз ?
- Б.** Уже сами по себе.
- Т.** Тут у меня вопрос. К методологам. Значит, мы сейчас говорим о метаязыке для описания некоторого объекта. Я правильно понимаю?
- Б.** Нет. Насколько я понимаю, мы пытаемся разобраться, что представляет собой вот этот метатермин. У нас метаязык уже есть – эталон. Мы пытаемся разобраться, что это такое.
- Г.** Дать терминологические объяснения, как я понимаю, понятиям метаязыка.
- Т.** Ну в общем хорошо, вы подняли еще на один уровень. Но мы находимся на уровне некотором, назовем это мир “Действительное”, опять же по Вежбицкой, ну, там, где мы едим, пьем и т. д., для чего все знаковые системы в конечном счете и нужны. Уберите из нее мир “Действительное” – знака нет. Значит, мы обсуждаем эту проблему. В таком случае мы обсуждаем проблему структуры концепта?
- Б.** Или отсутствия таковой структуры ...
- С.** Я предлагаю сделать перерыв, и потом дать слово Красных. *(Общий смех)* Меня это стало уже беспокоить. Сделаем перерыв.
- Г.** Инвариант есть.
- С.** Перерыв!
(После перерыва)
- Тр.** Вероника Николаевна, вернемся к вопросу об эмблеме.
- Т.** Нет, почему Вы решили, что к вопросу об эмблеме? У нас Вика должна пройти своим танковым путем, как она нам обещала.
- Тр.** Потом Вы пройдете танковым путем по мне. Относительно моей эмблемы.
- Г.** Не надо считать себя фигурой, равной Черчиллю.
- Т.** Я не могу, потому что у Вас своеобразное представление об эмблеме, без которого я обхожусь некоторым странным образом, поэтому, так сказать, каждый остается при своих интересах. Просто сейчас не готова это обсуждать. Меня сегодня волнует стереотип, эталон, канон. Канон – это как бы лекало, эталон – это типичный антропометрический принцип, он же антропофизический.
- С.** Ну, соглашусь.
- Т.** Значит, про структуру. Виточка, ну Вы же хотели танком. Но сначала, Володя, я так и не поняла – структура в структуралистском смысле.

Поскольку я и прочитала Вашу книгу, но, может, я не обратила внимания, что имеется в виду под структурой при каком-то другом смысле? Что Вы вкладываете в это понятие, чтобы я потом понимала, о чем идет речь.

- Б.** А, да. Вот мы с Юрием Александровичем нашли точки соприкосновения в том, что в данном конкретном случае, когда мы будем говорить о стереотипе и даже об эталоне (о каноне – нет, канон уходит немножко в сторону, потому что там задействована уже литературная традиция, это уже высокие сферы, уже это принадлежит неким персоналиям, которые этот канон в себе как бы олицетворяет, овнешняет и т. д.), то эталон и стереотип, они выходят за рамки или вообще никоим образом не вписываются или вообще не имеют отношения к структурному аспекту мышления.
- Т.** Вот что это значит – структурный аспект?
- Б.** Скажем так, это то, что выработала в себе путем долгих упражнений, скажем, европейская цивилизация.
- Г.** Это дискурсивное мышление? Или это что-то другое?
- Б.** Нет, нет, нет. Ну, мышление... А что тогда понимать под... Не будем путаться с дискурсивным и с дискурсом. Нет, этот мы вообще термин брать не будем.
- Г.** Нет, здесь немножко разное.
- Б.** Европейское мышление, как оно складывалось в Новое время, оно, даже по сравнению со средними веками, в себе выработало, воспитало, причем нельзя сказать, что все европейское мышление, нет, это определенная социальная прослойка, которая в себе воспитала вот этот тип мышления. Свое мировидение, мировосприятие и поведение в этом мире, чего нельзя сказать, может быть, о массе европейского населения. Опять-таки оно не однородно, есть греки, есть итальянцы, есть шведы, есть французы, есть немцы. Опять-таки не однородное достаточно по составу. Нет европейской нации. Нет Европы как таковой. Так же, как нет России. Да?
- Т.** Это все понятно. Мне не понятно, из чего она состоит, структура. Из элементов, в концепции Е. Л. Гинзбурга – из множества и элементов на нем...
- Б.** Вот нет элементности в данном случае.
- Т.** В европейском мышлении?
- Б.** Нет, наоборот. Европейское мышление впитало в себя вот этот элементный анализ. Структурный.
- Т.** Вы имеете в виду атомистически, что такое структура? Вы работаете как бы с атомами или Вы работаете с пропозицией, с фреймом, с событием вместе?

- Б.** Нет, не с тем и не в другом, потому что все, что делал Витгенштейн – это опять вся та же аристотелевская традиция, только он подменяет атомарность, предположим, слова, слога, морфемы, он подменяет просто другим. Он выходит на другой уровень. Он берет, например, событие, расчленяет его на факты. Опять-таки элементный анализ, не важно, как его обозначить. А может быть другая позиция, которая, по Леви–Строссу, восходит к традиционным обществам...
- Г.** Мифологическое мышление назовите. Добавить слово: мифологическое и дискурсивное мышление.
- Б.** Нет.
- Т.** Оно недискурсивное.
- Г.** Мифологическое недискурсивное, естественно, оно противостоит. По-моему, Касевич об этом писал, если не ошибаюсь.
- Т.** Или синкретическое оно иначе называется.
- Г.** Да, да, можно и так назвать.
- Б.** Да, я просто к чему веду...
- Г.** Оно и синкретично, и прецедентно, оно все это включает.
- Т.** Синкретизм, действительно, очень трудно отловить структурой, это похоже на Ассоциативный словарь, это уж точно.
- Б.** ... я к тому и веду, что уровень стереотипа и эталона носит не структурный рациональный характер, а вот этот синкретичный, неструктурированный.
- Т.** В этом смысле?
- Б.** Да. И вот почему происходят вот эти недоразумения...
- Г.** Володя, здесь вопрос в том опять: на уровне обыденного сознания – безусловно, а на уровне метаязыка и на уровне анализа...
- Т.** Вот, вот, вот.
- Г.** ...оно все-таки обладает структурой.
- Б.** Анализ делают ученые.
- Т.** Мы должны сейчас думать синкретично или мы должны думать о мета-метапонятиях в дискурсивной форме мышления. Но мы же уже не умеем думать синкретично, что же с нами делать?
- Б.** Так вот я собственно, мне кажется, что наша дискуссия и должна была попытаться помочь читателю, мы же потом будем делать скрипт для себя, мы же работаем как бы на читателя...
- Т.** Для начала разобратся бы в самих себе.
- Б.** Нет, лучше сначала на читателя. *(Общий смех)* И тогда мы должны ему помочь разобратся в том, что какова вот эта процедура не аналитического мышления, потому что у него, у этого читателя, стереотип и эталон носят, действительно, не элементный характер. И он не может, например, понять человека специалиста-филолога, который

подготовлен системой образования к такому метаязыковому апеллированию.

- К.** Мне кажется, что мы путаем, смешиваем разные вещи. Володя, то, что в дискурсе на уровне обыденного сознания не вычленяется эта структура, еще не значит, что этой структуры нет – она есть. Другое дело, что нужно (мысль не моя и очень старая) разграничивать понятие системных феноменов, системы, грубо говоря, некой статики, с одной стороны, и динамики – с другой. Давайте будем все это четко разграничивать. Когда мы общаемся на каком-то метауровне, конечно, мы будем говорить о том, что “имеет место быть” в этой статике, мы будем говорить об самой структуре. Структура может не расчленяться, не вычленяться на уровне обыденного сознания, но она там проявляется. Это значит, что она все-таки есть. Другое дело, что многие вещи проходят не на уровне *рацио* (когда мы говорим об обыденном сознании), но это не значит, что структуры нет – она есть, она проявляется там.
- Б.** Она есть в действительности или она моделируется?
- К.** Я думаю, что она есть в действительности, она просто выявляется, вот в чем разница.
- Б.** Если бы она была в действительности, тогда бы... а поскольку структура – она зафиксирована... тогда ее проявление не может иметь вариативный характер.
- К.** Ну вот тут бы я поспорила, что она не может иметь...
- Б.** Вот! Предмет спора.
- С.** Но я хочу добавить к этому еще. Да, пожалуйста, Вероника.
- Т.** Синкретический мир прямо, как говорится, постулируется как поливариантный, потому что вся этимология вышла из одного корня синкретического, вырастали, Бог знает, какие ветви и куда отходящие значения.
- Б.** Правильно, но корень не структурирован. Марровский корень не структурирован. В этом проблема была в 40-е годы с Марром-то. Было бы все просто, если бы Шор соединила свою социологическую установку и начало сосюрковского структурализма с концепцией Марра. Вот если бы это удалось сделать, тогда да. Что потом пытались делать Иванов, Гамкрилидзе и Маковский? Они пытались увязать структурный четырехэлементный анализ Марра с элементами структурного анализа!
- К.** Володя, а Вам не кажется, что Вы хотите какие-то феномены, какие-то факты, события, которые происходят в языке, так скажем, в какой-то лингвистической области, перенести на уровень совершенно иного плана? Это не всегда срабатывает. Не надо, может, так экстраполиро-

вать. Это первое. Второе. Если наши великие или невеликие предки не знали, как именно летает птица, птицы от этого летать не переставали. Правильно? И они знали, что птицы летают, хотя не понимали, как они это делают. Это я к тому, что не всегда нужно обязательно структурировать и объяснять на уровне обыденного сознания те вещи, которые реально существуют и которые мы можем использовать. Я, например, не знаю, как устроен компьютер, но я на нем работаю.

Г. Птица тем более не знает устройства своего крыла!

К. Конечно. Понимаете, это немножко разные вещи, на мой взгляд. Мы пытаемся просто смешать все в одну кучу – в хорошем смысле этого слова – и попытаться вывести какие-то общие законы, которые будут работать и в сфере лингвистики, и в сфере культуры, и в сфере, если угодно, ментальности, национальной составляющей менталитета и т. д. Я не уверена, что мы вправе делать такие вещи.

Б. А как быть со всеобщим подобием?

К. Я думаю, что какое-то всеобщее подобие, наверное, есть, но не надо искать это всеобщее подобие в частностях.

Г. Уважаемые коллеги, мы уходим, по-моему, в онтологические вопросы.

Т. Нет, нет, очень интересный вопрос. Но я просто хочу сказать Владимиру Николаевичу, что я чуть-чуть должна подумать. Мне как бы понравился посыл, что, в отличие от прочих, такие вещи, как эталон, стереотип, порождены некоторым другим типом мышления, нежели тот, который присутствует в каноне или в нашем обыденно-разговорном языке. В этом что-то есть. Потому что это очень хорошо отсылает к коллективным представлениям, известно, откуда это возникло: в конечном счете из анимизма, оттуда тянется. Так же, как архетип. Чем он, так сказать, как бы и недоступен, потому что “свой – чужой” обнимает весь мир, синкретично, а дальше начинается структурация. Так что, что-то в этом есть. Но я вслед за Викой задаю вопрос: это есть, но вот в чем? В восприятии этой сущности в нашем мышлении, т. е. мы решаем тогда вопрос чисто психологического, видимо, характера, вопрос восприятия, т. е. как мы воспринимаем некоторый знак в некотором дискурсе и в чем отличие этого восприятия от восприятия некоторого другого культурного знака, культуры? Так стоит вопрос, так Вы ставите, да?

Б. Нет. Это одна часть вопроса: как мы воспринимаем – это одно, а...

Т. Не мы, а носитель языка, носитель культуры.

Б. Да, носитель языка. Это одна сторона, это восприятие. И тогда, действительно, на каком-то этапе развития культуры это может восприниматься как имеющий место и действительный объект.

- Т. Не задержалось ли с той поры вот в этих стереотипах, эталонах вот то самое, назовем его все-таки, недискурсивное мышление? Почему Вы против этого? Это такой же термин, самый общий. Откуда у меня такой интерес: эталон, стереотип? А когда соотносишь это с языком, ты получаешь знаковое выражение, презентацию в виде знака, и там у тебя стоит полисемия, метафора, синекдоха, все что угодно. Так что у Вас, мне кажется, такая постановка вопроса очень интересна, но ведь тогда надо ставить эксперимент, вот у нас сидит Юрий Александрович. Отловить, верифицировать.
- С. Володя затронул, действительно, какую-то забавную тему...
- Т. Нет, не забавную, она хорошая.
- С. В смысле “хорошести” забавности. Я тоже к нему присоединюсь, хотя не так часто это делаю. Разговор пошел о Витгенштейне, говорят, что он антиатомистичен. Для меня он, наоборот, сугубо атомистичен. И если возвращаться к тому, что мы сейчас обсуждаем – к вопросу о структурности и бесструктурности, то, очевидно, можно считать, что стереотип структурен только в том смысле, если мы признаем, что, например, в событии существует структура. Ибо, если возвращаться к данным Ассоциативного словаря, возникает очень любопытная закономерность. Что-то случилось, и используется оценка какая-то или характеристика. Правда ведь? Собственно говоря, мыслит человек не атомарно (я к этому веду) – он мыслит некоторым событием, для него это важно. Это прежде всего он и подчеркивает и выдает в ответах. Он принципиально противопоставлен, например, в этом своем мышлении мышлению, если угодно, Витгенштейна. Невитгенштейновский человек не так это делает. Структуры, жесткой, элементной, не наблюдается. И тогда мы можем говорить, что стереотип антиструктурен в этом смысле, но мы можем его структурировать произвольно, каким-то образом придать ему некоторую структуру.
- Т. Подожди, вот ты сказал все сначала хорошо, а потом...
- С. А потом – плохо.
- Т. Вот в самой последней фразе опять ты перескочил с уровня на уровень. Как некоторая сущность ментальная, поскольку мы владеем некоторыми стереотипными, эталонными, канонными представлениями. Ну, назовем это опять же в кавычках. Но поскольку пока это в современном дискурсе выражено, то это уже начинает работать с любым знаком. Уже как мы привыкли, как европейцы. Он раскладывает это, т. е. референт структурирован. Нет? Не так? Мне показалось, что Юра это хотел сказать.
- С. Ну, в общем-то так.
- Г. Я согласен с этим, но, может быть, это процесс последующей рефлекс-

сии. Дело в том, что когда мы говорим об уровне коллективного мышления...

Т. Рефлексии на знаковом уровне.

Г. ... когда мы говорим об уровне коллективного мышления (а меня и моих коллег это в наибольшей степени интересует), здесь... то, что Московичи, на мой взгляд, многословно и неточно сказал, но мысль его абсолютно верная, – что коллективное мышление как раз нерелексивно. И на уровне коллективного... даже не мышления... скажем, коллективного сознания.

С. Поведения даже.

К. Московичи говорит, что коллективного сознания вообще никакого нет. Только коллективное бессознательное.

Г. Ну, хорошо, коллективное представление, которое служит, по Лосеву, порождающей моделью неких действий, которые заставляют нас поступать так и так, на уровне коллективного сознания совершенно нерелексивно. Мы не обсуждаем: а почему это так? Это вопрос последующий. Специфика, кстати, европейского сознания, что оно этот вопрос, вероятно, задает и потом постоянно пытается это разложить: почему? зачем? а как это устроено? что это такое? Но это уже проблема “метачего-то”, я не знаю, как это назвать. А на уровне этих вещей – здесь я опять боюсь набросать всяких терминов – но это вопрос ритуала, стереотипа, т. е. “делай, как я”. Даже не “как я” – что-то задано, и этому надо следовать, это хорошо – это плохо, это так – это не так. Я постараюсь это конкретизировать. Очень простой пример. Из личной практики. Я работаю с группой американцев и в полушутку, повторяя Александра Введенского, говорю такую фразу: “Я монархист, потому что монархия – это единственная форма правления, при которой хоть иногда, пусть и редко, к власти может прийти порядочный человек” (его, кстати, первый раз посадили именно за эту фразу, сказанную в узком кругу). С этой группой у меня были очень хорошие отношения. И после этой фразы я вижу совершенно феноменальную реакцию: лица бледнеют (я такого даже не ожидал), вытягиваются, у ребят выпучиваются глаза – как?! вроде, человек, к которому мы неплохо относились и не совсем дурак, говорит вдруг такую ахинею?! как монархия – и вдруг хорошо?! монархия – это плохо! хорошо – демократия. И задать вопрос “почему?” совершенно невозможно. Прелестная фраза Черчилля, которая демонстрирует мифологическое мышление: демократия, может быть, это плохо, но человечество не придумало ничего лучше. Самое интересно, что даже с точки зрения западного рационализма эта фраза абсурдна: велосипед – это не так хорошо, но ничего лучше мы не придумали, и поэтому думать дальше

не надо. Эти жесткие представления: *демократия, монархия* – т. е. некие абстрактные сущности... *Пушкин, Мона Лиза*... это то, что действительно на уровне обыденного сознания, на уровне коллективных представлений совершенно не рефлексировано. И в этом отношении это действительно не структурно. Но как только мы переходим на уровень анализа, а мы занимаемся именно этим, как только мы пытаемся понять, что такое обыденное сознание, что такое коллективное представление...

- Т.** Я бы сказала даже: достать его.
- Г.** Да, вытащить... и мы пытаемся понять его этимологию (как угодно это назвать), его функционирование, здесь мы неизбежно должны сталкиваться с его структурой.
- Б.** И вот здесь возникает вопрос: а почему при анализе мы должны обязательно идти по структуралистским меркам?
- Г.** Потому что тогда мы сможем ответить на вопрос “*почему?*” – почему американцы считают так, а русские считают так? Что такое для них демократия, как они ее видят, какие дифференциальные (я подчеркиваю это слово) признаки и какие коннотации, какая возникает в результате оценочная маркированность?.. Как только мы говорим слова “дифференциальные признаки, коннотация, оценка” – это структура.
- Т.** Да. Поскольку мы стараемся пробиться через фразеологический образ к культурной рефлексии (С. Кабакова делала эксперимент, а она психолог, так что там все было чисто поставлено) – что вытаскивается? На каком уровне идет эта рефлексия? На уровне “свой – чужой” и других архетипов сознания. На уровне опять же коллективных представлений, т. е. базовых понятий: ии. действительно этот образ либо прочитывают буквально и тогда соотносят его с некоторой стереотипной ситуацией (типа “выносить сор из избы”, т. е. изба – изба, сор – сор). Но если ии. работают с образом, то дают ответы, типа: *из своего в чужое нельзя*. Тут правы Вы: в этом смысле это интересно. Наконец-то мы начали понимать друг друга, что, действительно, эти сущности не структурированы, но наше сознание, мифологическая форма сознания работает... Кабакова об этом и писала, что носитель языка никогда не выдаст категорию культуры прямо, но количеством он все-таки укажет, что это “свое”, “чужое”, “мера” и проч. Я почти что согласна с тем, что в нашем тезаурусе концептуально называется эталоном, ритуалом, стереотипом и проч., и проч., – это элементы... или как?.. это мифологического сознания, которое мы пытаемся перевести при анализе...
- С.** ... в рациональный план.
- Т.** Иначе мы описать это не можем. Испытуемые между тем выдают это глубинное. Поэтому я и сказала, что нужен эксперимент.

- Б.** У меня возникает вопрос: а почему, собственно, мы не можем описание не строить по принципу точек? Ведь если мы говорим о коннотациях и прочих элементах, мы можем, например, прийти к ответу... почему американцы так на это реагировали? Они эмоционально реагировали на это заявление (о демократии). Но эта эмоция... Мне пришло в голову, что можно говорить о когнитивных эмоциях. А эмоция опять-таки в какой-то парадигме разложима на элементы, а в каких-то концепциях эмоция на элементы не разложима. Но ее тем не менее можно исследовать. А если это когнитивная эмоция...
- Т.** Простите, эмоция или чувство?
- Б.** Эмоция. Американцы, о которых говорил Митя, эмоциональны, не чувственны: у них вытянулись лица, они побледнели... Но эта эмоция – не первичная, не рефлекторная...
- С.** Я сделаю одну вставку: Володя, вопрос Вероники очень важен. Разговор идет, очевидно, не об эмоциях.
- З.** Конечно! Это будет не эмоция!
- С.** Вспомним то, что разделяет эмоцию и чувство. Определение эмоции как таковой четко дано психологами (не нашими, конечно). Когда есть эмоция, вы имеете четкое, однозначное указание на какое-то состояние.
- Т.** Нарушение гомеостаза, не более того.
- С.** Чувство, наоборот, не имеет размерности, его нельзя просчитать, разложить на те элементарные составляющие, о которых Вы говорили. Здесь как раз уместно использовать понятие “чувства”, а не “эмоции”.
- К.** Юрий Александрович, извините, что перебиваю, но Вам не кажется, что мы вообще не должны заниматься проблемами эмоции и чувств? Давайте оставим это психологам!
- С.** Тогда на каком основании группировать, объяснять, истолковывать полученный материал? Вполне возможно, что вот эта база, база чувства, общего или не общего, различающегося или нет, может служить исходной точкой отсчета. Ведь можно рассуждать и так. Потому что Ваши *лисы*, *Павлы Корчагины* – это не только вербальная материя.
- Б.** Вообще эти модули: зрительные, слуховые, тактильные – они тоже не разложимы на когнитивном уровне.
- Т.** Очень даже разложимы. Должна Вас разочаровать: в ответах реципиентов “*На седьмом небе*” – “*мне хорошо*”, “*я летаю*”, зрительная реакция – “*вижу ангелов*”... Из ответов просеивается полимодальность, но с нашим выраженным дискурсивным мышлением. А рефлексия “*это если*” – там модусы не расчленимы. Они оказываются у носителей языка... Он не называет, что это зрительное восприятие или дру-

гое, но он описывает свое состояние через состояние двигательное, зрительное, тактильное. Не случайно же психологи говорят, я очень полюбили эту фразу, что все в итоге – это память тела.

- Б.** И она не разложима?
- Т.** Разложима, как показывает эксперимент. Я ведь привела фрагмент буквально из протокола: “*на седьмом небе*”.
- Б.** Разложимо “*на седьмом небе*”.
- Т.** Я просто привела конкретный пример. Это образ. Какая разница? Я могла бы привести другое...
- Б.** Нет. Образ или реакция на фразу?
- С.** Реакция вообще.
- Т.** “*На седьмом небе – это когда...*” И дальше идет текст. И этот текст...
- Б.** Реакция на текст.
- Т.** Нет. Реакция на “*быть на седьмом небе*”.
- Б.** Реакция на что: на письменный текст, на образ, на фразу?
- Т.** На языковой образ, заданный идиомой.
- Б.** В виде письменного текста?
- Т.** И устно было. Но ии. предлагали работать с образом.
- Г.** Я хочу обратить внимание на одну любопытную вещь. Кстати, про XX век и про виртуальность. Я размышлял о мифологической функции прецедентов, и мне представляется, что раньше, как мне кажется, примерно до нашего времени, это все было достаточно стихийно, т. е. люди понимали, что это важно, но что это такое, рефлексии и анализа здесь по большому счету не было. Я не думаю, что, когда большевики переименовывали города и улицы или когда потом это делало демократическое, так сказать, правительство, они сознавали, что они формируют некие изменения в системе эталонов, прецедентов, мифологических имен, которые задают... (на эту тему написано очень много, в том числе и в психоанализе писали о прецедентности героя: *делай так и поступай так, на основе мифологического сознания*). Любопытно, что сейчас, при возможности мощного влияния на сознание человека с помощью разных вещей, это как раз пытаются формулировать. Это опять пока еще не очень рефлексировано, но делается. Постоянно обсуждаемый, кстати, Верещагиным и Костомаровым словарь Хирша – словарь культурной грамотности, что должен знать каждый американец, чтобы быть социализированной личностью, полноценно участвовать в коммуникации. В этом – попытка (да, субъективная, на основе интроспекции) относительно сознательного формирования когнитивной базы. Когда сегодня все больше говорят о политических технологиях, когда сегодня американцы бомбят телецентр в Белграде (страшный военный объект, понятно), это уже четко сегодня осозна-

ется. Вопрос опять не в системе пропаганды, это было бы понятно. Но вопрос в том, что представляется, какие имена выдвигаются и как это все фиксируется. И здесь, конечно, опять мифологическое сознание. Оно совершенно недискурсивно.

- К.** К вопросу о том, что ты сейчас говорил. Таким образом можно, наверное, влиять на пантеон эталонов, на каноны – возможно. Насколько мы можем влиять на стереотипы в более узком их понимании?
- Г.** Только опосредованно. Потому что это делать очень тяжело, это происходит очень медленно и мучительно. Другой вопрос – возможно это или нет. Не знаю, мы можем уходить в какие-то метафизические вещи и говорить: есть какой-то *Volksgeist* (как у Гумбольдта) и ничего мы с ним не сделаем. Я не знаю, может быть, он и есть. Приведу свой любимый пример: люди поступают в университет, большой конкурс, люди списывают со шпаргалок, кто-то сидит рядом, и я говорю “Дай шпаргалку, пожалуйста”. Он что, не даст? Американцы этого понять не могут: мало того, что я обманываю, да я еще у конкурента своего прошу шпаргалку, и он мне дает – да это бред какой-то! Когда я рассказывал эту историю моим ровесникам, они мне говорят: “Ты знаешь, современная молодежь совершенно не такая, как мы”. Я пошел в школу к своей жене, там 16-летние дети. Я смоделировал эту ситуацию. Я понимаю, это пилотажный опрос. Но! 99% говорят, что это нормальная ситуация. Дать – не дать – это еще вопрос, но заявить об этом преподавателю – совершенно невозможно. Ментальные эталоны и стереотипы диктуют определенную систему поведения.
- Т.** Вы задали более важный вопрос: меняются ли? Да, меняются. Конечно, постепенно, потому что устойчиво задерживают, фиксируют. Но ведь историзм культуры существует. Да, медленнее, чем все другое, но переосмыляется. И чем больше оттуда сюда, тем менее рефлексировано, т. е. меняется наполнение. Воздействуют, Вы правильно сказали, через телевидение, вбивают в мозги, формируются новые... Культура не может стоять. Одни стереотипы уходят, другие приходят, третьи каким-то образом переосмыляются. Это нормально. Просто остаются по своей сути мифологическими. И вот что я хотела еще добавить. Это не моя мысль: когда Вы говорите о стереотипе как мифе, стереотип базируется на вере, доверии. И все.
- Г.** Да, конечно. Это не обсуждается.
- Т.** Да, “я этому верю”. Это опять же мифологическое, синкретическое. Никакого анализа: верю – и все! Это, видимо, одна из характерных черт при описании этих существностей. Это межпоколенно. Это тянется...
- Г.** Я на эту тему писал. Это очень показательно, на мой взгляд. Возьмем фигуру *Ленина*. Коллективное сознание, конечно, мифологично. В

нем вообще нет категории “нормальный человек”. В нем есть только категории “герой, демон, святой”. А обыденный человек там отсутствует как таковой. Пилотажный анализ Ленина (хотя о нем писали очень многие: и Московичи, и Фромм, и Вышеславцев и др.)... Ну понятно, что марксизм существовал в Советском Союзе как религия и Ленин выступал как безусловно чисто религиозный культ...

- Т.** Я возражаю чисто терминологически. Для меня религия более высокое понятие.
- Г.** Хорошо. Скажем так: присутствовала сакральность. И Ленин выступал как чисто сакральная фигура. Наблюдается попытка развенчать сакральность. Что происходит в результате? В этом отношении блестяща для анализа книжка В. Солоухина “При свете дня”, изд. 1992 года. На обложке – очень любопытная картинка (я не говорю об уровне вкуса): половина лица Ленина – это сам Ленин, а вторая половина – “украшена” рогом и страшным клыком. Понятно почему: святой не может стать нормальным человеком. Что делает Солоухин? Он развенчивает Ленина, он рассказывает, что Ленин ужасен. Как это делается? Ленин болел дурной болезнью, был “неправильной” национальности, убивал много зайцев: на охоте убивал во время ледохода (когда дед Мазай их спасал, Ленин убивал). Все!
- Т.** Через архетип “чужой”.
- Г.** Ленин здесь не как охотник или образец болезни выступает, ни его социальные теории, ни его политическая деятельность, ничего практически не рассматривается. Помните, как у Жванецкого: как может рассуждать об архитектуре лысый? Это же именно это мышление. Если Ленин болел дурной болезнью, то не может он быть вождем пролетариата.
- В.** А Ленин в анекдотах? Это ведь тоже десакрализация.
- Г.** Там по-другому: там “мелкий бес”, это чертенок в “Балде”. Т. е. это может быть или страшный демон, или мелкий бес. Мелкий бес – это компенсация за предыдущее поклонение: над ним мы сейчас будем смеяться. Я не знаю, почему Володя сегодня ни разу не повторил свою идею о комплексах – то, чем комплексует культура. Вот это! Ленин – это то, чем однозначно комплексует русская культура, причем по-разному.
- С.** Митя, но только тогда нужно развести стереотипы. Вы же ушли в политические стереотипы, а это особая статья. Вот они могут, на мой взгляд... Вика задала вопрос, можно ли их менять и могут ли они изменяться? Да! Назовите их социальными или как угодно. А вот основные...
- Т.** Назови их духовными.

- С. Да, базовые стереотипы.
- Б. Стереотип лидера тоже, видимо, относится к базовым. Не важно, кто это будет.
- Т. Нет-нет. Имеются в виду разновидности стереотипов: социальные, поведенческие и т. д.
- Г. Я не говорил бы “стереотип”. Это скорее, как Степанов (и не только он) говорил, ключевые концепты культуры. На уровне большого времени они, наверное, как-то меняются, а на уровне малого – нет.
- Т. На уровне малого меняются те, которые привязаны к социуму. А духовные меняются медленнее.
- Г. Мне очень понравилось одно наблюдение Степанова: ни одним романно-германском языке невозможно сказать “*судить не по закону, а по совести*” – там это звучит абсурдно, там эти понятия не противопоставлены. А русские это отлично понимают. Кстати, на уровне совершенно не рефлекслируемом. В самом деле: что такое закон? У закона есть по меньшей мере 3 значения... А что такое совесть?
- К. Митя, ты перешел уже совершенно на другую...
- С. Иногда глубинные, базовые стереотипы...
- Т. Приведите мне только пример, хотя бы одного.
- С. Ну, например, я ощущаю себя русским и вижу в Вике тоже русскую...
- К. Юрий Александрович, только одна маленькая реплика. Последняя мысль Мити касалась уже не стереотипов, а концептов. А это уже другие вещи.
- Г. Я согласен.
- С. Я не знаю, как это назвать...
- Т. Но, Вита, мне показалось, что Вы задали очень существенный вопрос: если это коллективное сознание, мифологическая форма мышления, пролонгированная, если это вера и прочее, то спрашивается, что может его развивать? Казалось бы, все закрыто: устойчивость, вера и т. д. Об этом речь. Социальные стереотипы – это понятно: “*Здрасьте*” – “*До свидания*”, можно говорить “*Господа*”, а можно говорить “*Калоши уперли*”, я имею в виду “все в Париж уехали, а мы, товарищи, которые...” Эти стереотипы меняются. А когда ты говоришь “долгие” (основные стереотипы), что ты имеешь в виду?
- С. Я имею в виду устойчивый этикет, традиции поведения, традиции в реагировании на человека, его оценку. Они, на мой взгляд, не изменяются или почти не изменяются. А вот все, что связано с так называемыми карикатурами, масками, о которых Вы, Митя, говорите, а их тоже можно считать стереотипами, они, конечно, изменяются. Вот это нужно разводить. И когда мы говорим о *Ленине*, то, может быть, мы придем снова на новом витке к положительной характеристике

- или сугубо отрицательной. Вот это я хотел подчеркнуть.
- Т.** Вот поэтому я большая сторонница разведения, хотя от него отказался Леви-Стросс, культурной и социальной антропологии. Они все-таки существенно различаются. Хотя, конечно, и пересекаются. Там, где социальная антропология в духе Малиновского (кто на ком женится и т. д.), стереотипы меняются быстро. А там, где духовная сфера, хотя ее очень трудно отгородить, мы снова подходим к проблеме пролонгированной идентичности. Мы столько сегодня идей перево рошили. Нужно время, чтобы все разложить по полочкам.
- С.** Ну, давайте заканчивать тогда.
- Т.** Да, но вот какой еще параметр нужно ввести: тип мифа. Мифологическое сознание и тип в зависимости от того, какой миф: мифы вечные, долговременные, кратковременные, с каким типом культуры соотносятся и т. д. Тогда стереотипы тоже начнут двигаться.
- Г.** Мне представляется, что это сложный вопрос и здесь надо подумать. Но то, что с ходу, “выбрасывается”: можно, вероятно, вывести архетипические мифы, а к ним просто поставить разные переменные. Поэтому что миф о культурной героине – место культурного героя может в определенную эпоху занимать Сталин или кто-то другой. Но в целом эта общая структура – миф культурного героя.
- Т.** Но это мы уже обращаемся к Проппу, короче говоря: есть сказка и есть временные переменные на функцию.
- Г.** Да, здесь очень важно слово “функция”. Да, объект и функция.
- Т.** И есть, у которых предметные переменные устойчивы и в какой культуре, а есть, где они лабильны.
- К.** Но что самое смешное, мы, по-моему, так и не ответили на вопрос: что же такое стереотип?
- Т.** Мы ответили.
- Б.** Я бы сказал так: это отсутствующая структура, которую мы пытаемся своим рациональным мышлением каким-то образом элементировать. Она не поддается элементированию, и мы пришли в конечном итоге к выводу, что мы не можем и не рационально и бессмысленно пытаться ее элементировать. Элементировать можно какие-то другие уровни, стереотип этому не подвергается.
- К.** Это не определение стереотипа.
- Т.** Это апофатическое определение, я цитирую Сорокина.
- С.** Тогда мы можем сказать следующее: следовательно, у *Джоконды отсутствует улыбка*.
- Б.** Да! Точно так же, как *улыбка* не предполагает *кота*. Улыбка может предполагать и *Джоконду*, и *кота*.
- К.** Нет! Нет! Улыбка может предполагать все что угодно.

- Г.** Одна улыбка предполагает *кота*, другая – *Джоконду*.
- К.** Конечно!
- Т.** Сегодня мы выявили много параметров стереотипа: традиционность, вера, коллективное сознание, а следовательно, фиксация, превращение в нерелексируемый навык, обычай или инструкцию (ментальную или иную). Я собираю то, что было сегодня сказано. Это уже основание для того, чтобы в следующий раз каждый мог по этим параметрам предложить некоторое определение. Вы говорите о его сущности – это большой параметр – что это особая форма сознания. И его разновидности: на предметных и на знаковых формах. Мне так представляется. По-моему, мы сегодня что-то выяснили для себя.
- С.** Во всяком случае хорошо поговорили.
- Т.** По крайней мере, есть над чем размышлять и думать. А дефиниция – дело очень сложное. Лучше задавать скользящие классификации, параметризовать. Знать, какими свойствами эту сущность награждать. И обсуждать, обладает/не обладает и в каких дискурсах или на каких переменных мифологического сознания...
- К.** Тогда следующий вопрос: чему оказывается противопоставлен стереотип?
- Т.** А зачем его противопоставлять? Если он родовое понятие.
- Г.** Я понимаю, что кн. Грубецкой перепалал тебя: все тебе надо оппозиции выстроить, все в бинарных оппозициях.
- Б.** Мне кажется, что это прекрасный путь.
- Тр.** Вероника Николаевна, а то, что стереотип противопоставлен эмблеме, я прав? (*Общий смех*)
- С.** Похоже, осталось очень много вопросов. Оставим их на следующий раз.

ЛИНГВИСТИКА

Особенности национального публицистического дискурса

© кандидат филологических наук Е. О. Менджерцкая, 1999

Данная статья является продолжением темы, начатой в статье «Публицистика как тип дискурса» (Язык, сознание, коммуникация, Вып.7). На этот раз предметом обсуждения станет сопоставление английского и русского дискурса публицистики и попытка определения их «национальной принадлежности».

Позволю себе еще раз заострить внимание на некоторых положениях, уже звучавших в предыдущей статье. Если рассматривать публицистику как тип дискурса, то невозможно ограничить ее функции лишь сообщением информации, при условии, что под дискурсом подразумевается когнитивный процесс, отражение мышления средствами конкретного языка с учетом экстралингвистической реальности.

Будучи когнитивным процессом, дискурс включает в себя особенности представления и подачи информации, а также особенности ее восприятия. Это означает, что характерные черты определенного национального дискурса можно проследить и на примере конкретного издания. В данном случае речь пойдет об английской газете «The Economist» (издаваемой, правда, в формате журнала) и о русском журнале «Власть» издательского дома «Коммерсантъ». (Необходимо оговориться, что под публицистикой понимается так называемая «качественная пресса» (quality press)).

Признанным фактом является то, что для адекватного понимания сообщаемой информации необходимо совпадение так называемых когнитивных баз участников коммуникации, т.е. наличие определенных знаний и представлений, характерных для членов данного национального языкового сообщества. Сопоставительный анализ двух упомянутых изданий позволит взглянуть на данную проблему с точки зрения их отражения в национальном публицистическом дискурсе.

Отбор материала для прочтения, анализа и изучения происходит уже на этапе просмотра заголовков статей того или иного издания. Поэтому будет логичным сосредоточиться именно на особенностях названий в упомянутых изданиях.

Итак, чем же является заголовок статьи — отражением ее содержания или способом привлечения внимания читателя? Просматривая названия статей, можно прийти к выводу, что они скорее ориентированы на восприятие, чем являются заявкой об определенной информации, содержащейся в статье.

Среди названий статей «The Economist» можно выделить следующие типы:

1. нейтральные:

Raising standards
Why Internet shares will fall
The risks of free trade
An integrated route to success
Saving the Olympic spirit
The lesson of Quebec

2. содержащие фонетическое обыгрывание (аллитерацию, ассонанс, рифмовку, паронимы, звуковой символизм):

How dangerous is Los Angeles?
The doomed and the dangerous
Poverty and plenty
Better times for a battered country
Gates the Good
Junk funk
Of devils, details and default
Bubble babble

3. коннотативные:

а) обыгрывающие популярные изречения, понятия, пословицы, песни:

All hands off Estonia's deck
A survival guide
Top marks for achievement
Dirty tricks and democrats
Needles in giant haystacks
Laughter through Italian tears
No ivory towers
Yo, ho, ho, and a bottle of rice wine

A pig of a problem (в этом случае переплелось несколько устойчивых словосочетаний и понятий: с одной стороны, мы знаем клише a root/heart of a problem; с другой стороны, в одном из своих значений слово pig (difficult or unpleasant thing, task, etc.) употребляется в таких выражениях, как a pig of a job/day/exam; дополнительную ироническую коннотативность в это название привносит обыгрывание буквального

значения слова pig, поскольку статья посвящена проблемам британских фермеров, производящих свинину.)

б) обыгрывающие названия литературных произведений:

Taming Leviathan («The Taming of the Shrew» William Shakespeare)

The French Lender's Woman («The French Lieutenant's Woman» John Fowles)

The Prince and the Pauper («The Prince and the Pauper» Mark Twain)

The Importance of Breakfast («The Importance of being Earnest» Oscar Wilde)

Paradise Threatened in Mauritius («Paradise Lost» John Milton)

Women, Work and the Family («Women, Fire and Dangerous Things» George Lakoff)

в) обыгрывающие названия кинофильмов:

The silence of the lambs

The unbearable lightness of finance

Once upon a time on Wall Street

4. сочетающие коннотативность с фонетической игрой:

Plastic arts (речь в данной статье идет о пластиковых карточках в Индии)

Norse code (статья посвящена ожесточенным спорам о генетике в Исландии)

OptiMistic (речь идет об инвестиционной компании под названием OptiMarket)

5. повторяющиеся, неоднократно использующиеся «сквозные клише»:

Guerrilla politics in Japan (Oct. 24th, 1998)

Guerrilla tactics (Feb. 5th, 1999) (в основе этих выражений лежит понятие guerrilla — a member of an unofficial military group, esp. one fighting to remove government, which attacks its enemy in small groups unexpectedly (Longman Dictionary of English Language and Culture))

Gloom to boom (March 13th, 1995)

Gloom and boom (Sept. 19th, 1998) (здесь обыгрывается клише gloom and doom — sad and discouraging thoughts; hopelessness (Oxford Advanced Learner's Dictionary))

6. вопросы:

Law? What law?

Haven't I met you before?

Who's running Germany?

Will the real German government please stand up?

Where is it going?
Will Slobodan Milosevic fall?

Подытоживая получившуюся в результате анализа классификацию названий статей газеты «The Economist», можно сказать, что нейтральные заголовки чаще всего бывают предпосланы серьезным статьям аналитического плана, в то время как аллюзивные, содержащие фонетические парадоксы, сопровождают материалы более «легкого» жанра и разнообразной тематики. «Сквозные клише» появляются в заголовках статей сходной тематики и призваны сформировать своеобразный «рефлекс» восприятия у читателя. В качестве особенности дискурса «The Economist» нельзя не отметить ироничное, иногда снисходительное отношение к описываемым проблемам.

Обратившись к анализу названий статей из журнала «Власть», я ожидала, что они подпадут под те же категории, что и английские названия. Однако среди них едва ли можно найти нейтральные, поскольку даже те, что на первый взгляд могут показаться таковыми неискушенному читателю, приобретают ярко выраженные адгерентные коннотации в конкретном политическом (экстралингвистическом) контексте.

Что касается фонетического обыгрывания, то в русском публицистическом дискурсе эта категория в чистом виде не существует, ибо названия, которые могли бы быть к ней приписаны, приобретают коннотативность не благодаря собственно фонетическим парадоксам, а благодаря замене определенного слова в каком-то устойчивом сочетании на слово, сходное по звучанию, но совершенно меняющее значение всего выражения. Таким образом, в русском дискурсе можно вести речь только о категории, сочетающей коннотативность с фонетическим обыгрыванием:

Визит для понта (о приезде Карлы дель Понте в Москву)
Ссудите сами
Год в мешке
Мифотворцы из России
Не каской, а лаской
Запрос ребром
Миссионеры союзного значения
Имамат в три хода (о ситуации в Чечне)
Процессор не пошел
Боевые мощи

Переходя к группе коннотативных названий, необходимо отметить, что среди них наиболее многочисленной оказалась группа названий, обыгрывающих популярные изречения, понятия, песни:

Служу Кремлю

Внутренний голос Америки
Коммунистическое «Отечество» в безопасности
Хулиганство в особо крупных размерах
Министерство путей обогащения
Блиц-крик генерала Степашина
Субъект против федерации
Березовский for sale
С хмурым утром!
Пошла платить губерния
Военный капитализм не пройдет
Страна победившего ваххабизма (статья о Таджикистане)
Наше общество существует в режиме самоокупации

Особенностью этих названий является то, что в них используется прием разрушения идиомы, когда определенное слово в привычном и ставшем уже избитым выражении заменяется на другое, придающее всему высказыванию совершенно новый, ироничный смысл.

В особую группу можно выделить названия, в которых ироничные коннотации появляются благодаря замене номинативно-деривативного значения одного из элементов высказывания на его номинативное значение:

Лужков взял под козырек
СНГ к разводу готово
Режиссер в долгу перед отечеством (речь в статье идет о фильме Н. С. Михалкова «Сибирский цирюльник» и потраченных на него средствах)

Среди названий статей есть те, которые содержат аллюзии на литературные произведения, правда в искаженном виде:

Товарищу Берии — человеку и людоеду
Совет для постороннего
Евгений, добрый мой приятель (о Е. М. Примакове)
Они сражаются с Родиной
Хиллари, которая гуляет сама по себе
Фирма животных
Антикварная ярмарка тщеславия

Обращает на себя внимание то, что обыгрываются названия произведений не только русской, но и зарубежной литературы.

Тот же прием разрушения устоявшихся сочетаний используется и в случае, когда обыгрываются названия кинофильмов:

Деньги исчезают в полдень
Четверо против завхоза (об упр. делами президента П. Бородине)

Чужие здесь не проходят (о выборах в Дагестане)
Застава Ильича (о Ю. И. Скуратове)

Среди названий статей в журнале «Власть» мне не встретились «сквозные клише», которые воспроизводились бы регулярно и повторялись из номера в номер. (Это, очевидно, следует отнести на счет большого творческого потенциала наших журналистов, разнообразия нашей жизни или отсутствия стереотипного мышления у русскоязычной аудитории.)

Таким образом, если попытаться выявить национальные особенности на основании анализа лингвистических средств привлечения внимания читателя в жанре публицистики (что, как мы выяснили, является основной задачей заголовков статей), можно прийти к следующим выводам:

- Британская пресса, в частности «The Economist», активно использует фонетические парадоксы, а также аллюзии и коннотации. Это часто демонстрирует ироничное отношение к обсуждаемым проблемам и предполагает аналогичное отношение к ним читателя. Ожидается, что читатель будет готов изучать серьезные аналитические материалы независимо от их названий, но газета явно пытается «завлечь» менее опытную аудиторию более броскими заголовками статей разнообразной тематики.
- Русская пресса, в частности «Власть», своим ироничным, иногда насмешливым, отношением к событиям нашей жизни практически не оставляет места для нейтральных, информативных заглавий. Даже кажущиеся нейтральными заголовки превращаются в адгерентно коннотативные в контексте определенных политических событий. Фонетическое обыгрывание почти не используется как самостоятельный прием, но разрушение разного рода названий, идиом и устойчивых сочетаний применяется очень часто.

Проведенный анализ подводит нас к вопросу об универсальных, с одной стороны, и характерных для данной культуры, с другой стороны, приемах, использующихся в рамках публицистического дискурса. К числу универсалий следует прежде всего отнести аллюзии. Безусловно, предметы аллюзий весьма различны в различных культурах и являются их неотъемлемой частью, отражая специфику национальной когнитивной базы.

Говоря о характерных для конкретной культуры приемах, нельзя не отметить то эстетическое удовольствие, которое получают британские журналисты от использования всевозможной фонетической игры. Этот прием явно более присущ британской прессе в отличие от русской. В то

же время русское сознание не может удовлетвориться простым упоминанием известных фраз или названий. Оно признает только нарушенные клише, в которых игра слов выходит на передний план.

Риторические вопросы, столь охотно используемые в качестве заголовков статей в британской прессе, видимо, не близки российским журналистам, что делает этот прием «culture-specific», как сказали бы носители английского языка.

В целом необходимо отметить, что ироничное отношение к политическим событиям весьма глубоко укоренилось как в британском, так и в русском сознании. Конечно, подобный анализ особенностей публицистического дискурса не может не вызвать вопроса о потенциальных читателях, о той аудитории, на которую нацелено то или иное периодическое издание. Ведь способность восприятия информации варьируется в рамках одного национально-культурного сообщества в зависимости от уровня подготовленности аудитории.

Таким образом, в результате проведенного анализа можно предположить, что публицистический дискурс отражает не только разные стратегии подачи информации, но и различные способы когнитивного представления действительности в целом, что позволяет говорить о национальной принадлежности того или иного публицистического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / Под ред. *А. Н. Баранова* и *Д. О. Добровольского*. М.: Помовский и партнеры, 1996.
2. *Васильева Н. В., Виноградов В. А., Шахнарович А. М.* Краткий словарь лингвистических терминов. М.: Русский язык, 1995.
3. *Гудков Д. Б.* Лингвистические и методические проблемы межкультурной коммуникации // Лингвистические и лингводидактические проблемы коммуникации / Ред. *А. И. Изотов, В. В. Красных*. М.: МАЛП, 1996. С. 45-57.
4. *Красных В. В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек, сознание, коммуникация. М.: Диалог-МГУ, 1998.
5. *Красных В. В., Гудков Д. В., Багаева Д. В.* О tempora, о mores! Новые структуры русской когнитивной базы // Лингвистические и лингводидактические проблемы коммуникации. / Ред. *А. И. Изотов, В. В. Красных*. М.: МАЛП, 1996. С. 107-120.
6. *Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филологический факультет МГУ, 1996.
7. *Менджерская Е. О.* Публицистика как тип дискурса // Язык, сознание, коммуникация. М.: Диалог-МГУ, 1999. Вып. 7. С. 13-18.
8. Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman, 1992.
9. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford University Press, 1989.

**Феноменологическая эйдетическая
дескрипция эмоций:
спокойствие-безмятежность**

© кандидат филологических наук В. Н. Базылев, 1999

Эволюция культурных/языковых концептов — это путь от открытия (рефлексии) феномена (эмоции) до его овнешнения (экземплификации). Это овнешнение может носить в культуре характер персонифицирования вплоть до антропоморфности, либо характер присвоения имен собственных, сублимирующих всю мифологию культуры в целом.

Исследование такого рода феномена культуры и языка требует, на наш взгляд, определенного методологического подхода. Таковым следует считать феноменологическую эйдетическую дескрипцию, как она описывалась в работах Э. Гуссерля, исследованиях школы Э. Р. Йенша и статьях П. П. Блонского.

Эйдетический феномен — способность человека с исключительной точностью, вплоть до малейших деталей, сохранять образы предъявляемых ему картин. Данный феномен входит в ряд того, что психология квалифицирует как образы: между последовательными и мысленными; занимая срединное положение между восприятием и представлением. Мы позволим себе использовать в ряду терминов, фиксирующих данную сущность, — 'визуализация'.

Интересно, что данное свойство зависит и определяет структуру личности за счет когерентности, герм. взаимопроникновения эмоционального освоения (со-пере-живания) внутреннего и внешнего мира человеком — личностью, и интегративности, т.е. активизированного взаимопроникновения (взаимовхождения, ср. метафору "шар в шаре") всех психических функций. Эйдетические образы — это лишь поверхностный симптом ('стигма') данных процессов.

Воображение, если оно достаточно живо, всегда в настоящем времени. "Увиденные снова" воспоминания, далекие края, грядущие встречи или даже прошедшие эпизоды, которые каждый человек аранжирует у себя в голове, произвольно меняя их течение, — все это постоянно прокручивается в нем, наподобие внутреннего кино. В результате, когда два человека в комнате вспоминают об отпуске, они уже перестают видеть комнату; восприятие комнаты подменяется образом пляжа, люди думают, что они на пляже. Это возвращает нас к достаточно старой теории — т.н. эмпирической теории воображения, существовавшей от Юма до Тэна (с тех пор многие — от Бергсона до Мерло-Понти, от Але-

на до молодого Сартра — занимались ее опровержением), — согласно которой образ или воспоминание являются слабыми перцепциями, а "достаточно живой" образ — настоящей перцепцией, тогда как любая перцепция — это "истинная галлюцинация"; это абсолютно теоретическая теория, устраняющая из образа всякое сознание его образности, из воспоминания — всякое сознание прошлого, из грезы — всякое онирическое чувство и сводящая психическую жизнь к развертыванию серии ментальных (когнитивных) образов, которые совершенно равноценны и различаются только своей интенсивностью.

Реальное и фиктивное, соединяясь, перемежаются. Реальность может в какой-то момент выдать себя за свою собственную репрезентацию. Можно говорить в таких случаях о способности к непрямому видению или, скорее, о неспособности к видению прямому, непосредственному. Но это не прямое восприятие является неизбежно восприятием дефективным, так что часто невозможно различить, явилось ли оно результатом утраты реальности, ее досадного исчезновения, или же ее благотворного обретения, сведения к сущности, ибо оно не просто смазывает предмет, воспринимаемый сквозь другой, но оно еще в большей степени искажает тот предмет, которому навязана переходная роль и, так сказать, транзитивное состояние простого знака.

Человек ищет смысл и связность мира на уровне ощущений, субстанциальных грез, высказанных и невысказанных предпочтений в отношении некоторых стихий, веществ, тех или иных состояний внешнего мира, то есть на уровне той глубинной, но открытой вещам области сознания, которую Г. Башляр назвал "материальным воображением".

Человеку с трудом даются метаязыковые способы рефлексии: это требует всегда специального обучения. Представить мир в виде коня проще, нежели представить себе мир в виде материи. Ю. М. Лотман полагал, что предлагаемое в первом случае семиотическое решение при овнешнении рефлексивных процессов сводится к ссылке (отсылке) на метатекст, то есть не текста, выполняющий металингвистическую функцию по отношению к данному; при этом описывается объект и описывающий метатекст принадлежат одному и тому же языку. Следствием этого является принципиально монолингвистичное понимание мифологического описания — предметы (феномены, события) этого мира описываются через такой же мир, построенный таким же образом. Во втором случае мы имеем ссылку на метаязык (на категорию или элемент метаязыка). Такое описание определенно полилингвистично — отсылке к метаязыку важно как отсылка именно к иному языку. Соответственно и понимание в одном случае связано с узнаванием и отождествлением, в другом — с переводом. В первом случае понимание и осмысление опре-

деляется через трансформацию, что связано со знанием и навыками процессов трансформации, во втором — с переводом, что связано со знанием и навыками перекодировки.

Методология феноменологической эйдетической дескрипции получила практическую методическую разработку в школе Э. Р. Йенша (Марбургская школа) [1].

Школа Э. Р. Йенша вводит следующие параметры о-предел-ения обсуждаемого феномена:

- предо-предел-енность возникновения за счет недифференцированности, взаимоперемежения всех составляющих высших психических функций;

- позиционная структурированность между ("в зазоре") восприятием и представлением, как психологическими (ментальными, когнитивными) процессами, связанными и высшими психическими функциями: памятью, мышлением и речью; в этой связи интересны параллели из иной области когнитивного: возможность мышления метонимического и метафорического (resp. соотношение метафоры и метонимии). Возможно понимание метафоры как помещаемого в зазоре между смыслом и референтом, в процессе размышления над предметом, событием или чем-либо другим как некоторым объектом; этот подход подчеркивает познавательную ценность метафоры. Но можно поместить метафору не в зазоре между смыслом и референтом, а в пространстве между сказанным и подразумеваемым, между буквальным, или "собственным", словесным выражением и его перифрастической заменой; тем самым метафора избегает познавательной нагрузки, располагаясь на собственно языковой территории;

- предо-предел-енность проявления за счет аффективных ситуаций; при этом в подобных — эмоционально-стрессовых состояниях — эйдетические феномены могут предопределять поведение человека поверхностно-открыто-овнешненно; в иных же, не столь однозначных ситуациях, это может латентно (невыраженно явно) предопределять поведение личности; что выявимо лишь как "отклонение от нормы" (положение, конечно, весьма условное и спорное, но, с нашей точки зрения, имеющее место быть в переходе к измененным состояниям сознания);

- предо-предел-яемость (в т.ч.) им (феноменом) структурирования (ре-структурирования) картины мира (Weltbild) личности; для человека характерна реакция не столько на непосредственные внешние раздражители, сколько на содержание отраженного мира, т.е. на отраженные в сознании элементы мира. В соответствии с этим эволюционная тенденция сводится, по-видимому, к тому, что элементарными реакциями (этот

мир отражения и восприятия) остаются психическими и подверженными гибкому приспособлению все время изменяющемуся окружению как и наш мир представлений, с которым они связаны самым тесным образом;

– неререфлективное (бессознательное) владение индивидом богатством эйдетических образов не ведет к тому, что они воспринимаются не как что-то чуждое (Fremdes), навязанное извне, но, наоборот, как что-то неотрывно и неразрывно личностное (Ichzugehöriges), не как нечто обременительное, от чего хотелось бы отмахнуться, как от навязчивого и неприятного (неприемлемого), но как что-то глубоко личное, свое особенное и дорогое, что необходимо беречь и с-о-хранить;

– рефлексия же эйдетических образов человеком предопределяет постепенную и неизбежную фазу отчуждения их (человек не может произвольно изменить состав эйдетического образа); дезинтеграция эйдетического образа и личности ведет, с одной стороны, к тому, что он начинает ощущаться как нечто чужеродное, отчужденное, чуждое личности, мешающее ей, навязанное извне; с другой стороны, к тому, что они (эйдетические образы) могут (способны) к автономному существованию в семиосфере в качестве продукта рефлексии;

– предо-предел-яемые сферой мотивов и интересов личности, эйдетические образы, будучи отчужденными, приобретают особую смысловую значимость (sinnvoll), они могут по иному (по новому) перекомбинировать события (самым невероятным образом), сохраняя при этом взаимо-привязки к их фактическому (фактуальному) составу;

– про-явление эйдетических образов — это один из процессов восстановления целого (личности), которое пред-определяет элементарные восприятия и представления личностной картины мира.

Далее мы хотели бы привести иллюстрацию того, как исчисленные параметры действительно могут быть опознаваемы в поведении человека. Обратимся к известному диалогу Алисы и Кота из “Приключений Алисы в стране чудес” Л. Кэрлла.

[эмоционально-стрессовая ситуация/состояние Алисы] ↔ [не-дифференцированность]

— Тогда до вечера, — сказал Кот и исчез.

Алиса не очень этому удивилась — она уже начала привыкать ко всяким странностям [готовность к переходу в изм. сост. созн.]. Она стояла и смотрела на ветку, где только что сидел Кот, как он вдруг снова возник на том же месте [возникновение "зазора"] [картина мира — становление].

- Кстати, что случилось с ребенком? — сказал Кот. — Совсем забыл тебя спросить.

- Он превратился в поросенка, — отвечала Алиса, и глазом не морг-

моргнув ["ззор"-метонимия] [картина мира].

- Я так и думал, — сказал Кот и снова исчез.

Алиса подождала немного, не появится ли он снова, но он не появлялся [нерефлексивн. "с-о-хранить"], и она пошла туда, где по его словам, жил Мартовский Заяц.

- Шляпных дел мастеров я уже видела, — говорила она про себя. — Мартовский Заяц, по-моему, куда интереснее [мотив; интерес]. К тому же сейчас май — возможно он уже немножко пришел в себя ["ззор" — метафора].

Тут она подняла глаза и снова увидела Кота [картина мира].

- Как ты сказала: в поросенка или в гусенка? — спросил Кот.

- Я сказала: в поросенка, — ответила Алиса [восстановл. личность]. — А вы можете исчезать и появляться не так внезапно? А то у меня голова идет кругом [рефлексивн. отторжение].

- Хорошо, — сказал Кот и исчез — на этот раз очень медленно. Первым исчез кончик его хвоста, а последней улыбка; она долго парила в воздухе, когда все остальное уже пропало [перераспределение].

- Д-да! — подумала Алиса. — Видала я котов без улыбки, но улыбка без кота! Такого я в жизни еще не встречала [восстановление целого] [эволюция к приспособл.]

Феноменологическая эйдетическая дескрипция ориентирована, таким образом, на когнитивно-эмоциональное психосоматическое состояние человека. Описать эмоцию означает исчислить (в т. ч.) словесные обозначения, посредством чего (через промежуточные ступени — см. ниже) происходит осуществление смысла в созерцании посредством приведения его к очевидности при помощи иллюстрации.

Эйдетика полагает, что субъективные модели мира и поведения в мире могут обретать характер достаточно овнешненный, абстракции могут быть даны конкретно, наглядно и вполне самостоятельно. Психосоматика человека и есть это конкретное (овнешненное), наглядное (поведенческое) и самостоятельное (базовые эмоции).

Спокойствие-безмятежность как психосоматическое состояние есть феномен включения собственного внутреннего состояния в комплекс взаимодействия человека с окружающим его миром.

Ориентация человека в своей когнитивной области, выбор того, куда ориентировать свою когнитивную область, совершается человеком в результате ауторефлексии собственного состояния. Спокойствие-безмятежность как психосоматический феномен интересен именно тем, что в культуре и в человеке подвержен ауторефлексии и не настолько патологичен, чтобы необратимым образом определять поведение.

Комментируя Э. Гуссерля, П. П. Блонский следующим образом

проэлементирует феноменологическую эйдетическую дескрипцию: словесное обозначение — психические переживания познающего, соизначаемые этим обозначением — акт "мнения" какого-либо смысла — смысл — мнимый через этот смысл предмет познания — акт созерцательного осуществления смысла — осуществление смысла в созерцании посредством приведения его к очевидности при помощи иллюстрации [2].

Недаром Г. Гийом утверждал, что "изучение языка приведет к познанию тех средств, которые мышление в течении веков изобретало для обеспечения почти мгновенного перехвата того, что в нем происходит" [3].

Когнитивно-эмоциональное психосоматическое состояние человека, определяемое в культуре как СПОКОЙСТВИЕ-БЕЗМЯТЕЖНОСТЬ, дает следующую палитру стереотипов (примеры-цитаты даются по Словарю современного русского литературного языка: в 20 т. М., 1992).

- в поведении и физиологии: хорошая работоспособность, быстрая реакция, невосприимчивость к психосоматическим заболеваниям, прекрасное физическое развитие

Это был человек честный, добрый, обладавший громадной физической силой, но, как все силачи, спокойный и сосредоточенный (Помял. Оч. бурсы, 3).

- в эмоциях: удовлетворенность

[Заусайлов] человек спокойного темперамента, благодушно медлительный (Голуб. Когда крепости не сдаются, I, 2).

Мирвольский шел спокойным, размеренным шагом (Сартак. Хребты Саянские, кн. III, I, 37).

- в сексуальном поведении, в отношении к детям: постоянство в интересе, переходящем в творческую мысль, любовь к детям

И прежние мечты свои, и ум, и сердце, — все это отдала она детям, так весело играющим в этой комнате, и счастлива она была их безмятежным счастьем (Григор. Гуттаперч. мальчик, V).

Я тебя люблю, видишь ли, такой хорошей, спокойной любовью ... как мать, люблю я тебя иногда, хотя ты одних лет со мной (М. Горький. Чудаки, 1).

- в контроле над окружающим миром: высокая степень владения собой, хорошая контролируемость других людей, либерализм и демократичность

Мы, коренные крутогорцы, до такой степени привыкли к нашему безмятежному захолустью, что появление проезжего кажется нам оскорблением (Салт. Губ оч. II).

Казалось, спокойствие поздней любви родителей отразилось в ха-

рактуре дочери этою недетскою рассудительностью (Корол. Слепой музыкант, III, 3).

- в действительной ценности для общества по сравнению с видимой ценностью.: видимая ценность является действительной ценностью, творческая конструктивность, изменение окружающего мира на благо себе и другим

Скоро мне на покой, а тебе — в работу. Пока я жив, перенимай от меня что надо (Перегуд. В те далек. годы, I, 1).

- в этическом уровне: этика на основе разума, учет этических норм группы, честность

Как могла она, зная себя неверной, быть по-прежнему спокойной, по-прежнему ласковой и доверчивой с ним (Тург. Дворян. гнездо, 16).

- в отношении к правде: с осторожностью делаются правдивые заявления, по мелочам возможно неправдивое отношение с людьми

Дмитрий Борисыч далеко не спокоен. Два обстоятельства гложут его сердце (Салт. Губерн. оч. 1).

- в уровне смелости: высокий уровень смелости

Он вспомнил все подробности победы, свое спокойное мужество во время сражения (Л. Толст. Война и мир, т. I, II, 9).

- в особенностях речи: готовность говорить о своих глубоких убеждениях и взглядах; восприятие убеждений и взглядов, выраженных в осторожной форме

Я только тогда спокойно вижу, когда с тобой говорю (М. Горький. Васса Железнова, 1).

Господину Голядкину немедленно понадобилось, для собственного же спокойствия, вероятно, сказать что-то самое интересное доктору (Дост. Двойник, 1).

- в уровне реальности: осознание возможности того, что иная реальность может иметь место, сдержанное согласие

Егорка не возвращался. Никита понимал, что это хороший знак... Он был спокоен теперь за брата (Атаров. Пятый туз).

- в способности справляться с ответственностью: способность принимать и нести ответственность

Отец с удивлением воззрелся на дочь. Она сидела спокойно, улыбаясь, уверенность звучала в ее словах (Вирта. Вечерн. звон, т. I, IV, 2).

- в настойчивости достижения цели: высокая творческая настойчивость в достижении цели

А она, гордо подняв седеющую голову, с ледяным спокойствием, не проронив ни единой слезинки, выслушала до конца плаксивую речь адвоката (Саян. Лена, IV, 4).

- в буквальности понимания сказанного: высокая способность ви-

деть отличия, хорошее понимание при любом общении

Я прошу спокойствия, но не гробовой тишины (А.Н. Толстой. Дым, 2).

- в методе обращения в людми: привлекает поддержку людей своим практическим суждением и умением вести себя в обществе

Спокойный вид Дерсу, уверенность, с какой он шел без опаски и не озираясь, успокоили меня (Арсен. По Уссур. краю, 18).

- в подверженности гипнозу: не поддается введению в транс

С человеком спокойным, рассудительным и благожелательным трудно завести ссору (Доброл. Всероссийск. иллюзии).

- в способности испытывать удовольствие в настоящем времени: жизнь большей частью доставляет удовольствие, способность в полной мере испытывать удовольствие от существования

Мы, не моряки, спали опять безмятежно и безмятежнее всех — я (Гонч. Фр. Паллада, т. II гл. 4).

Миловидное лицо имело всегда веселый вид, но веселость эта была какая-то тихая и спокойная (Дост. Бр. Карамаз. X, 4).

- в ценности как друга: очень хорошая

Было в нем что-то непохожее на людей, среди которых росла Лена. Нравилась грубоватая прямота его, спокойная уверенность в правильности избранного пути (Саян. Небо и Земля, II, 9).

- в любви окружающих любовь и уважение

[Настя:] Лука, говорят, за спокойствие в тебя влюбился.

[Елена:] У самого-то нет покоя, оттого (Леон. Волк, I, 6).

- в состоянии принадлежащих вещей: хорошее состояние

Старичок этот был уже в отставке и жил себе в Николаевке на спокойное, в собственном домишке (Корол. Соколинец, 7).

- в понимании окружающими: хорошее

Прощаясь с сестрой, Николай крепко пожал ей руку, и мать еще раз отметила простоту и спокойствие их отношений (М. Горький. Мать, II, 4).

- в потенциале успеха: очень хороший

Уже в самом звучании его голоса мы почувствовали, что директор — человек спокойный и внимательный (В. Беляев. Стар. крепость, 3).

- в потенциале выживания: очень хороший; значительная продолжительность жизни

Новая жизнь моя пошла так безмятежно и тихо, как будто я поселилась среди затворников (Дост. Неточка Незванова, VI).

Л и т е р а т у р а

- [1] *Jaensch E.R.* Die Eidetik und die typologische Forschungsmethode. Leipzig, 1927; Zur Eidetik und Integrationstypologie: Arbeiten aus dem Institut für psychologische Anthropologie an der Universität Marburg/Lahn. — Leipzig, 1941.
- [2] Антология феноменологической философии в России. Т. I. М., 1998. С. 473.
- [3] *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики. М., 1992. С. 54.

Цыганизмы в русском арго

© Н. П. Вольская, 1999

В последнее время в нашу речь упорно вторгаются различные слова и выражения, которые в прежние времена, называли “ненормированной” лексикой. Мы постоянно слышим эти слова в речи молодежи, политических деятелей, по радио и на телевидении, а также читаем в прессе.

В лингвистической литературе такую речь принято называть арго. Но существуют и другие термины для определения такого явления. Так, например, И. А. Бодуэн де Куртене называет арго не иначе как “блатная музыка”. В дальнейшем это словосочетание стало употребляться как синоним термина арго.

В словаре иностранных слов мы находим следующее определение слову арго: “Речь определенных социально-замкнутых групп. Например, воровское, школьное арго.” А лингвистический словарь говорит, что “Арго (от французского *argot*) — особый язык некоторой ограниченной профессиональной или социальной группы, состоящий из произвольно избираемых видоизменяемых элементов одного или нескольких естественных языков. (см. жаргон)”.

Некоторые ученые (В. В. Виноградов, О. С. Ахманова, А. М. Шахнарович) ставят знак равенства между жаргоном и арго. Другие же объединяют арго с условными языками.

Argot — в переводе с французского языка действительно означает жаргон, то есть язык некоторой замкнутой социальной группы. Но есть и другое мнение. Арго — это, может быть, искаженное в нелитературном произношении французское слово “*ergot*”, что означает шпору у петуха, которая являлась символом воровского ремесла.

При всей условности терминов “арго”, “жаргон”, “*slang*”, “*cant*” и других, исследователи ряда стран, эпох и направлений выделяют всегда однородную, определенную группу языковых явлений. Но в большинстве своем арго называют речь воров, мошенников, бродяг — то есть речь деклассированных элементов. Б. А. Ларин объединяет социальную триаду арготирующих: воров, нищих и мелких бродячих торговцев. Эти социальные группы всегда используют в своей речи арго. А мы всегда безошибочно можем выделить арготические слова и выражения в языке самых разнообразных социальных групп: ремесленников, торговцев, моряков, нищих, учащихся. По мысли Д. С. Лихачева, “арготические явления замечательны тем, что даже никогда не задумывающийся над

языковыми процессами человек легко и безошибочно выделит и отличит их в своей и чужой речи”.

Арго — это один из типов социальных диалектов, который характеризуется конспиративной, эзотерической функцией и созданной для её реализации непонятной лексикой, которая изменяется по законам общего языка.

Условная речь обеспечивает её носителям сохранение информации, возможность ведения диалога между собой в присутствии посторонних.

Заимствование в арго один из самых распространенных приемов получения слов, непонятных для непосвященных, то есть слов эзотерического, закрытого характера. Источники их могут быть различны и весьма разнообразны. Это могут быть слова из языков индоевропейской семьи: греческие, цыганские, германские, славянские, балтийские. А также слова из языков тюркской семьи: башкирские, чувашские, узбекские и ряд других.

Цыганские элементы присутствуют в лексике чуть ли не всех условных языков Европы. Они являются одним из немногих общих элементов, что вполне понятно, если учесть, что цыгане рассеяны по всему миру и что из их среды выходит значительный процент преступников.

Существование тесных, длительных контактов арготирующих с цыганами, которые своими бытовыми условиями мало чем отличались от бродячих торговцев, странствующих ремесленников и т.д. повлияло на проникновение цыганских слов в арго.

Интересно, что почти до середины прошлого века на цыганский язык смотрели как на искусственный язык, то есть отождествляли его с арго.

Цыганские заимствования есть и в русских арго. Но их немного. Причина этого заключается в том, что цыгане всегда держались и держатся изолированно. Цыгане кузнецы или лудильщики, даже если вели бродячий образ жизни, все равно старались не соприкасаться с нецыганами. Подтверждением тому может служить тот факт, что орудия труда у цыган очень примитивны.

И “цыганки-ворожеи” также представляют собой исключительно замкнутый элемент. И это понятно, потому что успех ворожбы или колдовства в основном зависит от окружения “гадалки” грубой мистикой, чему в большой степени содействует употребление языка, непонятного для клиента.

Воровство у цыган считается вполне допустимой и нисколько не предосудительной профессией. “Можно думать, что взгляд на воровство как на профессию, не представляющую ничего предосудительного, вы-

несен цыганами из Индии, где в настоящее время существует каста dom, которую различные авторы сближают с цыганами. Сближение это возможно не только на основании близкого звучания национального названия цыган gom, но и потому, что каста dom занимается в значительной мере тем же, что и цыгане”, писал А. П. Баранников.

Далее он пишет, что возможно еще в Индии цыгане были оторваны от сколько-нибудь стойкой трудовой базы и обращены в касту певцов, танцоров и музыкантов. В тех случаях, когда не было спроса на их основную профессию, они вынуждены были заниматься воровством. А так как в Индии существует большое количество каст неразрывно связанных с определенными занятиями, то воровство для некоторых каст рассматривалось как нормальное явление.

Широкое распространение среди цыган воровства как профессии привело к тому, что их поголовно считали ворами, а их язык автоматически становился воровским.

Вот некоторые слова из русского арга, которые являются цыганскими заимствованиями.

Дук – 2, 2 рубля, ср.: dui, дуй (цыг.) — 2 дудеконный – двугри-венный.

Трынка – копейка, trin, трин (цыг.) – 3.

Пеньжак, пеньжу – пять, пятак.

Пандж (цыг.) – 5.

Хандырить – ходить, идти.

По мнению акад. А. П. Баранникова, глагол “хандырить” это образованное от цыганского kxandiri — церковь (южнодиалект.) и означает “ходить по церквям, побираться, а не просто ходить”. В арге нищих хандырка – милостыня, а также ханжувати – побираться.

Иногда наблюдалась довольно вольная этимологизация, допущенная собирателями арга. Так, напрмер, выражение “хан в дыре” — церковь. Несомненно, что это слово “хандыри”, так как по-цыгански понятие церковь выражается словом Kxandiri .

Хавало – рот, хавало — лицо, хавалка, хавка — пища, кушанье. При наличии в арге глагола “хавать” с этим же значением, легко можно объяснить значения слов “хава, хавалка, хавка”

Хавало, возможно, обозначает не только лицо, но и рот, так как в цыганском языке одним словом обозначается рот и лицо. Таким образом “хала” при переводе с цыганского означает “то, что съедено”, и легко объясняется как форма от причастия прош. вр. xalo “съеденный”.

Шкеры – панталоны, шкары – штаны. Это слово попало в условно-профессиональные арге из воровского жаргона, где оно, если принять версию А. П. Баранникова восходит к цыганскому шукар (sugar) –

красивый, прекрасный, красавец. В воровском аргю шкеры – брюки или брючные карманы соединяется со словом прекрасный, возможно потому что из брючных карманов легче красть, чем, например, из внутреннего нагрудного кармана.

Библиография

- Ахманова О.С. Беляева В.Ф. Веселитский В.В.* Об основных понятиях нормы речи. Ортология // Филологические науки. 1965. № 4. С.88-98.
- Баранников А.П.* Цыганские элементы в русском аргю // Язык и литература. Л., 1931. С. 139-158
- Бодуэн де Куртене И.А.* “Блатная музыка” В.Ф.Трахтенберга // *Бодуэн де Куртене И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 2. С. 161-163.
- Лихачев Д.С.* Арготические слова профессиональной речи // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.

Ономасиологический принцип описания функционально-семантической категории побуждения

© кандидат филологических наук А. И. Изотов, 1999

Памяти С. А. Лебедь

Реализуясь прежде всего в рамках так называемой «целестановочной модальности», категория побуждения, которая рассматривается нами в качестве категории функционально-семантической, вступает в сложное взаимодействие с другими конститuentами модального комплекса, в частности, с единицами плана «волюнтативной модальности» (характеристика обозначаемой ситуации с точки зрения ее возможности, необходимости, желательности¹), плана эмоциональной и качественной оценки содержания высказывания, плана утверждения / отрицания. Поэтому неудивительно, что интерес к проблемам императива и побудительности в последние годы растет. Так, истекшее десятилетие отмечено появлением целого ряда крупных работ по данной тематике, среди них докторские диссертации Л. А. Бирюлина (1992), Ц. Саранцацрал (1993), Л. А. Сергиевской (1995), монографии Е. И. Беляевой (1992), Й. Крекича (1993), Л. А. Бирюлина (1994), коллективная монография «Типология императивных конструкций» под редакцией Л. А. Бирюлина и В. С. Храковского (1992). Мощным стимулом для разработки проблематики явились ленинградская конференция «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность» (1988) и выход монографии «Темпоральность. Модальность» из серии «Теория функциональной грамматики» коллектива авторов под руководством А. В. Бондарко (1990). Кроме того, поскольку способность к корректному продуцированию, равно как и к корректной интерпретации побудительных речевых актов является весьма важным элементом индивидуальной языковой компетенции, описание и систематизация средств и способов побуждения представлено (с той или иной степенью полноты) и в современных грамматических описаниях прикладного характера. Следует, однако, отметить, что в подобных описаниях (как сугубо научных, так и учебных) преобладает, как правило, комплексный семасиологически-ономасиологический подход, когда вначале описываются конструкции с императивными формами, объявляемые центром функцио-

¹ В русистике этот тип модальности принято называть «внутрисинтаксической» модальностью, ср. работы Г. А. Золотовой, М. В. Всеволодовой.

нально-семантической категории побуждения (в который также могут включаться высказывания с побудительными междометиями, перформативами, инфинитивом и т. д.), а затем их функциональные эквиваленты². Подобный подход имеет немало достоинств, однако не свободен и от определенных недостатков, проявляющихся при межъязыковом сопоставлении. Так, даже в случае с близкородственными чешским и русским языками проблемы начнутся уже с морфологическим императивом — рядом окажутся конструкции с чешскими парадигматическими формами типа *pišme, pojedme* и с русскими непарадигматическими формами типа *идемте*, а при межъязыковом сопоставлении аналитических императивных образований, характеризующихся различной внутренней формой, семасиологический подход в принципе невозможен.

В целях ономазиологически ориентированного описания функционально-семантической категории побуждения мы воспользовались (в несколько модифицированном виде) предложенной Л. А. Бирюлиным и В. С. Храковским (которые опираются, в свою очередь, на принятое в теории речевых актов трехуровневое представление высказываний) моделью структуры содержания побудительного высказывания, включающей в себя: 1) план прескрипции (= иллокутивный акт), который включает Прескриптора, Получателя прескрипции и Исполнителя прескрипции; 2) план коммуникации (= локутивный акт), который включает Говорящего³, Слушающего / Слушающих (= Получателя / Получателей прескрипции) и Лицо / Лиц, не участвующее в коммуникативном акте, т.е. 3-е л. ед./мн.ч.; 3) план каузируемого положения вещей (= пропозициональный акт), который включает некое действие Р и его Агенса (= Исполнителя прескрипции). Возражая широко распространенному мнению, что Слушающий (= Получатель прескрипции) и Агенс

² Оригинальный взгляд на проблематику содержится в монографии Й. Крекича, который, исходя из положения создателя термина «перформатив» Дж. Остина о том, что высказывание, способное «развернуться» в эксплицитное перформативное высказывание, является *имплицитным* или *скрытым* перформативным высказыванием («С поля» = «Я объявляю, провозглашаю, выставляю или выкликаю вас с поля», ср. [Остин 1986: 62-63]), и мнения Ю. Д. Апресяна о приоритете перформативной формулы перед перформативным глаголом («Прости!» = «Прошу у тебя прощения», ср. [Апресян 1995. Т. 2: 203]), толкует это положение предельно расширительно — в разряд имплицитных побудительных перформативов попадает абсолютное большинство побудительных высказываний, и хотя его монография называется «Побудительные перформативные высказывания», речь в ней идет фактически о варианте систематизации средств побуждения современного русского языка. В соответствии с избранным Й. Крекичем углом зрения, центральную область побудительного массива составляют эксплицитные перформативные высказывания с перформативными глаголами из заданного списка, а высказывания с императивом занимают место на периферии.

³ У Л. А. Бирюлина и В. С. Храковского *Говорящего* (= *Прескриптора*).

(= Исполнитель прескрипции) непременно должны быть одним и тем же лицом, Л. А. Бирюлин и В. С. Храковский склонны считать, что Агенса действия (= Исполнителем прескрипции) может быть любой из заданных участников коммуникативного акта и любая теоретически допустимая совокупность этих участников. Тезис о факультативности кореференции Слушающего и Агенса позволяет обосновать возможность расширения массива побудительных высказываний, в частности, включения в него высказываний типа *Пусть он (они) еще подождет (подождут)! Пойдём(те) скорей! Пойду(-ка) подгоню их!* и т. п. [Типология... 1992: 8-9]

Мы склонны выдвинуть еще один тезис — тезис о факультативности кореференции Говорящего и Прескриптора. Это позволит на законном основании включить в анализируемый массив явно побудительные высказывания, в которых говорящий дистанцируется (более или менее решительно) от роли Прескриптора, беря на себя лишь посреднические функции. Прескриптором же подобного побуждения является лицо, непосредственно не участвующее в конкретном коммуникативном акте, ср.: *Господин директор просит Вас еще немного подождать*. Как нам представляется, сюда можно отнести случаи, когда Прескриптор персонально не определен, т.е. когда в его роли выступает как бы сам миропорядок в целом, ср.: *Вы должны быть более внимательны!* Отметим, что подобные ‘*долженствовательно-побудительные*’ высказывания, возможные и в русском речепотреблении, в речепотреблении чешском весьма узуальны, ср.: *Musíš pryč!* букв. ‘*Ты должен уйти*’, *Už táte jít* букв. ‘*Нам уже надо идти*’.

Нам представляется также необходимым отметить еще один важный компонент содержательной структуры побудительного высказывания, незаслуженно недооцениваемый, как нам кажется, даже в весьма солидных исследованиях (ср. [Русская грамматика 1979: 195], [Типология... 1992: 7]), — каузацию *возможности* действия Агенса. *Возможность*, безусловно, может быть интерпретирована через *необходимость* (например ‘*возможность некоторого действия*’ как ‘*отсутствие необходимости воздержания от него*’ или как ‘*отсутствие необходимости некоторого альтернативного действия*’, что хорошо прослеживается, в частности, на примерах употребления чешских модальных глаголов *tosí, muset* с отрицанием и без него), однако нам представляется оправданным введение данного компонента как самостоятельного, тем более, что он может выступать на передний план в семантической структуре некоторых социально значимых семантических интерпретаций побуждения, таких как *разрешение, предложение, приглашение*, ср.: *Садитесь, пожалуйста* = ‘*Вы можете сесть*’.

Суммируя изложенное, мы склонны охарактеризовать в качестве *побудительных* такие высказывания, в которых Говорящий сообщает Слушающему о *необходимости* и / или *возможности* осуществления Агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего сообщения, при этом *необходимость* и / или *возможность* осуществления Агенсом данного действия может обуславливаться *волеизъявлением* одного из участников плана коммуникации и / или его *интересами*. Естественно, что 'воздержание от действия' также является своего рода 'действием'; равно как 'сообщение о необходимости' или 'сообщение о возможности' может значить не только 'необходимость' или 'возможность', но и 'отсутствие необходимости' или 'отсутствие возможности'.

Предлагаемая нами модель функционально-семантической категории побуждения базируется на предлагаемой выше формуле следующим образом:

Ядро функционально-семантической категории побуждения образуют конструкции, формирующие иллокутивно универсальные и иллокутивно специфицированные побудительные высказывания в условиях минимального дискурсного окружения, при этом Говорящий равен Прескриптору, а Слушающий равен Агенсу. Безусловно необходимыми критериями отнесенности к ядру являются критерии употребительности и стилистической немаркированности. В современных чешском и русском языках данным условиям отвечают конструкции с синтетическим императивом 2 лица, формирующие иллокутивно универсальные побудительные высказывания, и эксплицитные перформативные конструкции *1 л. ед. числа перформативного глагола + инфинитив / отглагольное существительное / придаточное предложение*, формирующие иллокутивно специфицированные побудительные высказывания.

Периферию функционально-семантической категории побуждения образуют конструкции, формирующие побудительные высказывания, не отвечающие приведенным выше условиям (например, высказывания с инклюзивным побуждением, с побуждением третьего лица, самопобуждением и т. д.), а также конструкции, формирующие побудительные высказывания через тематизацию того или иного аспекта содержательной структуры побудительного высказывания (через тематизацию каузируемого действия или его последствий, тематизацию возможности этого действия, его необходимости или полезности, тематизацию волеизъявления говорящего, адресата или иного лица / лиц).

Для того, чтобы хотя бы вчерне представить взаимную соотносительность вычленяемых подобным образом конститuentов функционально-

семантической категории побуждения в современных чешском и русском языках, мы подвергли статистической обработке приблизительно равные (по пять тысяч единиц для каждого языка) массивы чешских и русских примеров, извлеченных сплошной выборкой из произведений современной художественной прозы (мы старались использовать соотносительные по объему произведения⁴), см. далее четыре диаграммы, из которых первая и вторая учитывают абсолютные числа примеров того или иного типа, а третья и четвертая — их процентное соотношение.

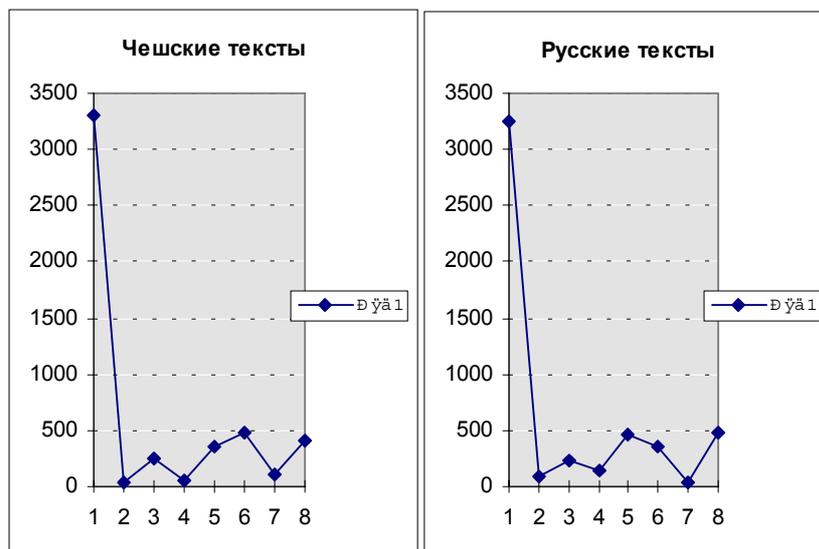
Предлагаемые диаграммы иллюстрируют как принципиальную инвариантность структуры функционально-семантической категории побуждения в сопоставляемых языках (ср. сходство контуров диаграмм 1 и 2), так и наиболее существенные особенности реализации данной категории в чешском и русском языковых пространствах, такие как большая узуальность для чешского речеупотребления побуждения через тематизацию необходимости или возможности каузируемого действия, что безусловно связано с большей по сравнению с русскими функциональной нагруженностью чешских модальных глаголов⁵, и большая узуальность иллюкутивно специфицированного побуждения для речеупотребления русского⁶.

Дальнейшее же описание функционально-семантической категории побуждения предполагает анализ составляющих ее подкатегорий,

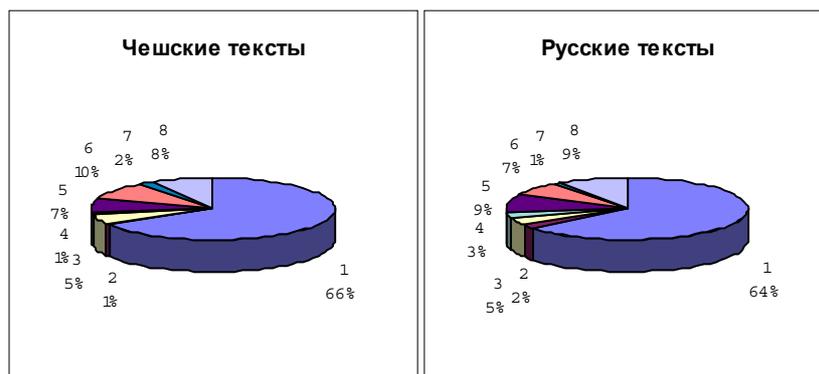
⁴ *Adlová V.* Růže z Flander. Praha: ČS, 1976. 168 s.; *Erben V.* Poklad byzantského kupce. Bláznová smrt. Praha: ČS, 1986. 352 s.; *Frais J.* Klec plná siláků. Praha: ČS, 1978. 188 s.; *Franková H.* Ubohý Džony. Praha, ČS, 1988. 304 s.; *Kadlec J.* Balada o smutném boxerovi. Praha: ČS, 1981. 208 s.; *Kapek M.* A je to gól! Praha: Práce, 1983. 368 s.; *Klervis V.* Abiturienti. Praha: ČS, 1975. 180 s.; *Körner V.* Anděl milosrdenství. Praha, ČS, 1988. 200 s.; *Kratochvíl M. V.* Evropa tančila valčík. Evropa v zákopech. Praha: ČS, 1982. 528 s.; *Marek J.* Můj strýc Odysseus. Praha: MF, 1979. 276 s.; *Navrátil J.* Košťář. Praha: ČS, 1978. 144 s.; *Petiška E.* Svět plný lásky. Praha: ČS, 1979. 236 s.; *Psůtková Z.* Růže z Bertramky. Praha: ČS, 1988. 168 s.; *Souchop J.* Laskavý nezám. Brno: Blok, 1986. 208 s.; *Suchl J.* Hledání červené rukavičky. Praha: ČS, 1977. 120 s.; *Štěpán L.* Vysoko letí ptáci. Praha: ČS, 1980. 180 s.; *Švandrlík M.* Vražda mlsného humoristy. Praha: Práce, 1990. 144 s.; *Volný Z.* Den neposkvěného srdce. Praha: ČS, 1980. 236 s.; *Аксенов В. П.* Остров Крым. М.: Изограф, 1997. 416 с.; *Алешковский Ю.* Кенгуру. Воронеж: АМКО, 1992. 192 с.; *Булычев К.* Агент КФ. Подземелье ведьм. Город Наверху. М.: Армада, 1998. 474 с.; *Довлатов С. Д.* Зона. СПб.: Новый Геликон, 1996. 224 с.; *Кабаков А. А.* Ударом на удар, или подход Кристаповича. М.: Авлад-Файн, 1993. 208 с.; *Пелевин В. О.* Жизнь насекомых. Омон Ра. М.: Вагнус, 1997. 352 с.; *Стругацкие А. и Б.* Понедельник начинается в субботу. Сказка о тройке. [Трудно быть богом]: Повести. М.: Текст, 1996. 447 с.; *Филатов Л. А.* Любовь к трем апельсинам. Сказки, повести, пародии. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. 416 с.

⁵ Ср. [Сопоставительные исследования...: 215-216].

⁶ О большей, по сравнению с русским, узуальности недифференцированного побуждения для чешского речеупотребления свидетельствуют и особенности употребления в чешских и русских текстах интерпретирующих предикатов [Изотов 1998: 87].

1. Базовые типы иллокутивно универсального побуждения.
2. Базовые типы иллокутивно специфицированного побуждения.
3. Периферийные типы иллокутивно универсального побуждения.
4. Периферийные типы иллокутивно специфицированного побуждения.
5. Побуждение через тематизацию действия.
6. Побуждение через тематизацию необходимости или возможности действия.
7. Побуждение через тематизацию волеизъявления.
8. Иные способы побуждения.

выделяемых на основе той или иной категориальной ситуации побуждения (например, *ситуация 1*: Прескриптор равен Говорящему, Агенс равен Слушающему; *ситуация 2*: Прескриптор равен Говорящему, Агенс равен Слушающему + Говорящему; *ситуация 3*: Прескриптор равен Говорящему, Агенс равен Лицу, не участвующему в коммуникативном акте; *ситуация 4*: Прескриптор равен Говорящему, Агенс равен Говорящему и т. д.).

Л и т е р а т у р а

- Апресян Ю. Д.* Избранные труды. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 1. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. 2-е изд. 472 с.; Т. 2. 767 с.
- Беляева Е. И.* Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1992. 167 с.
- Бирюлин Л. А.* Теоретические аспекты семантико-прагматического описания императивных высказываний в русском языке: Автореф. ... доктора филол. наук. СПб., 1992. 41 с.
- Бирюлин Л. А.* Семантика и прагматика русского императива. Helsinki, 1994. 229 с.
- Всеволодова М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М.: Филологический факультет МГУ [рукопись].
- Золотова Г. А., Ошепенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Ин-т русского языка РАН; Филологический факультет МГУ, 1998. 528 с.
- Изотов А. И.* Семантическая карта императивности (на материале чешского и русского языков). М.: Филология, 1998. 112 с.
- Креквич Й.* Побудительные перформативные высказывания. Szeged: Jgytf Kiadó, 1993. 241 с.
- Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 22-130.
- Саранцацрал Ц.* Речевые акты побуждения, их типы и способы выражения в русском языке: Дисс. ... доктора филол. наук. М., 1993. 246 с.
- Сергиевская Л. А.* Сложное предложение с императивной семантикой в современном русском языке: Дисс. ... доктора филол. наук. М., 1995. 400 с.
- Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / Под ред. *А. Г. Широковой*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 326 с.
- Русская грамматика. Прага: Academia, 1979. 1093 с. [два тома с продолжающейся нумерацией]
- Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. II. 710 с.
- Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. 264 с.
- Типология императивных конструкций / Под ред. *В. С. Храковского, Л. А. Бирюлина*. СПб.: Наука, 1992. 301 с.

Значение грамматической категории перфекта и перфектное значение глаголов совершенного вида (к вопросу об использовании термина "перфект" в преподавании РКИ)

© кандидат филологических наук А. А. Караванов, 1999

Как известно, некоторые глаголы совершенного вида (СВ) в определённых контекстах могут выражать перфектное значение (например, в предложении "Я *кутил* апельсины" глагол СВ выражает перфектное значение – при условии, что апельсины в момент речи находятся перед глазами говорящего). Данное значение является нерегулярным: во-первых, оно свойственно лишь глаголам определённой лексической семантики; во-вторых, даже эти глаголы имеют перфектное значение далеко не во всех контекстах, где глагол СВ в форме прошедшего времени выражает действие, результат которого находится перед глазами говорящего. В связи с этим выделение у глаголов СВ перфектного значения может вызывать у изучающих русский язык иностранцев значительные трудности. Рассмотрению этих трудностей посвящена настоящая статья.

В современном русском языке грамматическая категория перфекта отсутствует. Поэтому выделение перфектного значения у глаголов СВ опирается исключительно на *семантический критерий*. Невозможность же опереться на *формальный критерий* ставит изучающих русский язык иностранцев в довольно трудное положение: перфектное значение глаголов СВ оказывается нестабильным, "ускользающим". Поэтому, интерпретируя значение некоторых глаголов СВ как перфектное, следует прежде всего очень четко сформулировать то значение, которое мы называем перфектным.

Для точного определения перфектного значения обратимся к английскому языку (английский язык является в данном случае "эталонным", так как представленная в нём *грамматическая категория перфекта* является очень развитой, четко дифференцированной). В современном английском языке есть две разновидности перфекта:

а) перфект, выражающий действие, закончившееся в прошлом, результат которого актуален для настоящего, например: *I have left my book at home* – Я *оставил* свою книгу дома¹. В данном случае действие является законченным и полностью лежит в области прошлого, однако его результат (отсутствие у субъекта книги) сохраняется и в настоящем (актуален для настоящего);

б) перфект, выражающий действие, начатое в прошлом и продолжающееся в настоящем, например: *He has lived* in Moscow for two years – Он *живёт* в Москве два года. В этом случае действие не является законченным: оно начато в прошлом и продолжается в настоящем.

Совершенно очевидно, что две отмеченные разновидности перфекта имеют общую особенность: они выражают *сохранение прошлого в настоящем*. Однако в силу сложившейся в РКИ традиции перфектным значением принято называть только значение первой разновидности перфекта (действие закончилось в прошлом, а его результат сохраняется в настоящем), в связи с чем перфектное значение в практике преподавания РКИ связывается только с СВ. Конечно, значение второй разновидности перфекта является ничуть не менее перфектным, чем значение первой: "Он *живёт* в Москве два года" — это, безусловно, перфект, хотя он и выражается здесь несовершенным видом (НСВ). Однако, поскольку в данном случае нас интересует употребление термина "перфект" в преподавании РКИ, в этой статье мы будем рассматривать только одну из разновидностей перфектного значения, а именно – значение *завершившегося в прошлом* действия, результат которого актуален для настоящего.

Итак, какие же проблемы могут возникнуть у иностранцев при употреблении глаголов СВ в перфектном значении? Сравним два предложения: "Я *купил* апельсины" (СВ) и "Я *покупал* апельсины" (НСВ). В первом предложении глагол СВ *купил* выражает перфектное значение: действие совершено в прошлом, а его результат ("наличие апельсинов") сохраняется в настоящем. Во втором предложении глагол НСВ *покупал* перфектного значения не выражает.

Констатация того факта, что в первом предложении выражается перфектное значение – факта достаточно ясного и очевидного – на самом деле таит в себе "ловушку" для иностранца: ведь если "Я *купил* апельсины" – это перфект, то, на первый взгляд, логично предположить, что и предложения "Когда вы купили апельсины?", "Где вы купили апельсины?" и "Кто купил апельсины?" – также выражают значение перфекта. В самом деле: если в этих трёх предложениях выражается значение действия, завершённого в прошлом, результат которого сохраняется в настоящем (то есть перед глазами говорящего находятся купленные апельсины), то почему не допустить, что это – тоже перфект (тем более, что здесь также употреблена форма СВ)? Однако в действительности в этих трёх предложениях *значение перфекта не выражается*. Для выяснения вопроса о том, есть ли здесь перфектное значение, мы обратились к англоязычным информантам: они подтвердили, что в английском языке во всех трёх указанных предложениях перфект употребить невозможно (то есть предложения **When have you bought the oranges?*, **Where have you bought the*

oranges? и *Who has bought the oranges? в английском языке оказываются неправильными; правильными предложениями являются соответственно предложения When did you buy the oranges?, Where did you buy the oranges? и Who bought the oranges?). У иностранца, родным языком которого является английский, не должно возникать трудностей с уяснением того факта, что перфектное значение выражается в предложении "Я купил апельсины" и не выражается в предложениях "Когда вы купили апельсины?", "Где вы купили апельсины?" и "Кто купил апельсины?". Однако иностранцу, родным языком которого не является английский, трудно объяснить, почему в последних трёх предложениях не может выражаться перфектное значение, если апельсины, о которых идёт речь, находятся в данный момент перед глазами говорящего.

Выделение контекстуальных значений, аналогичных категориальным значениям других языков (в данном случае – выделение контекстуального значения перфекта у СВ по аналогии со значением грамматической категории перфекта тех языков, где эта категория есть) – дело, с одной стороны, очень соблазнительное, а с другой – очень рискованное, таящее немало "подводных камней". В самом деле: с одной стороны, почему не воспользоваться понятием перфекта для интерпретации таких простых и "лёгких" случаев, как, например, предложение "Я купил апельсины"? А с другой стороны: где гарантия, что англоговорящий иностранец, ухватившись за "родное" и привычное для него понятие перфекта, не станет доказывать преподавателю, что в предложении "Он живёт в Москве два года" также выражается значение перфекта? А ведь из этого примера следует, что НСВ тоже может выражать перфектное значение, тогда как в преподавании РКИ значение перфекта связывается исключительно с СВ. Если же преподаватель, возражая англоязычному иностранцу, попытается убедить его в том, что в предложении "Я купил апельсины" перфектная семантика выражается, а в предложении "Он живёт в Москве два года" – не выражается, то здесь и вовсе возникнет недоразумение, поскольку в этом случае прав окажется иностранец.

Рассмотрим подробнее приведённые выше вопросительные предложения "Когда вы купили апельсины?", "Где вы купили апельсины?" и "Кто купил апельсины?" и попытаемся разобраться, почему они не могут выражать перфектного значения. Для прояснения этого вопроса обратимся к перфектным формам, всё ещё сохраняющимся в некоторых русских диалектах – таким, как "Он вытвивши", "Он пришедиши" и т. д. (если такие формы встречаются в речи носителей современного русского языка, то они, конечно же, являются просторечными, однако в данном случае важно подчеркнуть, что эти формы, представляющие собой диалектизмы, по своему аспектуальному значению являются формами перфекта). Совер-

шенно очевидно, что предложения "**Когда он выпивши?*" и "**Где он выпивши?*" являются неправильными. Форма *выпивши* выражает состояние субъекта *в настоящий момент*, она означает, что он *именно сейчас* "выпивши", в связи с чем вопрос *когда?* лишается здесь всякого смысла. По этой же причине лишается смысла и вопрос *где?* Если мы хотим задать вопрос о том, когда и где происходило действие, выражаемое глаголом *выпить*, мы должны использовать предложения "*Когда он выпил?*" и "*Где он выпил?*", которые отнюдь не синонимичны предложениям "**Когда он выпивши?*" и "**Где он выпивши?*". Сложнее обстоит дело с вопросом о производителе действия: предложение "*Кто выпивши?*" не является правильным; таким образом, в этом случае русские диалектные перфектные формы не помогают прояснить вопрос о том, почему здесь невозможен перфект. Однако необходимо подчеркнуть, что в английском языке запрет на употребление перфекта в вопросительном предложении распространяется и на вопрос о производителе действия.

Отметим, что невозможность употребления перфекта с вопросительными словами *когда?* и *кто?* являются одной из самых ярких особенностей перфекта. Вопросительное слово *когда?* не может сочетаться с перфектом потому, что перфект представляет собой как бы настоящее-прошедшее время, в котором настоящее время актуализовано, а прошедшее, напротив, затушевано, размыто, отодвинуто на задний план (поэтому вопрос *когда?* применительно к перфекту лишается всякого смысла). К. Е. Эккерсли говорит о английском перфекте настоящего времени следующее: "Одна из функций этого глагольного времени состоит в том, чтобы выразить действие в прошлом, время совершения которого остаётся необозначенным"² [перевод наш – А.К.]. Авторы курса американского варианта английского языка для русскоговорящих "Прорыв!" так определяют назначение перфекта настоящего времени: "Present Perfect употребляется, когда необходимо подчеркнуть актуальность прошедшего действия для настоящего момента (момента речи), связь с настоящим в виде результата... При этом точное время совершения (или несовершения) действия не указывается (и несущественно). Соответственно, Present Perfect НЕ употребляется в предложениях с обстоятельствами типа *yesterday, a minute ago, last month* [*вчера, минуту назад, в прошлом месяце* – А.К.] и т.п. ... и в вопросах с *when, (at)what time* [*когда, во сколько* – А.К.]"³. Авторы указанного курса также отмечают, что перфект настоящего времени не употребляется в следующих предложениях (которые, заметим, представляют собой *вопрос о производителе действия*):

“Who <i>let</i> the cat in? – I did.	Кто впустил сюда кошку? – Я.”;
"That's a nice picture. <i>Did</i> your brother paint in?"	[Замечательная картина. – А.К.] Её нарисовал ваш брат?";
"Who <i>gave</i> you this beautiful dress ?	Кто подарил тебе это красивое платье?" ⁴ .

Как видим, в вопросе о производителе действия англоговорящие употребляют не перфект, а Past Indefinite.

Подведём итоги. Употребление термина "перфект" в преподавании РКИ, вероятно, следует признать нецелесообразным. В тех случаях, когда речь идёт о предложениях типа "Я *купил* апельсины", наверное, достаточно будет сказать, что здесь представлено прошедшее действие, результат которого сохраняется в настоящем (т. е. актуален для настоящего). Если же, не ограничившись этим, мы станем говорить иностранцам о перфектном значении СВ, мы рискуем столкнуться с целым рядом противоречий, о которых уже говорилось выше. Надо заметить, что семантика перфекта – это довольно сложная лингвистическая проблема. К тому же значение перфекта очень сильно варьируется от языка к языку (например, от английского – к болгарскому). Более того: даже при анализе одних и тех же форм перфекта одного и того же языка разные лингвисты нередко интерпретируют их значение по-разному.

Примечания

1. Английский пример взят из книги: *Эккерсли К. Е.* Учебник английского языка. В 4 тт. Т.1. М.: СП "Маркетинг – XXI", ИПО "Полигран", 1992. С. 220.
2. Указ. соч. С. 221.
3. *Б. А. Лapidус, Томас Дж. Гарза, А. А. Барченков, С. Д. Толкачева.* Прорыв! Курс американского варианта английского языка для русскоговорящих / Под ред. проф. Д. Дэвидсона, проф. Б. А. Лapidуса. М.: Высшая школа, 1995. С.256.
4. Указ. соч. С. 257-258.
5. *Миллер Дж. Э.* Исчезает ли английская перфектная форма глагола? Прошлое, ближайшее прошлое и результативность в современном английском языке. Перевод с английского языка В. В. Гуревича // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова / Отв. ред. М. Ю. Черткова. Т.3. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 103-120.
6. *Генчева З.* Вопросы взаимодействия перфекта с видом в болгарском языке // Семантика и структура славянского вида. 1 / Отв. ред. С. Кароляк. Кракów: Wydawnictwo Naukowe WSP. 1995. С. 55-74.

Общерусский глагол в системе литературного языка и диалекта (к вопросу о переходности / непереходности)

© кандидат филологических наук Н. Г. Ильинская, 1999

Многие лингвисты считают, что функционирование общерусских слов в разных подсистемах национального русского языка характеризуется абсолютным семантическим тождеством. Давая определение общенародному слову, О. И. Блинова отмечает: «Общепородные слова составляют такие лексические единицы говора и литературного языка, которые полностью совпадают (по фонемному составу, ударению, значению» [1]. Ф. П. Сороколетов и О. Д. Кузнецова пишут, что «при всей тщательности поисков не удастся установить каких-либо отличий семантического, стилистического, фразеологического или другого характера» [2] от соответствующих единиц литературного языка для лексических единиц любого говора. С этими утверждениями не согласна О. В. Загоровская, считающая, что «...несовпадение в семантике общерусских слов в системе литературного языка и системе территориального диалекта — явление обязательное. Любое слово в говоре имеет специфику в своей семантике хотя бы на уровне одного из компонентов значения» [3]. С ней согласна и Р. Т. Гриб: «...в большинстве случаев в говорах развивается особое, специализированное диалектное значение общепородного слова, что является отражением общего процесса лексической дифференциации диалектной лексики, обусловленной экстралингвистическими факторами. “Семантическая сетка” данного общепородного слова оказывается различной в говорах и в литературном языке» [4].

Мы считаем возможным говорить о том, что общерусское слово в системе литературного языка и в говорах имеет многообразнейшие отличия и семантического, и стилистического, и фразеологического характера, а также и многие иные, в том числе и грамматические. На такого типа различиях мы остановимся в нашем исследовании. Сопоставив семантику общерусского слова в разных языковых системах — литературного языка и диалектного, — обратим внимание на категорию переходности – непереходности. Для анализа были выбраны 175 общерусских глаголов из 10 выпусков «Архангельского областного словаря» (АОС) [5] и из его картотеки. К числу общерусских, общепородных

лексем нами отнесены глаголы разных тематических групп: движения и перемещения, действия, звучания, эмоционального состояния и отношения и др.

Максимальным количеством (77) представлены общерусские слова, являющиеся переходными в диалектных системах Архангельской области и в литературном языке. Глаголы, будучи непереходными в литературном языке во всех отмеченных значениях (проверка проведена по «Словарю русского языка» (МАС) [6], могут быть переходными в диалектном языке. Таковыми являются 29 общерусских слов. Общерусские глаголы — непереходные в обеих языковых системах — представлены 65 единицами. Минимальное количество — всего 4 общерусских глагола — представляют случай переходности слова в литературном языке и непереходности его в архангельских диалектных системах.

Среди общерусских глаголов, являющихся переходными в литературном языке и в говорах, можно выделить следующие три группы.

I. Глаголы переходные во всех отмеченных значениях в МАС и АОС. При совпадающей семантике слов в разных языковых системах могут наблюдаться различия в стилистической характеристике.

Глагол *дарить* в МАС отмечен в двух значениях, позволяющих судить о его переходности.

1. Давать в качестве подарка, отдавать безвозмездно. *Девушки с веселыми, смеющимися лицами дарили танкистам цветы.*

2. Одаривать, делать подарки (устар.). *Барыни дарили ее (Дуню), та платочком, та сережками.*

// Удостаивать, награждать. *Вы не пропускаете случая, чтобы дарить меня Вашим расположением* [6: 1: 364–365].

В архангельских говорах этот глагол функционирует как многозначный, в двух из трех отмеченных значений является переходным.

1. Кого. Делать подарки кому-нибудь. *Я дарила жэниха, свёкра, свекрѳку, дѳверя.* ЛЕН. Схд. *Назѳтре на мужйевой рѳдине невеста дарила родню — на стрѳку оговоряще, што даришь.* ВЕЛЬ. Пжм.

2. Кого. Делать подношения кому-нибудь, одаривать кого-нибудь.

Отмеченные значения в литературном языке и в архангельских говорах практически совпадают, но обращает на себя внимание то, что в литературном языке лексическое значение «одаривать, делать подарки» дано с пометой *устар.*, в то время как в говорах это же значение не является стилистически маркированным.

II. Глаголы переходные в большей части отмеченных значений, как совпадающих со значениями, данными в МАС, так и в собственно диалектных.

Глагол **гонять** (по МАС) имеет в системе литературного языка три значения, в каждом из которых он является переходным.

1. То же, что *гнать* (в 1, 2, 3, 4 знач.) с той разницей, что *гонять* обозначает действие повторяющееся, совершающееся в разных направлениях или в разное время. *Весь день мы с Семой работали по двору — собирали навоз, давали корму скотине, гоняли ее на водопой (гнать — 1 значение в МАС: Сопровождая, заставляя передвигаться в каком-нибудь направлении, по какому-нибудь месту).*

В АОС находим контексты, подтверждающие указанное значение. *У́лка, по кото́рой гоня́ли коро́ф, и то́ огоро́жэна.* ВИН. Слц. *Жо́нки ту́т за Ля́су на но́чьную коро́в гоня́ют.* В-Т. Грк.

У данного значения в АОС отмечены еще и оттенки: · пасти' (*Кру́глы су́тки гоня́ют коро́ф-то.* ПИН. Шрд. *Ка́ска — где гоня́ют ско́т, поско́тина.* ПИН. Ёр.) и · сплавлять лес по малым рекам' (*На́до ле́с гоня́ть.* УСТЬ. Бст. *Ле́с не гоня́ли, мо́рем не ходи́ли.* ЛЕШ. Кб.).

2-е значение в МАС: Гнаться за кем-нибудь, стремиться настичь, догонять, преследовать: *Гонял он и вепрей и туров гнедых, но время доспело, звон рога утих.* Ср. в архангельских говорах: *Семёна гонял, с ножом.* ПРИМ. ЗЗ. *Он гонял ейё (её), она ребят-то схватит, ноги лягаюцца, г ба́нке волочи́т.* ЛЕШ. Тгл. *Он был роботя́га, гоня́л куня́ць.* ЛЕШ. Шгм.

3-е значение в МАС: Заставлять уходить, удаляться, прогонять, отгонять. *Отец велит гонять всех странников, а она принимает их.*

В диалектных системах Архангельской области это значение также отмечено: *Невёску гоня́ли, не дава́ли ей до́ма-то жи́ть.* ЛЕН. Схд. *Гну́с (оводы) фсе́ их (коров) гоня́ют, дак они́ и не хобя́т ф по́ле.* ВИН. Слц.

4-е значение в МАС: Заставлять, принуждать что-нибудь делать, понуждать к какому-нибудь действию. — *Зачем же сам-то по праздникам на тройках гоняешь? — Мне, сударь, нельзя не выехать, должность моя такая, что я должен ездить.* В архангельских говорах у глагола **гонять** зафиксировано указанное значение: *Ту́т хва́тиши я́готку [там хва́тиши] — брjóхо гоня́т, ийсь-то хóчеи.* ЛЕШ. Вжг.

2-е значение глагола **гонять** в МАС имеет стилистическую помету *разг.*: Посылать с поручением, отправлять куда-либо. *Хотел послать Вам поздравительную телеграмму, но жалко было гонять работника на станцию.*

В АОС приведены контексты, подтверждающие это значение: *Лéтом на сплóтку гоня́ли, вездé побывáно, гоня́ли нáшего брáта.* ВИН. Слц. *И́х гоня́ют на картóшку.* КОТЛ. Збл. *Рáньше вездé дéвог гоня́ли (на лесозаготовки) — не спра́шивали.* МЕЗ. Кд.

Для третьего значения, зафиксированного в МАС с пометой *прост.* — 'заставлять отвечать по разным и многим частям учебной программы' [6: 1: 331] в АОС соответствия не отмечено.

Таким образом, в указанных выше значениях глагол **гонять** является переходным и в системе литературного языка, и диалектных системах Архангельской области.

Однако следует отметить, что система значений этого слова в архангельских говорах гораздо многообразнее, чем в литературном языке. Те собственно диалектные значения этого глагола, которые представлены в АОС, и контексты, их подтверждающие, позволяют судить о его переходности.

В АОС отмечены следующие значения глагола **гонять**, не свойственные литературному языку.

Вырабатывать какой-н. продукт, извлекая из чего-н., выделяя, добывая, заставляя стекать. *У нас самогóну не гоня́ли.* ПИН. Чкл. *Жыви́цю (смолу) гоня́ли.* ЛЕШ. Кб. *Йóд гоня́ли до войны́, йóд гоня́ли, жгáли.* ПРИМ. ЛЗ.

Управлять каким-н. транспортом. *Ноне по́цьта, а рáньше стáнция бы́ла, свё́кор мой три гóда стал стáнцию (почтовую) гоня́ть.* УСТЬ. Снк. *Тепе́рь ба́бы за́чали гоня́ть самолё́ты-то.* КРАСН. ВУ.

Производить работу, связанную с выработкой чего-н., управлять чем-н., какой-н. аппаратурой, включать какой-н. прибор, обеспечивая его работу. *До двена́дцети гоня́ют свёт-от, а з двена́дцети до петí — нёт.* ЛЕШ. УК. *А онí телев́изор гоня́ют.* ПИН. Штг. *Так здесь он огóнь (электричество) гоня́л. На́до во́ду-то гоня́ть, а онí не хотя́т.* МЕЗ. Кд. *Фчерá гоня́ли пластíнки, так и не собра́ли.* МЕЗ. Крп.

Ударять палкой, битой по какому-н. предмету (при игре). *Попá гоня́ли, у кáжной по пáлке у нас, попá ис чо́рки деревя́ннóй дэ́лали.* ВИН. Тпс. *А робя́та рю́хами игра́ли, рю́ху гоня́ли, и пойдёт у них друг дру́жку коса́рить.* КАРГ. Лдн.

III. Глаголы переходные в литературном языке и в диалектных системах лишь в отдельных значениях (как правило, не совпадающих).

Глагол **боронить** представлен в системе литературного языка как однокоренный: · Разрыхлять, обрабатывать бороной вспаханную землю' [б: 1: 108], переходный. *Боронить поле.*

В архангельских говорах он может быть как переходным, так и непереходным. Переходным он является в следующих значениях:

Ругать кого-н. *Он фсѣх боронит скраю* (подряд). ШЕНК. ВП.

Болтать, беседовать о пустяках, говорить вздор. *Борони́ми, што какйе ли ишибны. Не борони́, ты уи фсѣя заплелась сама́. Поди́, це́ не борони́!* ЛЕШ. Вжг. *Цегó здумаю да борони́.* КОН. Твр.

Непереходность анализируемого глагола представлена при значении · Побеждать кого-либо, брать верх над кем-либо'. *Худо ни добро́, Семѣн зайѣхал медьвѣдоу на шю́ и борони́ть стал.* ЛЕШ. Вжг.¹

Таблица № 1.1 представляет общерусские глаголы, бытующие в литературном языке (ЛЯ) и архангельских говорах (АГ), с позиции переходности/непереходности.

Т а б л и ц а 1 . 1

I	II	III	IV
Глаголы, переходные в ЛЯ и в АГ	Глаголы, непереходные в ЛЯ, но переходные в АГ.	Глаголы, переходные в ЛЯ и непереходные в АГ	Глаголы, непереходные в ЛЯ и в АГ
77	29	4	65
44,2 %	16,7 %	2,3 %	36,8 %
<i>братъ, валять, весить, гладить, грести, говорить, делать, держать, дуть, жать, жалеть</i> и др.	<i>бродить, браниться, владеть, взячься, гадать, грубить, действовать, дунуть, зудить, плавать, страдать</i> и др.	<i>гаркнуть, баловать, бороздить, зубрить</i>	<i>быть, бросаться, болеть, врать, висеть, гостить, дергаться, драться, ездить, зудеть</i> и др.

В таблице № 1.2 представлены общерусские глаголы, являющиеся непереходными (во всех отмеченных значениях) в системе литературного языка, но переходными (либо во всех значениях, либо в их части) в диалектном языке.

¹ В АОС имеется 1 пример. Вполне возможно, что при наличии других материалов оказалось бы, что в этом значении глагол все же является переходным.

Таблица 1.2

Глагол	Всего лексич. знач., отмеченных в АОС	Кол-во знач., в к-рых глагол является переходным	Значения	Контексты, подтверждающие переходность
верить	1	1	Доверять, полагаться на кого-н.; поручать что-н. делать	<i>Не вѣрили скотовоѣтво-то мнѣ.</i> МЕЗ. Дрг. <i>Йего не вѣрят, не слѣшают.</i> ОНЕЖ. Лмц.
дунуть	3	3	1. Охватить дуновением, ветром, продуть	<i>Пошла купация, меня вѣтер дунул, дрѣш хватил.</i> ЛЕШ. Шгм.
			2. Погасить дуновением, задуть	<i>Сваты на рекѣ показались, а мы лампы дунули.</i> В-Т. ЧР.
			// Выключить. Об электричестве.	<i>Скоро и огонь дунут.</i> ОНЕЖ. Лмц.
			3. Экспресс. Ударить, побить.	<i>Он дунул йего по крыльцам (лопаткам).</i> ВИЛ. Пвл. <i>А вот Майку дуну; я те дам!</i> КАРГ. Лкш.
вредить	4	3	1. Повредить, ранить, нанести травму, искалечить.	<i>Собака-то она вредит: как небольшая собака, и заминает.</i> В-Т. Врш. <i>Ветерок не опасной, он не вредит целовека.</i> КАРГ. Ус.
			2. Портить, приводить в негодное состояние, делать плохим.	<i>Прям Прѣхора тут дом-то, там с половины дѣма крышу ссадило, только задду, а перед не вредило.</i> ВИЛ. Пвл. <i>Хлѣн вредит, не картошку.</i> В-Т. Тмш.
			3. Трогать, выводить из состояния покоя.	<i>Ты йего не вреди.</i> ПРИМ. ЗЗ.

брести	5	2	1. Утаптывать, уминать, топтать, прокладывая дорогу по траве, грунту, снегу.	<i>Та́ньке на́казываю, што́п фсе́ было́ гото́во, и бреду́ сле́д. НЯНД. Мш. Да бредёт ме́жду, брѣд называ́йеця. ВИН. Зст.</i>
			2. Ловить рыбу специальными приспособлениями и, медленно передвигаясь по воде и волоча снасть за собой.	<i>Вы бы сходи́ли посмотре́ли, как ры́бу бреду́т. Кры́льём ейѐ бреду́т, рыба́ где́-не ф хво́с, то ф кры́лья, она́ по кры́льям ф хво́с пойдѐт. ВЕЛЬ. Сдр.</i>
ходить	18	4	1. Охотиться на кого-н., ловить рыбу.	<i>Ку́ниц она́ ходи́ла, бе́лок хватáла, су́харей ла́яла. МЕЗ. Рч. Мы́ ры́бу ходи́ли, броди́ли с по́жыльím па́риём. ВИН. Тпс.</i>
			2. Направляться куда-н. с целью работы, учебы.	<i>У меня́ ветѝ до́ци три́ клáса ходи́ла. МЕЗ. Дрг.</i>
			3. Танцевать разные танцы, водить хоровод.	<i>Кадрѐль ходи́ли, а портя́нку не ходи́ли. ПЛЕС. Ржк. Кара́вот тот ходя́т кругѝм избы́. МЕЗ. Цлг.</i>
			4. Ухаживать за кем-н., заботиться о ком-н.	<i>Ты што́ ба́нку худо́ ходи́ши — полови́ком ейѝ заки́нула. КОН. Твр. Весь сезон́ учáсток сво́й ходи́ши. ЛЕШ. Рдм.</i>
бранит ься	2	1	Ругать кого-н.	<i>Я чу́ла — ты иѐ брани́шиа. КРАСН. ВУ.</i>
взяться	13	1	Спихватиться, хватиться.	<i>Потѝм иѐя́ взѐлись, а она́ уи́ худя́я лежы́т. КРАСН. Брз.</i>
беречьс я	3	1	Быть осторожным, опасаться, остерегаться.	<i>Никовѝ не бере́гусь, не оборо́ниваюсь. УСТЬ. Снк.</i>

Следует обратить внимание, что переходными в системе архангельских говоров могут быть и возвратные глаголы, что исключено в системе литературного языка.

Третий столбец таблицы № 1.1 включает общерусские глаголы, переходные в системе литературного языка во всех или в части своих значений,

но являющиеся непереходными в рассматриваемых диалектных системах. Например, общерусский глагол **бороздить** в литературном языке является переходным в обоих своих значениях.

1. Прорезывать, проводить борозды. *Здесь все шесть плугов бригады дружно бороздили землю, откидывая тяжелые маслянистые пласты чернозема. //* Делать, оставлять после себя следы, подобные борозде. *Катерок, что удаляется от берега, мирно бороздит гладкую морскую поверхность.*

2. Пересекать в различных направлениях. *Лил дождь, черное небо бороздили молнии* [6: 1: 108].

В архангельских говорах этот глагол является непереходным. Его значениями являются:

1. Передвигаться, двигаться (ступая ногами), ходить. *Почт́и́ три́ го́да сиде́л, боро́зди́л, пра́вда, неме́нго.* ПРИМ. ЛЗ.

2. Странствовать, блуждать. *Где́-то та́м боро́зди́ла, йе́зьдила.* ПРИМ. Пшл.

Непереходность данного глагола в архангельских говорах определяется, на наш взгляд, особенностями его семантики в диалектном языке.

Доказательство переходности глагола **га́ркнуть** в значении 'Громко и отрывисто крикнуть' видим в следующем контексте, представленном в МАС: *Солдаты, их было сотни три, дружно гаркнули благодарно́сть* [6: 1: 300].

В архангельских диалектных системах данная лексема употребляется в двух значениях:

1. Издать крик, звуки. О людях и животных.

2. Грубо и громко крикнуть, закричать.

Ни один из записанных контекстов не дает оснований говорить о переходности данного глагола.

Пе́сьню запою́, а ты́ мне поття́неш, вод га́ркнем! ОНЕЖ. УК. *Га́ркнула (медведица), поверну́лась и пошла́.* ПИН. Штг. *Он дошо́л до око́шка да каг га́ркнул во весь ро́т.* КОН. Клм.

Обратим внимание на соответствующий глагол несовершенного вида **га́ркать**, который является переходным и в системе литературного языка, и в архангельских говорах. В диалектном языке он является переходным в следующих значениях: 1. 'Кричать, окликаая кого-н., аукать'. *Как заблудили́ся, га́ркайем друг дру́шку.* КРАСН. Нвш.

2. Крича, сообщать что-н. *Алексеевна што́-то гáркат.* В-Т. Пчг. *Фсе гáркают. «Овiн горiт!»* КРАСН. Шдр.

В четвертый столбец таблицы № 1.1 включены глаголы, непереходные и в литературном языке, и в архангельских говорах. Большая часть из них является возвратными (42 глагола из 65).

Глагол **вязнуть**, являясь непереходным, имеет в системе литературного языка два значения: 1. Застрывать при движении по чему-либо вязкому, сыпучему и т.п. 2. Разг. Застрывать (о пище) [б: 1: 294]. В первом из указанных значений глагол функционирует и в системе диалектного языка, являясь также непереходным: *Кóркино йёсь, вiяскойе мёсто, корóва вiязла. Вiязнеш ты, Мiрья, вод зьдёсь бредi.* ВЕЛЬ. Сдр.

В собственно диалектных значениях (трех) **вязнуть** также не характеризуется переходностью:

Не оставлять в покое, надоедать с чем-н. *А пiрень-от вiязнёт да вiязнёт к дёфке-то.* ХОЛМ. Хвр. *Хош мужык не вiязнет в глазiх (на глазах).* ПИН. Пкш.

Испытывать чувство холода, мерзнуть, замерзать. *Вiязут рукавици напрохóт — шоп не вiязли рúки.* ПРИМ. Лпш.

Проводить где-н. время попусту, бездельничать, пропадать без дела. *Отпiравили ф тёхникум, штоб бóле не вiязли зьдёсь.* ЛЕШ. Клч.

В результате проведенного анализа представляется возможным говорить, что грамматическая категория переходности представлена в диалектном языке шире, чем в системе литературного языка. В говорах переходными могут быть:

1. общерусские глаголы, переходные в литературном языке (при совпадающих лексических значениях);
2. общерусские глаголы, переходные в собственно диалектных значениях;
3. общерусские глаголы, непереходные в системе литературного языка.

Список сокращений

В-Т.	Верхне-Тоемский	Врш. — Вершина, Грк — Горка, Пчг. — Пучуга, Тмш. — Тимошино, ЧР. — Черный Ручей;
ВЕЛЬ.	Вельский	Пжм. — Пезма, Сдр. — Судрома;
ВИЛ.	Вилегодский	Пвл. — Павловское;

ВИН.	Виноградовский	Зст. — Заостровье, Тпс. — Топса;
КАРГ.	Каргопольский	Лдн. — Лядины, Лкш. — Лекшмозеро, Ус. — Усачево;
КОН.	Коношский	Клм. — Климовская, Твр. — Тавреньга, Хмл. — Хмельники;
КОТЛ.	Котласский	Збл. — Заболотье;
КРАСН.	Красноборский	Брз. — Берёзонаволок, ВУ — Верхняя Уфтога, Нвш. — Новошино, Шдр. — Шадрово;
ЛЕН.	Ленский	Схд. — Суходол;
ЛЕШ.	Лешуконский	Вжг. — Вожгора, Кб. — Кеба, Клч. — Кельчемгора, Рдм. — Родома, Тгл. — Тиглява, УК. — Усть-Кыма, Шгм. — Шегмас;
МЕЗ.	Мезенский	Дрг. — Дорогорское, Кд. — Койда, Крп. — Карьеполье, Рч. — Ручьи, Цлг. — Целегора;
НЯНД.	Няндомский	Мш. — Моша;
ОНЕЖ.	Онежский	Лмц. — Лямца;
ПИН.	Пинежский	Ёр. — Ёркино, Пкш. — Покшеньга, Чкл. — Чакола, Шрд. — Шардонемь, Штг. — Шотогорка;
ПЛЕС.	Плесецкий	Ржк. — Рыжково;
ПРИМ.	Приморский	ЗЗ. — Зимняя Золотица, ЛЗ. — Летняя Золотица, Лшп. — Лошненьга, Пшл. — Пушлахта;
УСТЬ.	Устьянский	Бст. — Бестужево, Снк. — Синики;
ХОЛМ.	Холмогорский	Сия, Хвр. — Хаврогоры;
ШЕНК.	Шенкурский	ВП. — Верхопаденьга, Шгв. — Шеговары.

Л и т е р а т у р а

1. Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию. Материалы для спецкурса. Томск, 1973. С. 39.
2. Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. Л., 1987. С. 129–130.
3. Загоровская О. В. Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии. М., 1990. С. 179–180.
4. Гриб Р. Т. Особенности структурно-семантической системы приенисейских говоров (сравнительно с литературным языком). Красноярск, 1988. С. 62.
5. Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–10. М., 1980–1999.
6. Словарь русского языка. 2-е изд. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1–4. М., 1981–1984.

Функционально-коммуникативные и семантические причины употребления описательных предикатов в устной речи

© Ю. Р. Зигангирова, 1999

В истории изучения описательных предикатов (термин В. А. Большаковой) — глагольно-именных сочетаний, обладающих предикативным значением (ср. *клясться* — *приносить клятву*, *его охватил ужас* — *он ужаснулся*) — можно выделить несколько этапов. Долгое время такие сочетания по традиции, идущей от работ В. В. Виноградова¹, рассматривались как объект фразеологии и описывались с точки зрения классифицирующей и системно-таксономической, как устойчивые, неразложимые и воспроизводимые лексические единицы. Таковы работы А. П. Мордвилко², а также статьи Н. М. Лариохиной³ и Н. С. Дмитриевой⁴ и др. В центре внимания авторов этих исследований находятся распределение семантической и грамматической ролей между именной и глагольной частями, степень семантической близости между описательными выражениями и однокоренными однословными глаголами, синтаксические возможности описательных предикатов, а также описание возможного состава глаголов в таких сочетаниях (например, *заниматься*, *делать*, *совершать*, *производить*). К другой группе можно отнести исследования, в которых проблема описательных глагольных выражений рассматривается в контексте общих проблем несвободных сочетаний слов и лексико-семантических преобразований, и, таким образом, на первый план выходят динамические проблемы, относящиеся к семантике, образованию и функционированию глагольно-именных сочетаний, а сами описательные глагольные выражения анализируются с точки зрения системных рядов и в параллельном соотношении с однословными синонимами. В первую очередь здесь следует назвать работы Ю. Д. Апресяна, Г. А. Золотовой и В. Н. Телии. В этих работах, затрагивающих проблему

¹ Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова. М., 1953.

² Мордвилко А. П. Глагольно-именные описательные выражения в современном русском литературном языке: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1956; Мордвилко А. П. Очерки по русской фразеологии. М., 1964.

³ Лариохина Н. М. Употребление устойчивых глагольно-именных словосочетаний в глаголами *делать*, *совершать*, *производить* // Русский язык за рубежом, 1967, № 2.

⁴ Дмитриева Н. С. Процесс десемантизации глагола в составе субстантивных описаний // Очерки по семантике русского глагола. Уфа, 1971.

глагольно-именных сочетаний лишь в небольшой степени, данное явление анализируется с точки зрения функционирования языковой системы в целом, с порой на понятия косвенной номинации⁵, изосемических и неизосемических конструкций^{6,7}, синтаксической синонимии, лексических преобразований и накладываемых на них синтагматических ограничений⁸. В последнее время описательные предикаты становятся объектом исследования работ о синтаксических преобразованиях и функционально-коммуникативном синтаксисе. Так, в работах М. В. Всеволодовой⁹, Г. К. Воробьевой¹⁰, В. А. Кузьменковой¹¹, все в большей степени развивается функционально-коммуникативный подход к изучению описательных предикатов, позволяющий анализировать их влияние на функционально-коммуникативную характеристику предложения, в том числе тема-рематическое членение, наведение фокуса актуализации, а также влияние коммуникативной установки говорящего на образование описательных предикатов.

Именно эти работы предлагают широкую теоретическую основу для исследования конкретных примеров употребления ОП при спонтанной коммуникации. ОП в них рассматриваются не как устойчивые или связанные сочетания, а как один из механизмов выражения смысла и коммуникативных языковых механизмов, образующийся и функционирующий на основе определенных закономерностей. Такой подход дает возможность по-новому взглянуть на роль описательных предикатов в речи, не сводящуюся, как это традиционно считается, к функции штампов, служащих для придания возвышенной или деловой стилистической

⁵ Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М., 1981.

⁶ Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.

⁷ Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.

⁸ Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

⁹ Всеволодова М. В. Коммуникативные механизмы языка // Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка. М., 1989; Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса русского языка. Прикладная (педагогическая) модель языка. [В печати].

¹⁰ Воробьева Г. К. Функционально-коммуникативная типология устойчивых глагольных словосочетаний русского языка. М., 1994; Воробьева Г. К. Структура и функции предложений с устойчивыми глагольными словосочетаниями русского языка. М., 1995.

¹¹ Кузьменкова В. А. Описательные предикаты в практике преподавания русского языка как неродного // Русский язык в СНГ, 1992, № 10-12; Кузьменкова В. А. Глагольные и именные реляторы в составе описательных предикатов // Семантика и уровни ее реализации. Сборник научных трудов Кубанского государственного университета. Краснодар, 1994.

окраски (и встречающихся, в соответствии с этой точкой зрения, в основном в "серьезных" жанрах — публицистических и научных текстах).

Для изучения особенностей семантики и функционирования описательных предикатов в устной речи использовались преимущественно два близких речевых жанра — интервью и пресс-конференции, которые, как показывает Е. А. Земская¹², среди разнообразных жанров устной публичной речи занимают особое место, поскольку, сохраняя системные черты кодифицированного литературного языка, в наибольшей степени приближены к разговорной речи. Речь, представленная в этих жанрах, характеризуется такими чертами, как *спонтанность, нефиксированность темы, диалогизированность, непосредственность общения говорящих* и, таким образом, существенно отличается от речевых жанров, воспринимаемых как традиционная область употребления описательных предикатов (сугубо кодифицированные стили, такие как письменный деловой или научный язык).

В соответствии с положениями работ о функционально-коммуникативном синтаксисе¹³ использование в предложении описательного предиката вместо полнозначного глагола является одним из случаев синонимических перефразировок, который эксплицирует смысловые отношения и передвигает имя предикативного признака из позиции сказуемого в позицию либо дополнения, либо подлежащего. Поскольку подлежащее и дополнение обладают высоким коммуникативным рангом (подлежащее — наивысшим среди всех членов предложения, дополнение стоит на третьем месте после субстантивного сказуемого), такая перестановка дает возможность повысить коммуникативную и смысловую значимость предикативного признака.

Нижеследующий анализ конкретных примеров употребления описательных предикатов в спонтанной устной речи опирается на это и другие положения теоретических работ о функционально-коммуникативном синтаксисе.

1. Функционально-коммуникативная роль существительного

Особая функционально-коммуникативная роль существительного играет главную роль при предпочтении говорящим высказываний с описательными предикатами. Перемещение имени действия на позицию

¹² Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. В. Русская разговорная речь: общие вопросы, словообразование, синтаксис. М., 1979.

¹³ Всеволодова М. В. Уровни организации предложения в рамках функционально-коммуникативной прикладной модели языка // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. № 1, 1997.

подлежащего или дополнения, выраженного существительным, не только привлекает внимание слушающего к смыслу сказанного, но и часто служит основой построения всего высказывания.

1.1. Функционально-коммуникативная обусловленность выражения имени действия через существительное

В этих случаях действие мыслится говорящим как отвлеченный признак или результат в соответствующей форме существительного и в процессе спонтанного речепостроения говорящий сначала называет имя действия, помещая его на коммуникативно более высокую позицию дополнения или подлежащего, а потом встраивает его в речь при помощи десемантизированного глагола.

Примеры из РР (Из диалога детей): *Гоша, давай сначала ты ДЕЛАЕШ один КИДОК, потом я вместо Сначала ты кидаешь один раз...*

Примеры из интервью:

А вот ЗАПУСК, скажем, трубы — ДЕЛАЛИ совсем другие люди, это СДЕЛАЛО Минтопэнерго [1] (вместо запускали трубу).

Сейчас фактически ни одного ПРИОБРЕТЕНИЯ нельзя СДЕЛАТЬ без гласного проведения тендерных процедур.... [15] (вместо ничего нельзя приобрести).

И когда его положили в гроб, то его спутница жизни и прекрасная писательница Мария Розанова — она тоже СДЕЛАЛА какую-то ХОХМУ и страшную такую ШУТКУ над ним — она повязала ему на глаз пиратскую повязку,.. [3].

В последнем примере особенно хорошо заметно, как желание описать происходящее через существительное *хохма* не оставляет говорящему никакой иной возможности, как встроить его в речь при помощи глагола *делать*. Получившееся сочетание не является строго литературным, но оно явно предпочтительнее в данной ситуации, чем совсем разговорное "схохмить". Такие окказиональные описательные предикаты при спонтанной коммуникации очень распространены.

1.2. Роль ослабления синтаксических связей между глагольной и именной частями предиката

Существенное преимущество описательных предикатов для спонтанной коммуникации и отличие их от фразеологических сочетаний заключается в возникающем ослаблении синтаксических связей между глагольной и именной частями. Такое ослабление делает возможным:

1) Неточный выбор строевых элементов:

Кроме этого, безусловно, в течение этих 100 дней, мы ВЕЛИ непрерывные КОНТАКТЫ со множеством людей... [12] существительное *контакты* из-за отсутствия в языке соответствующего подходящего строевого глагола встраивается в речь при помощи вспомогательного *вести*, видимо, по аналогии с *вели переговоры*.

Я не хотел бы здесь сейчас ВХОДИТЬ в ОБЪЯСНЕНИЯ и в ПОЛЕМИКУ по поводу того, кто предлагает лучший путь, а кто -худший [1] — говорящий, выбирая строевой глагол для введения в предложение существительных *объяснение* и *полемика*, сохраняет только необходимую ему сему "начала действия, вовлечения в действие" и вместо "литературных" описательных предикатов *давать объяснения* и *вступить в полемику* использует не соответствующие нормам кодифицированного языка *входить в объяснения* и *полемику*.

2) Присоединение большого числа зависимых второстепенных членов к достаточно произвольно выбираемому десемантизированному глаголу (*делать, производить, совершать*):

И я могу с удовлетворением отметить, что... никаких дополнительных РАСХОДОВ из российского бюджета, никаких живых денег в течение этих 20 лет, кроме оплаты коммунальных расходов, электроэнергии и там, скажем, воды и еще других ОТЧИСЛЕНИЙ там в местный бюджет, в общем мы ПРОИЗВОДИТЬ не будем [8].

1.3. Конструкции с глаголами *быть* и *иметь*

Важной чертой неподготовленной устной речи является распространенность высказываний, в которых существительное со значением действия находится на позиции подлежащего (главной коммуникативной позиции) и встраивается в предложение при помощи глагола *быть* или, реже, глаголов *состояться, происходить*. Такие конструкции часто заменяют предложения с полнозначным глаголом:

Вчера мы общались с политиками, БЫЛИ подробные БЕСЕДЫ с Леонидом Даниловичем Кучмой, президентом Украины, с руководителем кабинета министров [8] — ср. вели подробные беседы, беседовали;

БЫЛА ли РЕАКЦИЯ Бориса Николаевича на Ваши рапорты или представления? [5] — ср. Как реагировал БН на Ваши рапорты?

Ср. выполняющие аналогичную функционально-коммуникативную роль конструкции с глаголом *иметь*:

Я должен вам сказать, что я ИМЕЛ специальный РАЗГОВОР с Чубайсом по его инициативе [7] — ср. я разговаривал с Чубайсом;

Таким образом, механизм появления в устной речи описательных предикатов прежде всего основан на важнейшей выполняемой ими функции **речепостроения**, которое осуществляется через существительное как коммуникативно более значимый, привлекающий к себе внимание и служащий опорой всего высказывания элемент речи. *При этом главной задачей описательных предикатов является не повышение стилистического уровня высказывания, а упрощение процесса речепостроения при спонтанной коммуникации.*

2. Семантическая роль существительного

Выражение действия через существительное расширяет семантический потенциал описательного предиката и способствует его предпочтению в спонтанной устной речи (о семантическом потенциале неизосемических подклассов слов см. *Золотова, 82*).

С точки зрения особенностей значения отглагольные существительные, входящие в описательные предикаты, можно разделить на несколько групп в соответствии со степенью семантической сложности по сравнению с синонимичным полнозначным глаголом.

Помимо редко встречающихся чисто синтаксических дериватов, следует выделить:

2.1. Существительные, обладающие дополнительными контекстуальными оттенками значения

В подобных случаях описательный предикат обычно лучше соответствует требованиям контекста, чем полнозначный глагол, поскольку существительное не только называет действие, но и привносит в высказывание дополнительные семантические элементы, необходимые говорящему.

Например:

1) абстрактизация и появление переносного значения у отглагольного существительного; ср. значение глагола *прорывать* и описательного предиката *совершить прорыв* в следующем примере: *Ну, во-первых, мы СОВЕРШАЕМ ПРОРЫВ, который нужно все-таки потом закрепить в каких-то конкретных шагах, посмотреть, как будут работать те договоренности, которые уже будут заключены...* [8]. Переносное значение, устойчиво присущее девербативу, в отличие от исходного

глагола, позволяет употребить в качестве строевого глагол со значением абстрактного действия *совершать*.

2) появление у существительного метафорического переносного значения, с которым оно входит в описательный предикат, существенно изменяя таким образом его значение по сравнению с однокоренным полнозначным глаголом. Так, например, в высказывании: *Когда Ельцин отдыхал в Шуйской чupe, его что-то там после какого-то очередного интервью поднакачали те, кто около него сейчас находится, и он СДЕЛАЛ прямой, очень резкий ЗВОНОК директору, нынешнему директору ФСБ Николаю Дмитриевичу Ковалеву* [6] — словосочетание *резкий звонок* имеет значение *резкий разговор*, и поэтому описательный предикат *сделать звонок* не может быть заменен на глагол *позвонил* (ср. невозможно *резко позвонил*).

3) Многие отглагольные существительные от глаголов со значением речевых актов, такие, как *объявление, заявление, требования, сообщение, объяснение* в определенных контекстах получают более отвлеченное и абстрактное значение, например значение официального или формального действия:

Этим вопросом сейчас занимается Московская городская прокуратура, и я свои ОБЪЯСНЕНИЯ там ДАЛ [6] (=официальные объяснения прокуратуре);

Касаясь статьи в "Коммерсанте", не могли бы вы ДАТЬ свое ОПРЕДЕЛЕНИЕ, что, по-вашему, такое "политический экстремизм"? [27] (=однозначную законченную формулировку).

Глагол "заявить" обычно заменяется на ОП *сделать заявление* в контекстах, подразумевающих заявления официальных лиц, ср: *И кто он такой вообще, чтобы ДЕЛАТЬ такие ЗАЯВЛЕНИЯ?* [16] (Черномырдин об интервью замминистра).

2.2. Существительные с усложненным значением

Такие существительные обладают собственными устойчивыми добавочными семами, усложняющими значение существительного по сравнению с образующим глаголом. Замена описательных предикатов с ними на синонимичный полнозначный глагол теоретически возможна, но неизменно влечет за собой заметное упрощение содержания высказывания.

Так, отглагольное существительное *закключение* обладает значением "вывода, сделанного на основании совокупности данных, часто офици-

ального". Ср., например, такое высказывание: *Если говорить о позиции МИДа на основе анализа всего существующего договорно-правового поля, то мы СДЕЛАЛИ ЗАКЛЮЧЕНИЕ о том, что юридических оснований для постановки вопроса об их территориальной принадлежности... не просматривается* [8]. Теоретически представляемая замена описательного предиката на полнозначный глагол (*на основе анализа всего существующего договорно-правового поля мы заключили, что...*) не будет адекватной и упростит содержание.

В свою очередь сложность значения существительного дает возможность использовать семантически более сложные вспомогательные глаголы. Добавочные семы в именной части описательного предиката в каком-то смысле "открывают дорогу" добавочным семам в значении глагольной части.

Так, сема "официального соглашения", добавляющаяся к значению слова *договор*, по сравнению с глаголом *договариваться* позволяет использовать в описательном предикате также семантически усложненный, по сравнению с обычными строевыми элементами, глагол *заключать*: *И как только книга появится на книжных лотках в России, я тут же готов ЗАКЛЮЧАТЬ ДОГОВОРА, контракты с западными издательствами* [6].

2.3. Существительные с измененным значением

В результате включения в семантику большого количества основных и добавочных сем эти отглагольные существительные приобрели самостоятельное значение, существенно или полностью отличающееся от значения соответствующего полнозначного глагола (например, *замечать — делать замечание (ребенку)*). Такие существительные всегда употребляются в высказываниях в составе описательного предиката или в сочетании с каким-либо полнозначным глаголом, и замена описательного предиката на однокоренной полнозначный глагол невозможна из-за полного расхождения семантики. Например, в высказывании: *И чеченские спецслужбы никакие ОПЕРАЦИИ не ПРОВОДИЛИ* [17] — описательный предикат невозможно заменить на полнозначный глагол *оперировать*, употребляемый только в значении "проводить хирургическую операцию".

3. Функционально-коммуникативная и семантическая роль глагольной части описательного предиката

Помимо категориальных и грамматических, а также строевых функций, особенно важных в неподготовленной речи, глагольная часть

описательного предиката обладает важными самостоятельными аункционально-коммуникативными и семантическими функциями:

3.1. Выделение действия

В таких высказываниях основную смысловую и функционально-коммуникативную нагрузку по-прежнему несет существительное, однако при помощи глагола говорящий подчеркивает важность описываемого действия, обращая на него внимание слушающего: *Что касается Бориса Немцова, он не имеет ни малейшего шанса стать президентом России — я ДЕЛАЮ это УТВЕРЖДЕНИЕ на основе наблюдений с момента его перехода в Москву...* [1]. В этом примере описательный предикат предпочтительнее полнозначного глагола, поскольку подчеркивает действие, сделанное, как следует из дальнейшего текста "на основе наблюдений".

В нижеследующих примерах глагольная часть ОП, подчеркивающая действие, переносится в конец высказывания:

Обвинения выдвигает прокурор или суд, я никаких ОБВИНЕНИЙ не ВЫДВИГАЮ [6];

Так со мной себя ВЕСТИ — это ГЛУПОСТЬ вы ДЕЛАЕТЕ [14] — ср. *так со мной себя вести — глупо*;

3.2. Характеристика действия

Способность глагольной части ОП к характеристике действия с точки зрения процесса/результата и ролевого распределения участников ролей в устной речи используется для расстановки необходимых акцентов, например глагол *дать* в следующем примере подчеркивает наличие адресата действия: *Я ДАЛ СОГЛАСИЕ работать в правительстве только после того, как президент ответил на один всего лишь вопрос* [15].

Очень распространены в устной речи описательные предикаты с глаголом *вести*, подчеркивающим в действии значение процессности, протяженности:

Важен договор, безусловно, но будет совершенно необходимо ПРОВЕСТИ затем очень серьезную РАБОТУ [8] (ср. описательный предикат *проделать работу* с акцентом на результате и полнозначный *работать*);

И если бы генералиссимус Сталин разрешил ПРОВОДИТЬ ВЫБОРЫ и ПРОВОДИЛ бы их, имея оппозицию, то при тех условиях, которые ныне, он тоже не проиграл бы ни одних выборов [4].

3.3. Экспликация контекстуально важных оттенков

Помимо акцентирования основной характеристики действия глагольная часть описательного предиката может эксплицировать и тем самым подчеркивать в устной речи второстепенные, но контекстуально важные семы соответствующего полнозначного глагола. Например, в высказывании: *И Шамиль ПОДАВАЛ ИНФОРМАЦИЮ обо мне и моих действиях в том числе, которую ему надо было [2]* — полнозначный глагол *информировать* заменен на описательный предикат *подавать информацию*, в котором глагол *подавать* подчеркивает, что речь идет об отношениях подчиненного с начальником, передачи информации зависимым лицом.

Возможность глагольной части описательного предиката подчеркивать те или иные оттенки значения действия можно наблюдать при сравнении сочетаний одного и того же существительного с разными строевыми элементами. Например, в следующих высказываниях встречаются различные описательные предикаты с существительным *предложение*, заменяющие глагол *предлагать* и отличающиеся оттенками значений:

Я ВНОШУ поэтому ПРЕДЛОЖЕНИЕ — ходатайствовать перед московским правительством о переименовании Екатеринбурга в Свердловск [13] — наиболее распространенный и нейтральный описательный предикат со значением "предлагать", акцентирующий публичность действия;

Он им ставит задачу к 27 августа ПРЕДСТАВИТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЯ и им же вручает вот такую справку о необходимости создания специального воинского формирования "российского легиона"... [9] — глагол *представить* подчеркивает, что предложения носят официальный характер и, скорее всего, делаются в письменном виде;

Мы намерены сформировать правительство, коалиционное правительство, которое будет ВЫСТУПАТЬ со своими ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ и находится в оппозиции нынешнему курсу [4] — глагол *выступить* подчеркивает активность и внешнюю выраженность действия.

К этому ряду можно добавить пример, в котором вместо вспомогательного используется полнозначный глагол, в результате чего возникает глагольно-именное сочетание *доложить предложения*, используемое

в военном языке: *Прошу начальника оперативного штаба генерал полковника Голубца и генерала армии Колесникова подготовить и 27 августа совместно ДОЛОЖИТЬ свои ПРЕДЛОЖЕНИЯ* [9].

Итак, функционально-коммуникативная и семантическая роль глагольной и именной частей при использовании в устной речи описательного предиката вместо полнозначного глагола неравноправны. Основной причиной выражения значения действия при помощи описательного предиката является опорная роль существительного в процессе речестроения. Этому способствуют прежде всего более высокий коммуникативный ранг характерных для существительного членопредложенческих позиций подлежащего и дополнения, дающих говорящему возможность подчеркнуть важные для него смысловые компоненты значения действия; кроме того, важную роль играет тенденция отглагольных синтаксических дериватов к усложнению семантики и добавлению контекстуально необходимых значений. В некоторых случаях причиной выражения значения действия через описательный предикат могут являться функционально-коммуникативные и семантические возможности глагольной части.

Источники

- [1] Интервью Б. Березовского радиостанции "Эхо Москвы" 5.11.1997.
- [2] Интервью Б. Федорова программе "Итоги" 6.10.1996.
- [3] Интервью А. Вознесенского радиостанции "Эхо Москвы" 8.11.1997.
- [4] Пресс-конференция Г. Зюганова 4.07.1996.
- [5] Интервью А. Коржакова радиостанции "Эхо Москвы" 24.09.1996.
- [6] Пресс-конференция А. Коржакова 12.08.1997.
- [7] Интервью С. Ковалева радиостанции "Эхо Москвы" 18.11.1997.
- [8] "Круглый стол" по проблемам российско-украинских отношений с участием пом. президента РФ С. Приходько, зам. министра иностранных дел Б. Пастухова и председателя Совета по военной и оборонной политике С. Караганова, 29.05.1997.
- [9] Пресс-конференция А. Куликова 16.10.1996.
- [10] Интервью А. Лебеда радиостанции "Эхо Москвы" 17.10.1996.
- [11] Интервью А. Лебеда радиостанции "Эхо Москвы" 6.11.1997.
- [12] Пресс-конференция сотрудников НТВ (Е. Масюк и др.) 19.08.1997.
- [13] Интервью В. Машкова радиостанции "Эхо Москвы" 22.10.1997.
- [14] Разговор Б. Немцова с С. Лисовским. Расшифровка магнитофонной записи, опубликованная в "Новой газете".
- [15] Интервью Б. Немцова радиостанции "Эхо Москвы" 7.05.1997.
- [16] Интервью В. Черномырдина ОРТ 28.03.1998
- [17] Пресс-конференция Ю. Щекочихина и Р. Кутаева. 5.05.1997.

**К вопросу о специфике семантики
синтаксических дериватов
(на материале девербативов от глаголов движения)**

© Лиу Канг-Йи (Тайвань), 1999

После работы Е. Куриловича “Деривация лексическая и синтаксическая” принято считать, что особенность синтаксической деривации заключается в отсутствии у производного собственного номинативного значения, синтаксический дериват лишь охарактеризован категориальной трансформацией. Объясняя суть синтаксической деривации, Е. Курилович пишет: «Синтаксический дериват – это форма с тем же лексическим содержанием, что и у исходной формы, но с другой синтаксической функцией»¹.

Занимаясь проблемами словообразовательных процессов и разграничения словообразовательных значений, ученые давали разные классификации словообразовательных типов по разным основаниям. Истоки деления словообразовательных отношений на два типа обычно связывают с именем Ш. Балли.

Ш. Балли, рассматривая словообразовательный процесс как транспозицию, впервые во французской лингвистике описывает возможность перевода знаков из одного класса в другой. «Замкнутые в своих категориях, знаки, – утверждал Ш. Балли, – служили бы весьма ограниченным источником средств для удовлетворения многочисленных потребностей речи. Однако благодаря межкатегориальным заменам мысль освобождается, а выражение обогащается и получает различные оттенки»². Он намечает два типа транспозиции, которые несколько позднее Е. Курилович противопоставит как синтаксическую и лексическую деривацию. Ш. Балли рассматривает синтаксическую транспозицию как функциональную, т. е. приводящую к изменению исходной синтаксической функции знака без изменения его лексического значения. Транспозицию, при которой параллельно изменению синтаксической функции слова наблюдается появление у него нового лексического значения, он называет лексической³.

¹ См. Курилович Е. Деривация лексическая и синтаксическая // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 61.

² См. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка (1932). М., 1955. С. 143.

³ См. Там же. С. 130.

По мнению Е. С. Кубряковой, такого же понимания роли транспозиции в актах словообразования в принципе придерживается и М. Докулил⁴, разрабатывая учение о тех процессах, которые характеризуют отношения между частями речи и отношения внутри одной части речи. Транспозицией он называет перевод слова из одной части речи в другую без изменения лексического значения этого слова, и под эту рубрику им подводятся случаи образования относительных прилагательных, отглагольных имен, служащих простыми названиями действий по глаголу и деадъективов с отвлеченным значением. Транспозиции он противопоставляет модификацию, частичное изменение или уточнение значения исходного слова, а также мутацию, которая знаменует возникновение совершенно нового лексического значения на базе старого. Такого же разграничения придерживается и большинство лингвистов в России, например, В. В. Лопатин, И. С. Улуханов, Е. А. Земская и другие.

Предлагая исследовать словообразование на синтаксической основе, Е. С. Кубрякова выделяет три типа словообразовательных процессов: аналогический, корреляционный и дефиниционный. По ее классификации, при корреляционном словообразовании повторяются модели отношений между глаголами и производными от них именами действия и модели других отношений. При словообразовании данного типа производное реализует лексическое значение мотивирующей единицы, отличаясь от последней своей синтаксической функцией⁵.

При этом мотивирующая единица может выступать в разных своих лексических вариантах. В ходе исследования усвоения синтаксическими дериватами переносных значений производящей базы О. П. Ермакова обращает внимание на то, что отглагольные существительные способны усвоить переносные значения мотивирующих глаголов. Она подчеркивает, что это объясняется отсутствием у синтаксических дериватов специфического, принципиально отличного от производящего лексического содержания⁶.

На основе определения сущности синтаксических дериватов делается вывод о том, что семантика синтаксических дериватов целиком формируется их производящей базой и объясняется достаточно легко. Тем не менее семантическая структура синтаксических дериватов не самоочевидна.

⁴ См. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М. 1981. С. 147.

⁵ См. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981. С. 29.

⁶ См. Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке. М., 1984. С. 83.

Почему семантическая структура синтаксических дериватов вообще и синтаксических дериватов от глаголов движения, в частности, не самоочевидна? На этот вопрос нетрудно найти ответ.

Во-первых, это объясняется уже тем, что смысловая структура синтаксических дериватов, в том числе и от глаголов движения, нередко семантически мотивируется двумя производящими, объем лексико-семантических вариантов у которых совпадает далеко не всегда. При употреблении такие дериваты по смыслу соотносятся с двумя глаголами. В принципе трудно однозначно определить семантическую мотивацию наших дериватов, потому что они связаны и с глаголом НСВ, и с глаголом СВ (приставочные дериваты типа “приезд”) объясняются видовой парой, для данного слова – “приехать” и “приезжать”; “поездка” объясняется реже глаголом “поехать”, а чаще исходно соотносительными глаголами “ехать” и “ездить”; слова типа “бег” опираются на исходно соотносительную пару – “бегать” и “бежать”; “гонка” соотносится с глаголами “гнать”, “гонять”, “гнаться” и “гоняться”). Во-вторых, синтаксические дериваты в целом, в том числе и от глаголов движения, регулярно образуются от разных значений производящих глаголов и тем самым сохраняют сложность семантической структуры своих производящих.

Последнее обстоятельство связано с вопросом о том, какие значения глагола передаются существительным, а какие нет⁷. Окончательного решения этого вопроса нет, хотя в литературе отмечено, что кроме прямых значений производящих глаголов от производящих могут быть унаследованы прежде всего метафорические переносные значения. Метафорические значения глаголов, естественно, остаются в пределах того же понятийного содержания. Например, глаголы движения в первую очередь используются при сообщении о живом существе. Но в их семантической структуре может быть и метафорическое значение, которым характеризуется перемещение неодушевленных, конкретных предметов. При образовании дериватов от глаголов, имеющих метафорические переносные значения, синтаксические дериваты чаще всего наследуют вместе с прямыми значениями метафорические значения.

В нашем материале все синтаксические дериваты от глаголов движения разделяются на три группы. В первую группу входят существительные, которые наследуют все значения (прямые и переносные) от их производящих глаголов. Во вторую группу входят существительные,

⁷ См., например, работу Е. Л. Гинзбурга “Словообразование и синтаксис (1979)”, в которой автор проблему многозначности производного слова решает на уровне лексико-семантических вариантов (ЛСВ), пытаясь при этом определить, что в многозначности производящего наследуется производным, а что не наследуется. См. Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис. М., 1979. С. 75-83.

которые передают только часть значений их производящих глаголов. А в третью группу включаются существительные, у которых развиваются вторичные метонимические значения, не свойственные их производящим глаголам. Приведем полный список существительных первых двух групп.

I. Первая группа, в которую включены существительные, наследующие все значения своих производящих глаголов.

В нашем материале есть 59 слов, которые имеют чистые транспозиционные значения. У этих существительных самая простая семантическая структура по сравнению со словами во второй и третьей группах. Они передают те же значения, которые обозначают производящие глаголы движения. Приведем два существительных в конкретных примерах, сопоставляя их значения с их производящими глаголами для иллюстрации. Значения даны по БАС.

Существительное	Производящие глаголы
1. Обгон – Действие по знач. глаг. обгонять. Например, * <i>Обгон поездов на двухпутных участках железнодорожной линии.</i>	1. Обгонять – обогнать (однозначные глаголы). Оставять позади, опережать кого-либо, двигаясь быстро.
2. Перенесение – Действие по знач. Переносить, перенести и переноситься, перенестись. * <i>Инициатива с перенесением праха вождя тут же обросла самыми жуткими подробностями [МК 1997].</i> – 1-ое знач. глаг. * <i>Славянский мир переходит в сознательно государственный период с перенесением столицы в Москву [Герцен, Дн. 1884г.].</i> – 2-ое знач. глаг. * <i>Государыня узнала о взятии Казани и о перенесении бунта за Волгу [Пушкин, Ист.Пугачева].</i> – 3-ье знач. глаг. * <i>Блестящее воспитание, полученное ею в Петербурге, не подгото-</i>	3. Переносить – перенести (имеют 8 значений). 1) Взяв в руки или нагрузив на себя, перемещать, доставлять кого-, что-либо из одного места в другое; 2) Переводить (какой-либо пункт, учреждение и т. п.) в другое место, учреждать в каком-либо другом месте; 3) Перемещать действия, работу, деятельность в другое место; 4) Распространять на другого, на другое, в другой сфере, области;

<p><i>вило ее к перенесению забот по хозяйству и по дому, – к глухому деревенскому жизнью [Тургенев, Отцы и дети]. – 4-ое знач.глаго.</i></p> <p><i>* В разделении слова по слогам, при перенесении оных из одной строки в другую, необходимо отличать корни и темы слов от приставок и окончаний [Бул. Истор.грам.]. – 5-ое знач.глаго.</i></p> <p><i>* Перенесение вопроса на следующее заседание решено [МК 1997]. – 6-ое знач.глаго.</i></p> <p><i>* Двадцать-тридцать лет назад Золя всем своим трудом проповедовал точное перенесение действительности в романы [Федин, Первые в радости]. – 7-ое знач.глаго.</i></p> <p><i>* Из всех качеств или привычек русского народа путешественники удивлялись более всего терпеливости русских людей в перенесении лишений всякого рода [Черныш. Собр. Писем царя Алексея Михайловича]. – 8-ое знач.глаго.</i></p>	<p>5) Не уместив какой-либо текст в отведенном месте, помещать продолжение его в другом месте;</p> <p>6) Назначать на другой срок, откладывать до другого времени;</p> <p>7) Распространять, передавать какие-либо сведения, чьи-либо слова;</p> <p>8) Претерпевать, выдерживать, испытывать что-либо неприятное, тяжелое.</p>
--	--

Надо отметить, что большинство из существительных первой группы редко употребляется в современном языке: многие из них отсутствуют в частотном словаре⁸. Кроме того, в словарях такие слова чаще всего приводятся без примеров.

Перечислим слова первой группы.

1. Частотные: внесение, забегание, занесение, обгон, перевозка, перенесение, подведение, привозка, прилет, сплав;

2. Нечастотные: взведение, вхождение, донашивание, залет, захадивание, лазанье, набегание, накатывание1, накатывание2, наплывание, обведение, обвоз, отвоз, откат, откатка, откатывание, отгаскивание, перебегание, перекатывание1, перекатывание2, перелетание, переползание, перетаскивание1, перетаскивание2, подвоз, подкат, подлет, подлетание, ползание, приведение, проведение, провожание, прокатывание1, прокатывание2, прохождение, разбегание, разбежка, раскатывание1, сбегание, сгонка, скатывание1, скатывание2, скатка, таскание, убегание, увод, увоз.

⁸ См. Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977.

II Вторая группа, в которую входят существительные, наследующие только часть значений их производящих глаголов.

Существительные второй группы образуются не от всех лексико-семантических вариантов производящих глаголов. При подаче слова в словаре, словари объясняют семантику имени через отсылку к глаголу. Приведем несколько существительных, сопоставив их с производящими глаголами.

Существительное	Производящие глаголы
<p>1. Отъезд (имеет 1 знач.): Отправление в путь. <i>* Он уехал на неделю из Парижа в Лондон и пришел сказать ей об этом в самый день <u>отъезда</u>, не предупредив заранее [Гончаров, Обломов].</i> При сравнении значений существительного “отъезд” и глаголов “отъезжать–отъехать” выясняется, что существительное наследует только одно (2-ое знач. глаг.) <u>прямое</u> значение его производящих глаголов.</p>	<p>1. Отъезжать – отъехать (имеют 3 знач.): 1) Удаляться при езде на каком-либо расстоянии от исходного пункта; 2) Отбывать, отправляться в путь, уезжать куда-либо; 3) Сдвигаясь со своего места, переставать плотно прилегать к чему-либо; отходить.</p>
<p>2. Беготня (имеет только 2 знач.): 1) Непрерывное движение бегом в разных направлениях; <i>* Началась <u>беготня</u> по всему дворцу, вперед – Наталья Алексеевна, подбирая подол, за ней со свечой Гаврила [Толстой А. Н., Петр I].</i> 2) Хлопоты, заботы (обычно связанные с хождением по разным местам, с разъездами). <i>* С <u>приездом</u> начальника начиналась <u>беготня</u>, суэта, все смущались, опасаясь, что они не довольно хороши как есть, чтоб показаться начальнику [Гончаров, Обломов].</i> Здесь ясно, что у существительного “беготня” меньше значений, чем у его производящего глагола “бегать”. Фактически это существительное наследует одно <u>прямое</u> значение и один оттенок <u>внутри</u> данного значения.</p>	<p>2. Бегать (имеют 5 знач.): 1) Передвигаться, попеременно быстро и резко отталкиваясь ногами от земли (в отличие от <i>бежать</i> в 1 знач. неоднаправленное и кратное действие – о людях, животных); // разг. Много торопливо ходить, ездить с какой-л. целью; // разг. Быстро двигаться при исполнении какой-л. работы. 2) Быстро двигаться, перемещаться (неоднаправленное и кратное действие); а) о средствах передвижения; б) перен. о предметах, явлениях природы. 3) ...</p>
<p>3. Набег (имеет 2 знач.):</p>	<p>3. Набегать – набежать (имеют 7 знач.):</p>

<p>1) Внезапное нападение, кратковременное вторжение; – по 5-ому (переносному) знач. глаг. * <i>К <u>набегу</u> весь аул готов, И дикие пиромцы брани Рекою хлынули с холмов [Пушкин, Кавк. Пленник].</i> и т. п. – по 1-ому (прямому) знач. глаг. 2) О сильном порыве ветра, напоре воды * <i>Да не вредят полям опасный хлад дождей И ветра позднего осенние <u>набеги</u> [Пушкин, Домовому].</i> При сопоставлении значений существительного и глаголов устанавливается, что существительное “набег” наследует и прямое и переносное значения.</p>	<p>1) Наталкиваться, наткаться, наскакивать на кого-, что-либо с разбега, с разгона; // Быстро надвигаясь на кого-, что-либо, покрывать, закрывать собою; о волнах, облаках и т. д.; в одном месте; 2) Сбегаясь, собираться, скопляться 3) Собираться, накапливаться. О неодушевленных предметах; 4) Заходит, приходит; появляться где-либо случайно или изредка; 5) Совершать набег, набеги; нападать; 6) Надвигаясь, вплотную подходить к чему-либо, достигать чего-либо; 7) <i>Спец.</i> Морщить, собираться складками (на одежде).</p>
<p>4. Нанесение (имеет 4 знач.): Действие по 3-6-ому знач. глаг. Нанести (1. Наносить). * <i><u>Нанесение</u> рисунка на фаянсовое и фарфоровое изделие [БАС, с. 348] (по 5-ому знач. глаг.).</i> * <i>Пьер в своих мечтаниях не представлял себе живо ни самого процесса <u>нанесения</u> удара, ни смерти Наполеона [Л. Толстой, Война и мир] (по 6-ому знач. глаг.).</i> При сопоставлении значений существительного и глаголов ясно, что существительное наследует только некоторые переносные значения производящих глаголов.</p>	<p>4.1. Наносить – нанести (имеют 7 знач.): 1) Приносить что-либо в каком-нибудь количестве; 2) Наталкивать на что-нибудь (течением воды, ветром и т.п.); 3) Вносить, заносить какие-либо данные (на карту, схему, чертеж и т. п.); 4) Покрывать слоем чего-либо; то же, что накладывать; 5) Делать, отпечатывать, рисовать и т.п. на чем-либо; 6) Причинять, производить, делать (поражение, обиду, оскорбление и т.п.); 7) Только <i>сов.</i> Снести какое-либо количество яиц. О птицах.</p>

Как показывает материал, существительные второй группы наследуют только часть значений производящих глаголов. Эти значения могут быть и прямыми, и переносными. В нашем материале таких слов – 88, из них 32 слова указаны в частотном словаре. Перечислим все существительные этой группы.

1. Частотные: беготня, бегство, вождение, выведение, вывозка, вылет, гонка, гоньба, катание, набег, нанесение, отвод, перебежка, перегонка, побег, поездка, пригон, пригонка, провод, проводы, расход, слет², угон, уход, хождение, отлет, отплытие, отъезд, подвод, пробежка;

2. Нечастотные: ведение, возведение, всалывание, выкатывание¹, выкатывание², вынесение, выноска², загонка, закатка, закатывание¹, закатывание², носка, ношение, облет, отнесение, относ, перекатка¹, перекатка², подводка, подвозка, подгон, принос, прохождение, провоз, пронос, проплыв, разведение, разгонка, разноска, раскатка, раскатывание², сведение, своз, схождение, угонка, ходьба, беганье, влет, вылетание, выкат, выкатка, гонение, донесение, завоз, завозка, заплыв, несение, облетание, перебег, подгонка, подкатка, прогонка, развоз.

О. П. Ермакова связывает способность усвоения переносных значений производящих с фразеологичностью значения самих производных. Она пишет: “Усвоение производными словами переносных значений производящих зависит прежде всего от фразеологичности значения производных и от принадлежности производящего к определенной части речи: наиболее последовательно принимают переносные значения производящих самые нефразеологичные производные – синтаксические дериваты”⁹.

В лексической деривации такая преобладанность менее регулярна¹⁰. Итак, синтаксический дериват может быть однозначным, но может отражать многозначность производящего глагола.

Отметим, что синтаксический дериват сохраняет валентную структуру глагола при соотносительности как с прямым, так и с переносным глагольным значением. Для понимания деривата важно знать, какие валентности и каким образом он реализует в данном лексико-семантическом варианте. Например, существительное “ход” в прямом значении имеет 4 семантические валентности, а в сочетаниях “ход часов”, “ход времени” только одну.

Сказанное позволяет охарактеризовать специфику семантики синтаксического деривата так: 1) семантика синтаксического деривата имеет отраженный характер; 2) синтаксический дериват дублирует валентную структуру производящего глагола.

⁹ См. Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке. М. 1984. С. 88.

¹⁰ О. П. Ермакова отмечает, что некоторые типы производных регулярно не усваивают метафорических глагольных значений. Причина в том, что метафоризация меняет семантическую валентность глагола. См. Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке. М. 1984. С. 87.

Понятие валентности первоначально возникло для описания семантико-синтаксических свойств глаголов. Позднее Ю. Д. Апресян впервые отчетливо отделил понятие валентности от глагольности¹¹. Он расширил область применимости понятия валентности, включив в нее, в частности, область девербативов. В основе валентности, по Апресяну, лежит семантический анализ ситуации, с которой соотносится данное слово. На валентный статус может претендовать любой необходимый участник ситуации, который выражается в предложении при данном слове. Прежде чем говорить о валентностях, нужно полным и не избыточным образом описать ситуацию, обозначаемую данным словом. В таком описании будут непременно указаны все необходимые (т. е. семантически обязательные) участники, т. к. необходимый участник – это, по определению, такой компонент, без которого слово нельзя адекватно истолковать. Наряду с понятием валентности существует понятие актанта. Понятие актанта, восходящее к Теньеру, в его современном виде возникает из рассмотрения валентных (или предикатных) слов, то есть таких слов, которые обозначают ситуации, имеющие некоторое число обязательных участников, выполняющих определенные роли¹². Слово (т. е. лексема, описывающая ситуацию) имеет столько валентностей, сколько участников ситуации необходимо упомянуть, чтобы истолковать его исчерпывающим и неизбыточным образом. Семантические актанты лексем представляют собой фрагменты семантической структуры, заполняющие ее валентности.

Как уже сказано выше, валентная структура синтаксического деривата аналогична структуре производящего глагола. Но известно также, что синтаксические дериваты могут иметь конкретные метонимические значения, которые не бывают унаследованы от производящих. На основе употребления у синтаксических дериватов формируются такие значения, которых нет у глаголов.

В литературе отмечены и описаны два типа многозначности: многозначность как результат транспозиции и многозначность как результат деривации¹³. В языке существует регулярная многозначность, свойст-

¹¹ Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974. С. 95-106.

¹² Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. М., 1996. С. 1-26.

¹³ См. Покровский М. М. Семантические исследования в области древних языков // Избранные работы по языкознанию. М., 1959. С. 30-31, 143-145; Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974. С. 95-106; Е. Л. Гинзбург также предлагает различать два типа многозначных слов. Но при этом он транспозицию понимает иначе: "производное объективирует в своем первичном значении некоторую вторичную синтаксическую функцию производящего". См. Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис. М., 1979. С. 75-79.

венная только производным словам. Такими производными словами являются производные отглагольные существительные со значением отвлеченного действия и отадективные существительные со значением отвлеченного признака (синтаксические дериваты глаголов и прилагательных)¹⁴.

Впервые обратил внимание на то, что отвлеченные существительные со значением действия не только повторяют то, что называют глаголы, но могут формировать и свои собственные значения, М. М. Покровский. Он писал: “Возьмем категорию *nomina actions* на *-ti-s*, *-tu-s* в латинском языке. Основное значение имен, принадлежавших к этой категории, – процесс действия. Но часть из них может обозначать также результат действия, часть – орудие действия, часть – место действия”¹⁵.

Регулярные значения, свойственные *nomina actions* в числе других регулярных значений существительных систематизированы Ю. Д. Апресяном. Типы дополнительных значений, которые могут развиваться в семантике синтаксических дериватов по существу определены также Ю. Д. Апресяном. Рассматривая регулярную многозначность существительных, он выделяет следующие типы актантных значений отглагольных имен:

- 1) Действие – субъект действия: **выделение** (гноя из раны – гнойные выделения), **погоня** (пуститься в погоню – Погоня мчалась следом);
- 2) Состояние – причина состояния: ужас (быть в ужасе – ужасы войны), утешение (безнадёжно больного – единственное утешение);
- 3) Свойство – субъект свойства: авторитет (ученных – мнение лучших авторитетов), беззаконие (суда – борьба с беззакониями);
- 4) Действие – объект действия: передача (продуктов – продуктовая передача), накопление (средств – значительные накопления);
- 5) Действие – результат действия: нанос (песка – песчаный нанос), изобретение (телеграфа – изобретение Попова);
- 6) Действие – второй объект действия: вооружение (армии ракетами – новое вооружение), экипировка (началась – новая экипировка);
- 7) Действие – средство действия: замазка (окон – оконная замазка), покрытие (дорог гудроном – асфальтовое покрытие);
- 8) Действие – инструмент действия: передача (движения – велосипедная передача), поднос (блюд – для блюд);

¹⁴ См. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995. С. 193-200. Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке. М., 1984. С. 105-112.

¹⁵ См. Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис. М., 1979. С. 75.

9) Действие – способ действия: перевод (с языка на язык – добросовестный перевод), говор (слышится – нерусский говор);

10) Действие – место действия: выезд < выход > (из города – у выезда < выхода >); обход (идти в обход – Где здесь обход?);

11) Действие – время действия: обед (пригласить на обед – прийти в самый обед);

12) Действие – количество действия: нагрев (тела – необходимый < белый нагрев >); налив (бензина – Бутылки неполного налива)¹⁶.

В нашем материале также оказалась одна группа слов, которые кроме значений, унаследованных от их производящих глаголов, имеют метонимические значения. В эту группу входят существительные, развивающие в своей семантике конкретные метонимические значения. Их всего 89 слов. 66 слов даны в частотном словаре. Перечислим их.

1. Частотные: бег, введение, ввод, ввоз, взвод², восход, восхождение, въезд, вывод, выезд, вход, выход, гон, езда, забег, загон, заезд, занос, заход, изгнание, накат, налет, нанос, обход, отход, перевод, перевоз, переезд, перекат, перелаз, перелет, перенос, переход, плавание, погоня, поднос, подход, подношение, подъезд, полет, поход, привод, приезд, приход, пробег, провод, проезд, пролет, проход, разбег, развод, разгон, разнос, разъезд, раскат, расхождение, свод, сводка, слет¹, сход, сходка, съезд, ход;

¹⁶ Достаточно подробно метонимические значения синтаксических дериватов даны *Е. Л. Гинзбург*. Он выделяет: 1) совмещение с названиями действия названий лиц – *nomina collegiorum*, названий социальных институтов (напр., экспедиция, инспекция), еще *nomina collectiva* и совмещение названий объекта и места (напр., посольство); 2) совмещение названий действия и названий объектов действия; 3) совмещение названий действия и названий инструмента (средства) действия (напр., заклепка, поднос); 4) совмещение названий действия и места (напр., выход, соединение); 5) совмещение названия способа и времени действия с названием места (напр., редакция, покос) и совмещение названия действия и способа действия с результатом действия (напр., сервировка, укладка); 6) связанное соответствие “название действия – название шкалы измерения времени по этому действию” с свободной и фразеологической связанностью абстрактных значений слов (напр., езда, лет, ход); 7) в существительных на –ние от глаголов с приставкой за-, совмещение значений действия и объекта (напр., заимствование, захоронение); 8) в существительных на –ка (или -∅) от глаголов с приставками пере- и под- совмещение значения действия и объекта (напр., перевозка, перевод; подпись, подъем). *Е. Л. Гинзбург* пишет об одной особенности соответствий между результатами транспозиции и деривации – о возможности производного принадлежать ряду таких соответствий. Например, наряду с локативным значением слово “заезд” обладает агентивным значением (Заезд очень доброжелателен по отношению к обслуживающему персоналу), слово “обход” обладает обстоятельственным значением (в обход правил), слово “переход” обладает квантитативным значением. Отсюда он делает вывод: синтаксические производные могут развивать по крайней мере не одно значение (один ЛСВ), т. е. их семантические структуры включают не один ЛСВ, а несколько ЛСВ. См. *Гинзбург Е. Л.* Словообразование и синтаксис. М., 1979. С. 79-83.

2. Нечастотные: вводка, взлет, вознесение, выгон, вынос, наплыв, обвод, перегон, поднесение, привоз, приношение, прогон, разводка, разводка, разлет, сбега, сгон, скат1, скатка1, сноска.

Опираясь на классификацию актантных значений, данную Ю. Д. Апресяном, мы выделили в наших словах такие метонимические значения: **место действия** (напр., *обход* дороги, сани шли *по раскату*, *перелаз* через плетень, отдохнуть *у схода* на Неву, *на подъездах* к дороге, запасный *выход*, *разгон* между столбами); **результат действия** (напр., окончательный *вывод*, снежный *занос*, перепрыгнуть без *разгона*, *свод* законов, *нанос* снега¹⁷, среднесуточный *пробег* автомобиля); **объект действия** (напр., экипажи бойко катились по гладкому *накату*, он перечитал все иностранные произведения в *перелогах*, ценное *подношение*, размеры *ввоза* средств производства, *приход* превышает *расход*); **субъект действия** (напр., начальник *погони* связан с беглецом, всероссийский *Съезд* административных работников, *приезд* в наш город, *слет* планеристов); **время действия** (напр., крутой *заход*, в *изгнании* он жил на острове Джерси в Ла-Манше, на *восходе* солнца); **инструмент действия** (напр., самоварный *поднос*, пассажирский *перевоз*, *накаты* под полом сняли); **способ действия** (напр., *выход* из ужасного положения, подход, дипломатические *ходы*, горизонтальный *полет*); **средство действия** (напр., вводный *провод*, кабельный *ввод*, боевой *взвод*).

М. М. Покровским была отмечена регулярность в развитии метонимических значений у *nomina actions*. Он обратил внимание на фактор постоянности связи действия с определенным местом, временем и т. д. для приобретения *nomina actions* непроцессуальных значений: «Таким образом, – писал он, – мы получаем общий закон: представление о предметах или действиях, приуроченных культурно-историческими или естественными условиями к определенному месту, вызывает за собою представление об этом месте (ассоциация представлений по смежности); вследствие этого имени, соответствующие этим предметам или действиям, могут употребляться в языке как имена локальные... Возьмем *nomina actions*, переходящие в *nomina loci*: слово *гулянье* обозначает процесс прогулки, но там, где прогулка происходит на определенном месте, там оно обозначает и место для гулянья»¹⁸.

В настоящее время лингвистами признана такая закономерность: регулярная многозначность синтаксических дериватов находится в связи

¹⁷ Ю. Д. Апресян отмечает, что многозначные существительные типа *нанос* (песка – песчаный), *отложение* (солей происходит... – солевые отложения), которые синкретично выражают значение субъекта и результата процесса. См. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995. С. 197.

¹⁸ См. Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959. С. 30.

с семантической валентностью производящих. Значения орудия, места, результата, объекта и т. д. у отглагольных существительных отражают связи действия с условиями его реализации. Сам глагол не может иметь вторичных значений вне общего значения действия, поэтому такого рода значения выражает его синтаксический дериват. Таким образом, регулярность тех или иных метонимических значений у *nomina actionis* обусловлена семантическими валентностями производящих глаголов. Ю. Д. Апресян называет такие метонимические значения актантными. Если у глаголов отсутствуют сильные валентности, то чаще всего его синтаксический дериват не имеет переносных метонимических значений. Следовательно, у *nomina actionis* метонимических значений не может быть больше, чем валентностей у их производящих глаголов. Обычно же их бывает меньше. Иначе говоря, то или иное переносное актантное значение не формируется у существительных, если не соответствует валентностям глагола, но это не значит, что при соответствующей валентности оно обязательно есть.

Важно обратить внимание на то, что связь метонимических значений с валентностями проявляется не только в качественном, но и количественном отношении. Метонимические значения изменяют валентную структуру синтаксических дериватов. Например, существительные типа “выход”, “вход”, “переход” и т. д., обозначая место действия, утрачивают субъектную валентность.

Валентная структура слова может изменяться и при метафоризации его значения, о чем пишет О. П. Ермакова. Она развивает мысль о том, что метафорические и метонимические переносы и порожденные этими переносами значения нередко представляют собой явления синкритического характера.

По мнению О. П. Ермаковой, в случае совмещения метафорических и метонимических смыслов наличие определенного набора метонимических значений у отглагольного существительного обусловлено тем, влияет ли метафоризация на изменение семантической валентности глагола¹⁹. Проанализированный О. П. Ермаковой материал свидетельствует о том, что чаще всего метафоризация лишает глагол локальной семантической валентности. Ср.: “выход войска (откуда, где, куда)” и “Это решение для него единственный выход (локальных валентностей нет)”. В сочетании “запасной выход” девербатив совмещает значение действия и места.

О. П. Ермакова доказывает положение о том, что метафоризация производящего влияет на появление метонимических значений у син-

¹⁹ См. Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке. М., 1984. С. 112-114.

таксических дериватов в той мере, в какой она изменяет семантическую валентность производящих²⁰.

Для нашей работы важно выделить два момента: 1) метонимические значения в синтаксических дериватах так же, как и их прямые значения, связаны со структурой семантических валентностей слова; 2) изменение структуры валентности в результате метафоризации у синтаксических дериватов является фактом отраженным (синтаксические дериваты наследуют валентности глагола в переносном значении). Изменение структуры валентности при формировании метонимических значений в синтаксических дериватах оказывается свойством самого деривата, даже если такое изменение и провоцируется метафорическими переносами в глаголе. Глагол как часть речи не может иметь предметных значений.

Таким образом, в целом можно сделать такой вывод: специфика семантики синтаксических дериватов выявляется посредством реализации их глагольных валентностей, в нашем материале валентностей: субъекта, объекта, локальных (начальной точки движения, конечной точки движения, места), средства движения.

Л и т е р а т у р а

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974. [2-е изд. М., 1995]
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка (1932). М., 1955.
4. Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
5. Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис. М., 1979.
6. Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке. М., 1984.
7. Курилович Е. Деривация лексическая и синтаксическая // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
8. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1955.
9. Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959.
10. Частотный словарь русского языка / Под ред. Засориной Л. Н. М., 1977.

²⁰ См. Там же.

Об увеличении темпа разговорной речи

© Н. И. Афанасьева, 1999

Проблема функционирования языка в последнее время занимает в языкознании одно из центральных мест. Функциональная лингвистика, коммуникативная лингвистика, прагмалингвистика — эти направления отражают различный подход к общей проблеме функционирования языка. Особую значимость в разработке проблем коммуникативной лингвистики приобретают исследования просодической системы языка, взаимодействия сегментного состава и просодии.

Одной из важнейших просодических характеристик речевого потока является, по наблюдению лингвистов, ритм. Особенности ритмического моделирования речи наиболее трудно усваиваются при изучении иностранного языка. Во многом именно они обуславливают тот иностранный акцент, который часто наблюдается у людей, хорошо овладевших лексикой, грамматикой изучаемого языка и имеющих правильное произношение звуков.

Поскольку ритм тесно связан с акцентуацией речи, он упорядочивает слоговые последовательности во времени, делая речевую цепь более обозримой. Тем самым облегчается восприятие устного текста и понимание сказанного.

В настоящее время имеется довольно большое количество исследований, посвященных разработке проблемы акцентно-ритмической структуры речи. Данная работа продолжает их ряд, в ней описываются модели элементарных ритмических единиц, их распределение в устной речи в их отношении к темпу.

Темп — один из наиболее активных и подвижных элементов просодической системы языка, оказывающий непосредственное влияние на акцентно-ритмическую структуру текста.

Результаты лингвистических исследований, так или иначе связанных с темповыми характеристиками устной разговорной речи, показывают, что темп возрастает с течением времени¹. Увеличение темпа ведет в свою очередь к большей частоте редукции гласных, к новым явлениям в области слогообразования и пр.

¹ По данным Л. В. Златоустовой, темп разговорной речи за последние 40 лет увеличился в два раза (см. Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. М.: Филология, 1995).

Возникает вопрос, есть ли ограничения на дальнейшее ускорение русской речи? И в какой области эти ограничения находятся?

Таким образом, в ходе исследования решались следующие вопросы:

- а) какие типы ритмических структур (РС)² реализуются в речи,
- б) как членят на РС носители языка,
- в) в чем особенность сегментации речи с опорой на РС,
- г) каково влияние темпа речи на акцентно-ритмическую структуру,
- д) существуют ли ограничения дальнейшего увеличения темпа.

Для их решения был проведен ряд экспериментов.

В эксперименте принимали участие 11 информантов, имеющих высшее образование и владеющих нормами русского литературного языка.

Запись материала проходила в два этапа. В ходе первого были получены образцы спонтанной речи. Информантам, участвующим в эксперименте, было предложено провести беседы на темы “Поездка за границу” и “Новый фильм”. Полученные образцы спонтанной речи были затем записаны в форме текстов, из которых были составлены контрольные варианты объемом в 300 — 400 слогов каждый. Во время второго этапа записи испытуемым предлагалось прочесть подготовленные тексты сначала в нормальном темпе, а спустя месяц — сделать это вновь, но уже в быстром темпе. Таким образом, была сделана попытка максимально приблизить материал, положенный в основу исследования, к ситуации спонтанной речи.

Исследование проводилось путем слухового анализа и статистической оценки данных. В ходе анализа ставились следующие задачи: а) определить темп речи, б) отметить воспринимаемые паузы и дифференцировать их по длительности, в) разделить текст на РС.

Результаты аудитивного анализа материала позволили отобрать тексты, однозначно отнесенные информантами к двум изучаемым темповым градациям (нормальный и быстрый темп). Их количество составило 21. На основании отмеченных аудиторами фразовых ударений и пауз были получены данные об акцентно-ритмической структуре экспериментальных текстов по следующим параметрам: 1) соотношение ударных и безударных слогов, 2) количественно-слоговой состав ритмических единиц, 3) величина междударного интервала.

² Под “РС” понимается “одно или несколько слов (полнозначных или служебных), объединенных одним словесным ударением” [*Златоустова Л. В.* Фонетические единицы русской речи. М., 1981. С. 9].

Статистическая оценка полученных результатов показывает, что характеристики текстов, произнесенных в нормальном и быстром темпах, имеют как сходные черты, так и различия.

Изучение слогового состава ритмических единиц позволяет заключить, что во всех текстах наиболее распространенными являются двух- и трехсложные РС. Они покрывают большую часть текста в обеих темповых разновидностях, составляя 60,3% в нормальном и 62,7% в быстром темпах. Достаточно часто в текстах, маркированных нормальным темпом, встречаются односложные, четырех-, пятисложные РС. В быстром темпе соотношение слогового состава РС в целом сохраняется, однако заметно сокращается количество односложных структур и несколько возрастает употребление более крупных структур.

Увеличение темпа речи ведет к изменению сегментного состава слов, значительно возрастает частотность редукции как гласных, так и согласных звуков. В частности, выпадение гласных при их сочетаниях в речевой цепи и в позиции между согласными влияет в некоторых случаях на слоговую структуру, обуславливая ее изменение, например: *кутальса* — [к'утльс'], *запахом* — [з'апх'эм], *такую, только черненькую* — [т'окъ ч'орн'куу], *из университета* — [изун'ирст'этъ], *пожалуйста* — [п'аж'алстъ]³.

Отличительной чертой текстов, произнесенных в быстром темпе, является стяжение нескольких структур в одну, вследствие чего увеличивается объем РС. В то время как тексты нормального темпа характеризуются более дробным членением фразы, в них встречается довольно большое количество выделенных односложных слов (личных местоимений, союзов и т. п.), в быстром темпе наблюдается тенденция к объединению таких слов в одну РС. Чаще всего данной модификации подвергаются односложные и двусложные структуры, например: *как вам* — [к'ак вам] (НТ) / [к'акв'эм] (БТ), *пока еще* — [п'акá иш'о'] (НТ) / [п'акáиш'ь] (БТ) и т. п.

В быстром темпе встречаются и такие ситуации, в которых ритмические единицы объединяются и изменяют при этом свою структуру. Анализ полученных результатов показывает, что вне зависимости от темповых характеристик во всех текстах наблюдается преобладание двух и трехсложных структур. Очевидно, вследствие этого более сложные РС, соединяясь в быстром темпе в одну, имеют тенденцию к уменьшению слогового состава, например: *чтобы этого* — [ш'топ'этъв'ь], *пригласила нас* — [п'р'иглас'илн'ьс] и т. п.

³ В работе рассматриваются случаи полной модификации слоговой структуры, а такие ситуации, как, например, приобретение слоговости согласным при полной редукции гласного и т. п. выходят за рамки данного исследования.

Анализ показывает, что распределение РС в зависимости от места ударного слога в них не равнозначно по объему. Среди трехсложных РС наиболее частотны структуры с ударением на втором слоге, среди четырехсложных — со вторым и третьим ударными слогами, в пятисложных чаще всего ударение падает на третий (реже четвертый) слог, в шестисложных — на четвертый. Данная закономерность охватывает обе группы текстов.

Интересными представляются сведения о соотношении ударных и безударных слогов. Относительное количество ударений — параметр, который различает тексты различных темповых разновидностей. Статистические данные говорят о том, что невыделенных слогов в текстах, произнесенных в нормальном темпе, больше в 2,8 раза, чем слогов выделенных, а в быстром — количество безударных слогов возрастает и соотношение становится приблизительно 1:4.

Акцентная структура текста имеет непосредственное отношение к ритмической организации речи, т.к. именно фразовое ударение выступает в качестве основного средства, маркирующего просодические единицы фразы.

Анализ показал, что тексты различных темповых градаций характеризуются неодинаковым распределением ритмических единиц. Тексты нормального темпа речи отличаются относительно равномерным членением на фразы-высказывания, состоящие преимущественно из 2 и 3 ритмических единиц. Для быстрого темпа более характерны многочленные фразы, которые объединяют в себя большее количество ритмических единиц — 4, 5 и более.

Таким образом, быстрый темп способствует увеличению объема ритмических структур, причем укрупнение слогового состава РС в быстром темпе часто является следствием нейтрализации ряда выделенных слогов в этих текстах, маркирующих ритмические единицы.

Обращение к величине междударного интервала показало, что в зависимости от темпа речи она подвергается определенным модификациям. Однако наиболее частотными в обеих группах текстов являются интервалы в один или два слога, число которых составляет 61,2 % для нормального темпа и 52,8 % для быстрого.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. В потоке связной речи используется ограниченное количество моделей элементарных ритмических единиц.
2. При характеристике акцентно-ритмических структур текстов различных темповых разновидностей можно выделить как константные параметры, так и вариативные.

3. Наблюдение за количественно-слоговым составом РС исследуемых текстов показывает, что не все типы ритмических тактов в равной степени подвержены изменениям с увеличением темпа. В текстах обеих темповых разновидностей наблюдается преобладание двух и трехсложных структур. Хотя при этом распределение других РС различается. Так, в нормальном темпе намного чаще встречаются односложные РС (11,7%), в быстром темпе их количество значительно сокращается (8,5%), тогда как число употреблений четырех и пятисложных РС наоборот несколько выше.

4. Вариативность акцентуации напрямую связана с изменением темповых характеристик. В зависимости от них в исследуемых текстах меняется количество выделенных слогов. Так, в нормальном темпе выявлено большее количество ударных слогов, маркирующих самостоятельные акцентные единицы. В текстах быстрого темпа наблюдается более сложная акцентно-ритмическая структура: большое число случаев нейтрализации ударений в потенциальных акцентных единицах, в связи с этим количество безударных слогов возрастает, а число ударных соответственно уменьшается.

5. Достаточно постоянной следует признать величину междарного интервала в обеих группах текстов. Интервал в один-два слога, наиболее частотный как в нормальном, так и в быстром темпах, является, как можно предполагать, одним из важнейших факторов, регулирующих распределение слоговой выделенности в речевой цепи.

Существование относительно постоянных характеристик в акцентно-ритмической структуре текстов, по-видимому, свидетельствует о том, что имеются некоторые ограничения как в дальнейшем увеличении темпа, так и в связанных с этим изменениях слоговой структуры фонетических слов.

Кроме того, препятствует дальнейшему увеличению темпа и связанному с этим изменению слоговой структуры фонетического слова стремление языка сохранить морфемную структуру словоформ.

Сильная редукция, зачастую вызванная ускорением темпа произношения, приводит к выпадению одного, реже двух слогов, в результате чего изменяется ритмический рисунок слова. С другой стороны, исследование длины морфем показало, что одно- и двусложными могут быть морфемы разных типов. Они покрывают 90,7% всех префиксов, 86,6% корней, 60,8% суффиксов и 93,6% флексий. Отсюда следует, что при потере ФС ряда слогов, слово может утратить и целую морфему. Однако язык препятствует такому упрощению морфемной структуры слова. Несмотря на потерю слогоносителя и, соответственно, на упрощение

ритмической модели, в 78,8% случаев морфема остается представленной.

Данные закономерности требуют продолжения тщательного изучения методом как слухового, так и инструментального анализов на более широком материале. Проведение таких исследований позволит установить системность и специфику просодических средств, особенности их взаимодействия друг с другом, а также с сегментными единицами.

Л и т е р а т у р а

1. Бондарко Л. В. 1981 — *Бондарко Л. В.* Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи, ЛГУ, 1981.
2. Борзенко И. А. 1989 — *Борзенко И. А.* Темп русской речи. Автореф. канд. дис., М., 1989.
3. Златоустова Л. В. 1981 — *Златоустова Л. В.* Фонетические единицы русской речи, МГУ, 1981.
4. Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. 1993 — *Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф.* Побочное ударение и ритмическая структура русского слова на словесном и фразовом уровне // Вопросы языкознания, 1993, N 4.
4. Лингвистика на исходе XX века... 1995 — Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы // Тезисы, тт.1,2, М., 1995.
5. Чистович Л. А., Кожевников В. А. 1965 — *Чистович Л. А., Кожевников В. А.* Речь. Артикуляция и восприятие, М.-Л., 1965.

Дублетные буквы в истории русского письма (на материале префиксов)

© кандидат филологических наук В.В. Каверина, 1999

Как известно, одной из разновидностей вариативности написаний в русской письменности на протяжении многих веков было употребление **дублетных букв**. В составе приставок находим следующие дублеты: **и-ї, з-ѕ, о-о-ѡ, ѿ-ѳ-Ѹ**. Реформа русской графики, осуществленная в основном Петром I в 1708-1710 гг. и завершенная в некоторых деталях Академией наук в 1-й трети XVIII в., привела к устранению дублетности **о-ѡ, и-ї, з-ѕ** и ряда других, однако в практике письма дублетные буквы все еще продолжали существовать довольно длительное время, особенно в рукописных текстах.

1. Употребление **вариантов ѿ-ѳ-Ѹ** в древнейших рукописях подчиняется “практическому” правилу: “широкая” буква **ѿ** является предпочтительной, в то время как “узкая” **ѳ** может заменять ее в конце строки, очевидно, с целью экономии места.

К **XIV** веку, однако, формируется иная норма написания указанных дублетов: **ѿ** пишется в начале слов и после гласных, тогда как **ѳ** (**Ѹ**) - после согласных, следовательно, в составе префикса <y> предпочтительна **ѿ**.

Начиная с **XVI** в. начерк **Ѹ** употребляется даже чаще, чем **ѳ**. Так, И.С. Филиппова отмечает в ряде московских грамот XVI в. “лишь **Ѹ**, буквы **ѳ** нет”¹. Оба написания по происхождению являются вариантами буквы **ѿ**, которая в XVI веке исчезает из скорописных памятников. Например, в рукописи XVI в. “Назиратель” **ѿ** не встречается.

Аналогичное соотношение находим в деловых текстах **XVII** в.: допускалось применение обеих букв **Ѹ** и **ѳ** в одном и том же слове: **слѸхѳ, тѳ^рско мѸ**; одно и то же слово могло писаться как с **Ѹ**, так и с **ѳ**: **Ѹ^нто^Ѹ - Ѹ^нто^Ѹ, тѸ^рско мѸ-тѳ^рск иѸ**. Можно установить некоторые закономерности в употреблении дублетных букв **Ѹ** и **ѳ** в текстах **вестей-курантов**²: **Ѹ** последовательно употребляется для обозначения предлога

¹ Филиппова И.С. Московские грамоты XVI в. из Государственного архива Рязанской области // История русского языка. Памятники XI-XVIII вв. М., 1982. С. 261.

² Здесь и далее анализируются тексты, опубликованные в изд.: Вести-Куранты. 1600-1639 гг. Изд. подгот. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов, А.И. Сумкина. Под ред. С.И. Коткова. М., 1972 (далее - В-К I); Вести-Куранты. 1642-1644 гг. Изд. подгот. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов, А.И. Сумкина. Под ред. С.И. Коткова. М., 1976 (далее - В-К II);

и префикса <у>, хотя написание ψ здесь также встречается. Напротив, в выносном положении пишется только ψ ³. Интересно, что в московских скорописных грамотах начала XVI в., напротив, “тяготение к началу слова обнаруживает буква $\sigma\psi$ ”⁴.

Употребление исследуемых дублетов в печатном Уложении 1649 г. отличается от закономерностей, характеризующих деловые скорописные памятники. Во-первых, в Уложении пишется $\sigma\psi$ и ψ , а ψ не встречается. П.Я. Черных пишет, что употребление букв $\sigma\psi$ и ψ “характеризуется определенной закономерностью, напоминающей закономерность в употреблении буквы ψ и буквы ϵ вместо ψ , и находится в явной зависимости, во-первых, от ударения, а во-вторых, от положения - в начале или не в начале слова”, причем “в начале слова и в предлоге употребляется главным образом $\sigma\psi$ ”⁵. По наблюдениям П.Я. Черных, данной закономерностью характеризовались как светские, так и церковные книги конца XVI - начала XVII вв., изменения в орфографии, происшедшие во второй четверти XVII в., касались употребления $\sigma\psi$ и ψ не в начале слова. Данные П.Я. Черных подтверждаются нашими наблюдениями над орфографией Азбуки И. Федорова 1574 г., где очень последовательно соблюдается правило: $\sigma\psi$ в начале слова, ψ - в остальных позициях (напр., $\sigma\psi\mu\psi\delta\rho\lambda\lambda$, $\sigma\psi\mu\epsilon\rho\tau\upsilon\upsilon$, $\rho\lambda\psi\mu\lambda$)⁶.

В древнейших грамматических сочинениях правило, регламентирующее употребление букв $\sigma\psi$, ψ и ψ , впервые сформулировано М. Смотрицким в “Грамматике” 1619 г.: $\sigma\psi$ полагается писать “в началѣ реченій”, тогда как ψ и ψ - “средѣ и вконци”⁷.

Данное правило, хоть и в несколько упрощенном виде, сохраняется до начала XVIII века. Так, в “Букваре славяногреколатинском” Ф. Поликарпова читаем: “ ψ - в начале речи, а ψ в середине и на конце полагается, яко $\sigma\psi\sigma\tau\upsilon\upsilon\upsilon$, а не $\psi\sigma\tau\upsilon\upsilon\upsilon$ ”⁸.

Вести-Куранты. 1645-1646, 1648 гг. Изд. подгот. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов. Под ред. С.И. Коткова. М., 1980 (далее - В-К III); Вести-Куранты. 1648-1650 гг. Изд. подгот. В.Г. Демьянов, Р.В. Бахтурина. Под ред. С.И. Коткова. М., 1983 (далее - В-К IV).

³ Н.И. Тарабасова замечает, что “вообще выносные дублетные буквы чрезвычайно редки” (см. Тарабасова Н.И. Некоторые черты московской скорописи XVII в. // История русского языка. Памятники XI-XVIII вв. М., 1982. С. 196).

⁴ Васеко Е.Ф. Приемы описания графики древнерусских памятников письменности в лингвистических исследованиях // Славянская филология. Сборник статей. Вып. 9. М., 1973, с. 38.

⁵ Черных П.Я. Язык Уложения 1649 г. М., 1953. С. 152.

⁶ Федоров И. Азбука 1574-1974. М., 1974.

⁷ Мелетій Смотрицький. Грамматика. Підготовка факсимільного видання В.В. Німчука. Київ, 1979. С. 1.7 об.

⁸ Поликарпов Ф. Букварь славяногреколатинский. М., 1701.

сохраняется правило употребления **ѡѣ** и **ѣ**, идущее от церковнославянской традиции: **ѡѣ** в начале слова и **ѣ** в остальных случаях. Сторонники фонетического письма В.Е. Адодуров, В.Н. Татищев, В.К. Третьяковский в 30-40-е годы XVIII века в своих грамматических сочинениях пишут о “ненужности” буквы **ѣ** наряду с другими дублетными буквами¹². В “Российской грамматике” М.В. Ломоносова 1755 г. и более поздних работах, посвященных графике и орфографии русского языка, начертание **ѣ** уже не упоминается.

1.2. Что касается дублетов **з-ѕ**, то до второго южнославянского влияния буква **ѕ** употреблялась в русской письменности исключительно в числовом значении б, следовательно, в приставках употреблялась **з**. Попытка употреблять **ѕ** в звуковом значении, делавшаяся под вторым южнославянским влиянием, привела к дублетности **з-ѕ**.

В скорописи, унаследовавшей орфографическую систему полуустава, буква **ѕ** употреблялась в тех же позициях, что и **з**. Так, в почерках скорописного текста второй половины XVI в. отмечается процесс почти полного нивелирования букв **з** и **ѕ** по употреблению, хотя графически они четко различаются.

В деловой письменности XVII в. одни писцы вообще не прибегали к букве **ѕ**, другие употребляли ее в разных положениях в слове, лишь отдельные материалы свидетельствуют о предпочтительном употреблении данной буквы. По свидетельству Н.И. Тарабасовой, “использование **ѕ** связано с графическим выделением начала слова”, также данная буква употребляется в составе предлогов¹³.

Анализ материала вестей-курантов показывает, что если в первой четверти XVII в. в префиксе <за> (позиция начала слова) чаще употребляется **ѕ**: **ѕавладе**^т, **ѕаде**^ржали, - то к середине XVII в. начинает преобладать написание **за**-: **запа**^лсия, **захва**^тть. Однако при обозначении приставки <с-> буква **ѕ**, несмотря на позицию начала слова, употребляется значительно реже, чем **з**, хотя оба возможны: **ѕже**^ч, **зже**^ч. Исследуемый материал позволяет предположить, что вариант **ѕ** бывает предпочтительным по сравнению с **з** в позиции перед буквами гласных (например, в приставке <за->), но в данной позиции префикс <с-> представлен написанием **с** - (**с**обирают^ь), а **з-ѕ** здесь не употребляются.

оригинале. Переиздавая сочинение Смотрицкого, Поликарпов местами откорректировал его графико-орфографический комментарий в русле правописной нормы начала XVIII века, оставив неизменным собственно грамматический материал.

¹² Успенский Б.А. Первая русская грамматика... С. 86.

¹³ Тарабасова Н.И. Некоторые черты... С. 182.

В составе префиксов на <з> более частотное написание **з** во всех позициях. Вообще, буква **ѕ**, используемая только в строчном варианте, естественно, встречается реже, чем **з**, которая в строчном и выносном вариантах обнаруживает более широкий диапазон применения. В текстах вестей-курантов приставки <из-> и <роз-> допускают написание с **ѕ** перед гласными: **исогнали**, **роѕо^рвати**, - а <воз-> и <из-> - перед буквами звонких согласных и сонорных: **вѕволокли**, **исмаа**, - однако и в этих позициях преобладает **з**: **и^змаа**, **во^змо^жно** и др.

Таким образом, предпочтительной позицией для **ѕ** в скорописи является позиция начала слова, где данная буква употребляется довольно широко наряду с вариантом **з**.

В Уложении 1649 г. указанные позиции также предпочтительны для буквы **ѕ**, которая, однако, здесь встречается очень редко, “нормальной буквой для обозначения звука [з] является **з**”.¹⁴ В некоторых печатных изданиях, например в Азбуке И. Федорова, написание **ѕ** не отмечено, пишется только **з**.

В “Грамматике” 1619 г., а также в ее московском переиздании 1648 г. правил употребления букв **з** и **ѕ** не сформулировано. И хотя при перечислении согласных упомянуты оба варианта¹⁵, в тексте грамматик находим только **з**, за исключением единичных написаний с **ѕ**.

В “гражданице” для обозначения [з] из **дублетов з-ѕ** первоначально была выбран вариант **ѕ**, сходный с латинской буквой *s*. Однако в окончательном варианте гражданской азбуки 1710 г. начертание **з** было восстановлено. В переиздании “Грамматики” М. Смотрицкого (1721 г.) Ф. Поликарпов при описании русского алфавита оценивает букву зело как “лишнюю”. Подобных комментариев у Смотрицкого (1619, 1648 гг.) не находим. В 1735 г. Академией наук буква **ѕ** была исключена из алфавита¹⁶.

В текстах “Ведомостей”, набранных церковным шрифтом, до реформы 1710 г. заметно преобладает вариант **з**, в том числе и в префиксах: **изр^аднѣ**, **завратъ**, **возбранѣтъ**, **звиряютъ**, **разослалъ** и т.д., а начертание **ѕ** употребляется лишь в отдельных лексемах, например **ѕѣлаѡ**. С введением “гражданицы” в “Ведомостях” число словоупотреблений с дублетом **ѕ** не увеличивается (даже отмечается написание **зѣло**).

¹⁴ Черных П.Я. Язык Уложения... С. 165-166.

¹⁵ Мелетій Смотрицький. Граматика... С. 1.5; Грамматика славянская... С. 46.

¹⁶ Истрин В.А. 1100 лет славянской азбуки. М., 1988, С. 161.

В рукописных памятниках XVIII в. вариант **ѣ** пишется несколько чаще, однако преобладающим он не становится, несмотря на усилия нормализаторов правописания В.Е. Адодурова, В.Н. Татищева и В.К. Третьяковского, пытавшихся ввести данное написание взамен более распространенного **з**¹⁷. В московской деловой письменности XVIII в. употребление **ѣ** беспорядочно, некоторые писцы вообще не пользуются данным начертанием. Пожалуй, чаще этот дублет пишется в начале слова перед гласными (как и в скорописи XVII в.), в том числе и в приставке <за->: **записи, задания** и т.д. Однако во всех позициях преобладает **з**: **записьва^ася, ра^зсудилъ, избавитѣ** и т.д.

1.3. Можно установить некоторые закономерности написания **вариантов и-ї** в древнейший период: при безусловном преобладании буквы **и**, дублет **ї** употребляется обычно после гласной, в том числе и в составе приставок: **и їзде, и їшьдъ**. Причем такое написание характерно как для памятников церковных, так и светских. А.А. Шахматов фиксирует его в ряде новгородских договорных грамот XIII-XIV вв.¹⁸ В то же время, М. Козловский, говоря о подобном употреблении буквы **ї** в старейшей из датированных церковнославянских рукописей - Остромировом евангелии, отмечает преемственную связь данной закономерности с правилом, характеризующим орфографию древнейших славянских памятников - Саввиной книги и Зографского евангелия¹⁹. Однако в большинстве старших древнерусских текстов, очевидно, употребление **ї** как “узкой” буквы в большинстве случаев обусловлено позицией конца строки.

Из полуустава “в скоропись перешло (и навсегда в ней сохранилось) древнейшее употребление знаков **и** и **ї**; первый знак - основной и употребляется во всяком положении, последний - есть лишь факультативное сокращение первого, какое, однако, никогда не употребляется перед **и** (восьмеричным), а только после него: **иї**”²⁰. В отличие от скорописи, в полууставе с XV в. “десятеричное **ї** употребляется как в позднейшем русском правописании: перед всеми гласными, притом не факультативно, а обязательно”²¹.

В скорописи XVII в. буква **ї** встречается значительно реже, чем буква **и**, и употребляется обычно в конце слова после гласных, часто в

¹⁷ Успенский Б.А. Первая русская грамматика... С. 86.

¹⁸ Шахматов А.А. О языке новгородских грамот XIII-XIV вв... С. 140.

¹⁹ Козловский М. О языке Остромирова евангелия // Исследования по русскому языку. Т.1. СПб., 1895. С. 12-13.

²⁰ Щепкин В.Н. Русская палеография. М., 1967. С. 136.

²¹ Там же, с. 136-137.

соответствии с *и* неслоговым и *j*, а также в начале слов, в функции сочинительного союза или частицы.

В текстах вестей-курантов в префиксе <из-> отмечены лишь единичные написания варианта **ї**: **ї³во[^]ны, ї³гоно^м**, - обычно пишется **и**: **и³огнали, и³готовити** и др.

В Уложении 1649 г., как и в более ранней Азбуке И. Федорова, **ї** последовательно употребляется в соответствии с правилом, установившемся с XV в. в полууставе, а именно перед гласными²². Такое же употребление рекомендуется грамматиками 1619 и 1648 года²³. Интересно, что подобную закономерность отмечают И.С. Филиппова и Е.Ф. Васеко в ряде московских грамот XVI в., писанных скорописью²⁴. Вообще, в скорописных памятниках отмечается значительная неустойчивость в употреблении **ї** даже в предпочтительных для нее позициях.

В первоначальной редакции "гражданицы" из алфавита была исключена буква **и**, но в окончательной редакции 1710 г. снова присутствовали оба варианта - **и** и **ї**.

В "Ведомостях" **ї** употребляется довольно последовательно перед гласной, а **и** - в остальных положениях для обозначения соответствующих звуков: **прїемлютъ, прислалъ, изломанъ**, - но с 1710 г. **и** начинает вытесняться **ї**, в 1711 г. **и** почти не употребляется: **прїѣхали, прївозѣ, беспрїестрастни** и т.д. Однако здесь можно установить некоторые закономерности: во-первых, **ї** не пишется в начале слова (даже в 1711 г. в приставке <из-> находим только **и** - **изволїтъ, извѣстїя**); в остальных же позициях **ї** заметно преобладает: **проїсходилъ, проїшло, воспрїиметь, неїсполненїе, прїсланы** и т.д. Данная закономерность отличает "Ведомости" как от скорописных памятников XVII в., так и от рекомендаций "Грамматики" М. Смотрицкого.

Однако постепенно ситуация меняется. В издававшихся с 1728 г. Академией наук "Санктпетербургских ведомостях" уже в течение первого года существования происходит изменение соотношения *и-ї* в сторону уменьшения числа последнего написания; хотя сохраняется вариативность употребления *и-ї*: *прїсуществующимъ-присутствовали, прїбыль-привыіе*, однако можно отметить позиции, предпочтительные для каждого из вариантов: для *и* - начало слова (*известїя, изготов-*

²² Черных П.Я. Язык Уложения... С. 148.

²³ Мелетій Смотрицкий. Грамматика... С. 1.7; Грамматика славянская. М., 1648, С. 51 об.

²⁴ Филиппова И.С. Московские грамоты... С. 261; Васеко Е.Ф. Приемы описания... С. 39.

ленные), для *i* - перед гласными (*пріуготовленія, воспріималь*). В 30-е годы XVIII в. на основе данной закономерности формируется устойчивая норма употребления буквы *i* (перед гласными, в остальных случаях пишется *и*), кодифицированная в 1738 г. Академией наук. Тогда же было унифицировано написание “*i* десятеричного” (с одной точкой вместо двух точек) и установлено употребление этой буквы в слове *мір* в значении “вселенная”²⁵. Данное правило остается неизменным и очень авторитетным вплоть до орфографической реформы 1917-1918 гг., упразднившей букву *i*.

В рукописных памятниках первой половины XVIII в., как и в скорописи XVII в., буква *ї* встречается реже, чем буква *и*, и употребляется обычно в конце слова после гласных, а также в начале слов, в функции сочинительного союза или частицы. Однако к концу XVIII в. устанавливается правило, давно уже действующее в книгопечатании - *ї* пишется перед гласными, *и* - в остальных случаях.

В грамматических сочинениях В.Е. Адодурова, В.Н. Татищева и В.К. Третьяковского в 30-40-е годы XVIII века делалась попытка вывести из употребления букву *и*, оставив только *i*²⁶. Позднее об этом же писал А.А. Барсов, называя букву *и* “излишней”²⁷.

М.В. Ломоносов в “Российской грамматике” 1755 г. формулирует для *i* правило по принципу графической диссимиляции: буква *i* употребляется, “чтобы частое стечение подобных букв неприятным видом взору не казалось противно и в чтении запинаться не принуждало. Например: *въ изысканіи истинны...*” Кроме того, Ломоносов допускает употребление *i* в случаях, когда “подобие буквы *и* с *н*” может привести “к погрешному чтению” - *Новъ* вместо *Иовъ*²⁸.

Наиболее полно правило употребления *i*, в соответствии с которым данная буква пишется вплоть до реформы 1917-1918 гг., впервые сформулировал Н.Г. Курганов в “Российской универсальной грамматике...” 1769 г.: *i* не пишется в начале слов, кроме “иностранных” (в пример приведены имена собственные), употребляется перед гласными, за исключением приставки <при->, где в любом случае пишется *и*²⁹. Последнюю закономерность отметил ранее Ф. Поликарпов в переиздании “Грамматики” М. Смотрицкого (1721 г.). Интересно, что в данном вопросе Поликарпов отошел от оригинала: букву *i* в изданиях “Граммати-

²⁵ Истрин В.А. 1100 лет... С. 161.

²⁶ Успенский Б.А. Первая русская грамматика... С. 86.

²⁷ Барсов А.А. Российская грамматика. М., 1981, С. 48.

²⁸ Ломоносов М.В. Российская грамматика // Полное собрание сочинений. Т. 7, М.-Л., 1952. С. 422.

²⁹ Курганов Н.Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие. СПб., 1769. С. 98.

ки” М. Смотрицкого 1619 и 1648 гг. рекомендуется писать перед гласными во всех без исключения позициях в слове.

Подобно грамматике Курганова определяются позиции для *i* в различных грамматических сочинениях XIX в.: “Российской грамматике” Академии наук 1802 г., “Начальных правилах русской грамматики” Н.Ф. Кошанского 1807 г., “Новейших начертаниях правил российской грамматики” И. Орнатовского 1810 г., “Российском правописании...” М. Снегирева 1815 г., “Практической русской грамматике” Н.И. Греча 1834 г., “Российской грамматике” В.С. Княжева 1834 г., академической “Грамматике русского языка” И. Давыдова 1849 г., “Русской грамматике” А.Х. Востокова 1835 г. и, наконец, в самом авторитетном руководстве по орфографии конца XIX-начала XX вв. - “Русском правописании” Я.К. Грота 1885 г. Рекомендации грамматик различаются лишь в одном - степени императивности в правописании приставки <при->: некоторые сочинения лишь *допускают* употребление *и* в данном префиксе в любой позиции, в том числе и перед гласной, а другие *декларируют* такое написание как единственно возможное.

Однако материал газет показывает, что в практике письма указанное правило не получает широкого распространения. В течение столетия после выхода грамматики Курганова, регламентирующей написание <при-> через *и* в любой позиции, в текстах “Санктпетербургских ведомостей” и “Московских ведомостей” данная приставка последовательно пишется по общему правилу, то есть с *i* перед гласными: *приѣхаль*, *приѹготовленія* (М. вед. 1756) - *приѣзда*, *приобрель* (М. вед. 1856).

1.4. Для древнейшего периода установлены некоторые позиции, в которых дублиеты **ѡ** и **Ѡ** встречаются более регулярно, хотя предпочтительным и здесь оказывается вариант **Ѡ**. Указанные дублиеты пишутся в начале слова и реже после гласных, в том числе и в префиксах <о->, <от->. Особенно последовательно буква **ѡ** употребляется в составе сокращения **ѡ**. Так нередко пишется и приставка <от->, а в некоторых рукописях, например в новгородских грамотах XIII-XIV вв., другой орфографии префикса <от-> вовсе не представлено, пишется только **ѡ**.³⁰ Однако такое написание стало преобладающим не сразу. По наблюдениям А.С. Львова, “в первичных переводах все греческие **ѡ** в заимствованных словах передавались через **Ѡ**.”³¹ При этом об употреблении буквы **ѡ** в славянских словах, очевидно, не могло быть и речи. Почти во всех

³⁰ Шахматов А.А. О языке новгородских грамот XIII-XIV вв. // Исследования по русскому языку. Т.1. СПб., 1895, С.140-141.

³¹ Львов А.С. Об ѡмеге и глаголической букве “от” // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978. С. 10.

старших памятниках старославянской письменности буква **ѡ** пишется исключительно при обозначении восклицательного междометия “О!”. В Остромировом евангелии отмечается **ѡ** и в других позициях, однако даже в самой частотной из них - в предлоге-приставке <от-> заметно преобладает **о**³².

Написание **ѡ** получило широкое распространение лишь в следующем веке и было связано с введением в календарные записи евангелий сокращений, которые постепенно стали употребляться и в текстах. Прослеживается тенденция к обобщению **ѡ** в начале слов.

О.А. Князевская, анализируя употребление указанных букв в рукописи первой половины XIV в. отмечает, что “регулярность распределения букв **ѡ**, **Ѡ** и **о**... свидетельствует... об определенном явлении языка - различении открытого и закрытого [o]”, но и констатирует формирование орфографического правила в системе древнерусского письма данного периода и полагает, что “употребление букв **ѡ** и **Ѡ** в начале слова следует квалифицировать как чисто орфографический факт”³³. О стабильном написании **ѡ** в начале слова, в том числе в префиксах <от-> (обычно в виде лигатуры **ѡѡ**) и <о->, в древнерусских памятниках свидетельствует исследование Дина Ворты, основанное на обширном материале текстов XI-XIII вв.³⁴

В скорописных памятниках дублет буквы **о** - **ѡ**, правило употребления которой преимущественно в начале слова возникло в русском уставе в середине XIV в. и было заимствовано скорописью, встречается довольно редко.

В деловых текстах XVII в., по свидетельству Н.И. Тарабасовой, “едва ли можно установить какие-либо последовательно соблюдаемые правила употребления этой буквы”, и вообще, “букву **ѡ** можно встретить далеко не на каждом листе скорописного текста, наблюдается безусловное преобладание **о**”³⁵. Исследователь считает, что буквой **ѡ** “пользовались некоторые писцы, по-видимому, те, которые испытывали особое влияние книжного письма”, а употреблялась эта буква “в середи-

³² Там же. С. 10; Козловский М. Указ. соч. С. 14-15.

³³ Князевская О.А. Буква **ѡ** в рукописи Быбельского Апостола // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А.А. Зализняка. М., 1996. С. 276-281. См. также Зализняк А.А. Новые данные о русских памятниках XIV-XVII веков с различием двух фонем “типа **о**” // Советское славяноведение, 1978, № 3. С. 74-96. Он же. Противопоставление букв **о** и **ѡ** в древнерусской рукописи XIV века “Мерило праведное” // Там же, № 5, С. 41-68.

³⁴ Worth Dean S. Omega, especially in Novgorod // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А.А. Зализняка. М., 1996. С. 70-82.

³⁵ Тарабасова Н.И. Некоторые черты... С. 189.

не и конце слов... а в начале слов, несмотря на отдельные замены главным образом в предлогах-приставках <от->, предпочитается **о**”³⁶.

Указанное употребление характерно и для текстов вестей-курантов, где буква **ѡ** пишется обычно в составе лигатуры **ѡѡ**, обозначающей предлог или приставку <от->, и реже в начале приставки <об->. Можно отметить также, что в префиксе <о->, при безусловном преобладании **о**, вариант **ѡ** довольно часто встречается в некоторых лексемах (*окроме, оберегать, оставить, очистить* и особенно *осада* и однокоренных). В составе приставок, оканчивающихся на <о>, дублет **ѡ** находим лишь в единичных словоупотреблениях, причем число их к середине XVII в. по сравнению с текстами начала века значительно уменьшается. Подобной динамикой характеризуется и употребление **ѡ** в приставке <о->.

В печатном Уложении 1649 г. буква **ѡ** встречается чаще, чем в современных ему скорописных памятниках, однако несколько реже, чем **о**. П.Я. Черных отмечает позиции, в которых “**ѡ** употребляется чаще, чем в других”: “как правило, **ѡ** находится в предлоге и приставке *от* (**ѡѡ**)”, “очень часто **ѡ** встречается в предлогах-приставках *о* и *об*”, “не в начале слова **ѡ** встречается главным образом в некоторых падежных окончаниях...”³⁷ Таким образом, можно заметить некоторое сходство закономерностей употребления варианта **ѡ** в печатном Уложении и скорописных вестях-курантах, с безусловной разницей в частотности таких написаний.

Кроме того, в Уложении употребляется **ѣ** “только в начале слова и в качестве предлога *о*”³⁸. В скорописи данная буква не используется.

Не упоминается она и в грамматиках 1619 и 1648 года. Относительно употребления **о** и **ѡ** в “Грамматике” М. Смотрицкого 1619 г. указано лишь, что с помощью этих букв различаются формы единственного и множественного числа, а также **о** упомянуто в перечне “кратких”, а **ѡ** - “долгих” гласных³⁹. В московском переиздании “Грамматики” 1648 г. присутствуют более подробные рекомендации: **о** и **ѡ** “полагаются и в начале и в среде и на конце. В начале убо **о**, яко **онъ...** **образъ...** А **ѡ** такоже яко **ѡ** предлог... яко **ѡѡѡннѣ...** или через **ѡѡ** во глаголе, яко **ѡѡѡѡѡ...**”⁴⁰ - и далее: “**о** и **ѡ** в начале речения полагаемых, яко имена,

³⁶ Там же. С. 190.

³⁷ Черных П.Я. Язык Уложения... С. 148-149.

³⁸ Там же. С. 150.

³⁹ Мелетій Смотрицкий. Грамматика... С. 1.7, 1.3. об.

⁴⁰ Грамматика Мелетій Смотрицкий. Грамматика... с. 1.7, 1.3. об.

⁴⁰ Грамматика славянская. М., 1648. С. 52.

глаголы, причастия и наречия с предлогом **ѡ**, **ѡбъ** и **ѡ**, сложенная **ѡ** хранить неизменно, яко **ѡдѣваю**, **ѡбличаю**, **ѡхожо** и пр. сложенная же з **со**, **во**, **вос**, **до**, **по**, **под**, **про**, **противо** со всеми несложеными **о** хранящими **о** соблюдают, яко: **сотворю**, **воведу**, **донесу**, **понесу**, **подѣмлю**...”⁴¹

Сравнение рекомендаций “Грамматики” 1648 г. с закономерностями употребления букв **о** и **ѡ** в Уложении 1649 г. и вестях-курантах показывает определенное их сходство, особенно в интересующих нас позициях - в приставках. Однако, по мнению Н.И. Тарабасовой, в отличие от печатного текста Уложения и рекомендаций грамматики, “в рукописи употребление **ѡ** связано скорее не с морфологической прикреплённостью, а с выделением начала - конца слова, что в сплошь написанном скорописном тексте было крайне важно”⁴².

Начертания **ѡ** и **ѡ** не входят в новую гражданскую азбуку после реформы 1710 г. Однако в практике письма данные варианты продолжают употребляться и после официального их упразднения.

В “Ведомостях” вплоть до 1710 г. наблюдается закономерность употребления **ѡ**, представляющая собой компромисс между рекомендациями “Грамматики” М. Смотрицкого и узуальной нормой скорописи XVII в.: **ѡ** пишется в падежных окончаниях разных частей речи, а также в предлогах и приставках <от->, <об->, <о->: **ѡвезенъ**, **ѡбъвилисѧ**, **ѡсло трѣть** и др. С введением “гражданицы” данные начертания в “Ведомостях” перестают употребляться.

Значительно дольше сохраняется **ѡ** в рукописных памятниках. До 1733 года употребляет данное начертание В.К. Третьяковский.⁴³ В московской деловой письменности XVIII в. **ѡ** и **ѡ** встречаются не в каждом тексте, однако могут быть отмечены даже в рукописях конца XVIII столетия, обычно в предлогах и приставках: **ѡпѣскъ**, **ѡрадовали**, **ѡда^житѣ** и т.п.

Итак, в ранних памятниках употребление дублетов **и-ѣ**, **о-ѡ**, **ѡѣ** **ѣ-ѡ** не определялось какой-либо орфографической нормой, так как их противопоставление было основано на признаке “широкая графема - узкая графема”, при этом выбор варианта диктовался обычно позицией конца или середины строки, то есть имел практическое значение. Помимо этого, отмечается также “декоративное” употребление **ѡ**.

⁴¹ Там же. С. 56 об.

⁴² Тарабасова Н.И. Некоторые черты... С. 192.

⁴³ Курчева Ю.В. Основные вопросы русского правописания с XVIII в.: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1941. С. 126.

Однако уже в XII в. было положено начало орфографической нормализации употребления дублетных букв, которая получила наиболее полное выражение в последующий период развития русского языка.

Употребление дублетных букв в скорописи отличается определенными особенностями, связанными со спецификой не предполагавшего деления на слова скорописного текста, орфография которого имела принципиально вариативный характер. При этом нередко присутствует использование вариантов графем для разграничения единиц текста, что позволяет сделать вывод о выработке орфографической нормы из графических особенностей скорописи. Однако в течение XVII в. в скорописи действует тенденция к избавлению от дублетных букв, в первую очередь, **ѣ** и **ѡ**.

В течение XVIII века происходит освобождение русского письма от дублетных букв. Причем если в печатных текстах дублетные написания исчезают сразу же после соответствующего указа, то в рукописной орфографии они сохраняются и до конца столетия. До XIX в. доходит лишь написание *i*, регламентируемое всеми грамматиками и упраздняющееся лишь в начале XX в.

Интересно, что неоднократные попытки закрепить в русском письме близкие к латинским начертания *s* и *i* взамен более употребительных *з* и *и* не увенчиваются успехом, и рано или поздно *s* и *i* исчезают из текстов - сначала печатных, а затем рукописных.

Таким образом, тенденция к устранению дублетов, действовавшая уже в предшествующую эпоху и подкрепленная нормализаторской деятельностью, реализуется в течение XVIII века почти полностью. Устраняются все дублетные написания, за исключением *и-і*, употребление которых, в отличие от предшествующего периода, регламентируется строго и однозначно, и, самое главное, этим рекомендациям следуют создатели печатных и рукописных текстов.

Л и т е р а т у р а

1. *Филиппова И.С.* Московские грамоты XVI в. из Государственного архива Рязанской области // История русского языка. Памятники XI-XVIII вв. М., 1982.
2. Вести-Куранты. 1600-1639 гг. / Изд. подгот. *Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов, А.И. Сумкина.* Под ред. *С.И. Коткова.* М., 1972.
3. Вести-Куранты. 1642-1644 гг. / Изд. подгот. *Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов, А.И. Сумкина.* Под ред. *С.И. Коткова.* М., 1976.
4. Вести-Куранты. 1645-1646, 1648 гг. / Изд. подгот. *Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов.* Под ред. *С.И. Коткова.* М., 1980.
5. Вести-Куранты. 1648-1650 гг. / Изд. подгот. *В.Г. Демьянов, Р.В. Бахтурина.* Под ред. *С.И. Коткова.* М., 1983.
6. *Тарабасова Н.И.* Некоторые черты московской скорописи XVII в. // История русского языка. Памятники XI-XVIII вв. М., 1982.

7. *Васеко Е.Ф.* Приемы описания графики древнерусских памятников письменности в лингвистических исследованиях // Славянская филология. Сборник статей. Вып. 9. М., 1973.
8. *Черных П.Я.* Язык Уложения 1649 г. М., 1953.
9. *Федоров И.* Азбука 1574-1974. М., 1974.
10. *Мелетій Смотрицький.* Граматика / Підготовка факсимільного видання *В.В. Німчука.* Київ, 1979.
11. *Поликарпов Ф.* Букварь славяногреколатинский. М., 1701.
12. *Успенский Б.А.* Первая русская грамматика на родном языке. Доломоновский период отечественной русистики. М., 1975.
13. Памятники московской деловой письменности XVIII века / Изд. подг. *Сумкина А.И.* Под ред. *Коткова С.И.* М., 1981.
14. *Истрин В.А.* 1100 лет славянской азбуки. М., 1988.
15. *Козловский М.* О языке Остромирова евангелия // Исследования по русскому языку. Т.1. СПб., 1895.
16. Грамматика славянская. М., 1648.
17. *Барсов А.А.* Российская грамматика. М., 1981.
18. *Ломоносов М.В.* Российская грамматика // Полное собрание сочинений. Т. 7, М.-Л., 1952.
19. *Курганов Н.Г.* Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие. СПб., 1769.
20. *Шахматов А.А.* О языке новгородских грамот XIII-XIV вв. // Исследования по русскому языку. Т.1. СПб., 1895.
21. *Львов А.С.* Об ѿмеге и глаголической букве “от” // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978.
22. *Князевская О.А.* Буква ѿ в рукописи Быбельского Апостола // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А.А. Зализняка. М., 1996.
23. *Зализняк А.А.* Новые данные о русских памятниках XIV-XVII веков с различием двух фонем “типа о” // Советское славяноведение, 1978, № 3.
24. *Зализняк А.А.* Противопоставление букв ѿ и ѿ в древнерусской рукописи XIV века “Мерило праведное” // Советское славяноведение, 1978, № 5.
25. *Worth Dean S.* Omega, especially in Novgorod // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А.А. Зализняка. М., 1996.
26. *Курчева Ю.В.* Основные вопросы русского правописания с XVIII в.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1941.

ЛИНГВОПОЭТИКА. ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Телеграфный язык Ильи Эренбурга

© Пит Ван Пуке (Бельгия), 1999

Перечисляя новаторов русской литературы двадцатого века, редко кто упоминает имя Ильи Григорьевича Эренбурга (1891-1967), и тем не менее этот выдающийся поэт, публицист и сатирик определенное время был очень сильно увлечен формальными экспериментами в прозе. Сборники рассказов *Неправдоподобные истории* и *Шесть повестей о легких концах* и роман *Жизнь и гибель Николая Курбова*, которые все были придуманы и написаны в очень короткий период 1921-1922 годов, объединяла между собой прежде всего одна общая черта: они были написаны в одном и том же стиле, который можно назвать *телеграфным стилем*.

В связи с творчеством Эренбурга этот термин впервые встречается в рецензии некоего П.Ш. на *Шесть повестей о легких концах* в берлинской, русскоязычной газете *Руль: Плодовитый г. И. Эренбург выпускает одну книгу за другой*. <...> можно подумать, что он страшно торопится. Все его "шесть повестей о легких концах" написаны как бы на лету, короткими, куцыми фразами, то без подлежащего, то без сказуемого. Через каждые два слова точка. <...> Телеграфный стиль, когда он расплывается на целую книгу, утомляет. Точно вы мчитесь с быстротой курьерского поезда. Все трясет и подбрасывает, но рассмотреть ничего не удастся [4].

Этот термин *телеграфный стиль*, который Лайчук впоследствии также применил в своей монографии о жизни и творчестве Эренбурга (*two stylistic features appeared for the first time in these <of the 1920's> works; one — unique to this period — was the use of an ultra-contemporary, "telegraphic" language* [13: 107]), как нельзя лучше выражает особенный характер языкового эксперимента, которым был так увлечен в то время Илья Эренбург. Предложения, которые автор строил в своих произведениях, очень похожи на телеграфные сообщения: все фразы сокращены до самого минимума, до самой сути высказывания, и часто состоят лишь из существительного с глаголом, или из одного из этих частей речи. Все украшения *нормального* литературного языка, которые по мнению Эренбурга лишь замедляют и перегружают чтение, выбрасываются писателем из текста как лишний балласт.

Эренбург вспоминал о своих творческих экспериментах через четыре десятилетия в своих мемуарах *Люди, Годы, Жизнь: В 1921-1922 годах в литературу вошли молодые советские прозаики — Борис Пильняк, Всеволод Иванов, Зоценко, многие другие; почти все они пережили увлечение Андреем Белым или Ремизовым. Я как-то заглянул в мои книги того времени ("Неправдоподобные истории", "Жизнь и гибель Николая Курбова", "Шесть повестей о легких концах") и удивился: запутанные или оборванные фразы, переставленные или придуманные словечки; а когда я так писал, подобный язык мне казался естественным. <...> Если это можно назвать болезнью, она была болезнью роста [9: т. 1, 411].*

Скромный, почти извиняющийся тон этой цитаты объясняется во многом временем, когда были написаны эти воспоминания. Эренбургу в начале 1960-х годов было особенно трудно бороться с хрущевской цензурой, пытаясь сохранить многие абзацы из подлинного текста, и поэтому ему часто приходилось смягчать тон того или иного высказывания. Абзац об экспериментальной литературе 1920-х годов также принадлежит к *нецензурным* сюжетам, и поэтому у Эренбурга здесь не было возможности открыто высказаться об оригинальной, творческой стороне этого литературного авангарда. На самом же деле, период 1921-1922 годов сыграл важнейшую роль в становлении Эренбурга как передового художника своей эпохи.

В том же 1921 году вышел в свет первый и самый знаменитый роман Эренбурга *Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников*, в котором молодой Илья, до сих пор писавший только стихи, сразу же проявил огромный талант острого и едкого сатирика, обладающего очень тонкой наблюдательностью. Уже тогда главной темой его литературы была русская революция, ее последствия и ее влияние на жизнь не только самой России, но и хорошо ему известной Западной Европы.

Сразу же после завершения своего *Хулио Хуренито*, который вызвал самые разные отзывы в прессе и пользовался у читателя огромным успехом, Эренбург пристрастился к теориям конструктивизма и кубизма, которые, по его мнению, являлись лучшими выражениями подлинного духа времени, который характеризовался прежде всего быстротой и динамизмом. Илья Григорьевич был уверен, что новому времени, после общественной и культурной *табула раша* революции, требуется новый, более современный язык, который свойствен только прозе. Удивительно быстро *поэт* Эренбург убедился в силе прозы, в которой он за очень короткое время достиг подлинного мастерства.

Илья Григорьевич так сильно верил в новые тенденции в искусстве, что даже написал яркий памфлет в защиту конструктивизма во всех

областях общественной жизни — *А все-таки она вертится* (1922). В нем он описал *общие черты* нового современного искусства, из которых я могу процитировать следующие центральные термины: *Учет нового стиля жизни. Союз с индустрией. Язык газет и телеграмм.* <...> *Ритм города,* <...> *кинематограф.* <...> *Всемерное вхождение в жизнь.* <...> *не фотографический натурализм, а создание крепкой эссенции быта* [5: 96-97]. Конкретно о литературе он выразился в отдельном абзаце, где сформулировал требования нового, *телеграфного* стиля: *Современный язык идет к сжатости и ясности. Лучшим примером является эволюция русского языка в годы революции.* <...> *Русский язык движется в сторону организованности* [там же: 100-101]. Эренбург здесь прежде всего имел в виду *советскую* привычку составлять новые слова из слогов и сокращений. Короткие, сжатые термины вроде *Рософосер, пиа, совдеп, цик* и *рыкапа* [там же: 101] ему очень нравились в новой советской культуре.

Для Эренбурга эта теория *конструктивизма в литературе* не могла оставаться непроверенной. Он сам применил *телеграфный* стиль в ряде произведений. О характере такого стиля можно судить по первым строчкам автобиографии, которую он написал для берлинского, русскоязычного журнала *Новая русская книга* в 1922 году: *Родился в 1891 г. Иудей. Детство — Москва, Хамовники, пивной завод. Горячее кислое пиво. В казармах рабочие ругаются. Гулянье на Девичьем. Веснами ездил в Киев к деду. Подражая ему, молился, покачиваясь, и нюхал из серебряной баночки гвоздику. Московская первая гимназия ...* [6: 43].

На выбор Эренбургом *телеграфного* стиля безусловно повлияли различные художественные и общественные тенденции. Он находился в 1920-х годах в тесной связи с представителями левого модернизма в живописи, с которыми еще до Первой мировой войны познакомился и даже подружился в кафе монпарнасской *богеми* — Пикассо, Модильяни, Леже, Риверой, и другими. Он не сразу понял и принял их искусство, но шок, произведенный на него Первой мировой войной, резко изменил эту оценку. Работая военным корреспондентом на фронте, Илья Григорьевич познакомился с совсем новой реальностью, которую нельзя уже было изобразить при помощи традиционных шаблонов и красок. В своем сборнике публицистических очерков о войне Илья Григорьевич писал, например: *Обыкновенно на вопрос — что видно на войне? — отвечают "ничего". Мне кажется, что это не совсем точно — на войне видно "ничто", пустота, небытие.* <...> *Где-то в норах люди, но их не видно, ибо ничто живое, движущееся, дышащее не может показаться, не смеет ступить на эту обреченную землю* [8: 9].

Именно этот нечеловеческий *лик*, который, по мнению Эренбурга, был признаком не только войны, но и первых лет двадцатого века вообще, нашел свое отражение в более или менее абстрактных экспериментах модернистов. Эренбург считал кубизм даже самым лучшим отражением этого *ничто*, которое царило на войне: *Часто, идя по размытым дождем окопам, глядя на серых солдат, на пушки и пулеметы, я думал — найдется ли художник, который сможет передать облик этой войны. Теперь передо мной собрание "военных" рисунков Леже. С трепетом перебираю эти странные таинственные рисунки. Да, я этого не видел никогда, но это, только это я и видел. Леже "кубист", порой он чрезмерно схематичен, порой страшит бесконечным раздроблением всего зримого мира, но распятый, искромсанный жестоким ножом, и где-то в последнем сознании воссоединенный, глядит на меня лик войны* [там же: 9-10].

На войне города, дома и даже природа были также лишены каких-либо украшений, и от многих зданий оставались одни лишь *скелеты*, основные формы без плоти. Квадраты и круги кубистов в одинаковой степени сосредоточивались на *скелетах* всех предметов изображения. Поэтому *телеграфный стиль* Эренбурга следует считать попыткой найти литературный противовес кубизму в живописи, при чем глаголы и существительные берут на себя роль геометрических форм кубизма.

Как мы уже знаем, Эренбург встал на путь литературного эксперимента лишь после завершения первого романа, через четыре года после начала революции. За это время Илья Григорьевич успел многое пережить, так как он попал в Москву, Киев и Коктебель в самом разгаре великих исторических событий. По самым разным причинам он решил в 1921 году, добравшись до центра передового мышления того времени — Берлина, приступить к новому для него стилю и даже жанру, так как первое его *телеграфное* произведение было сборником рассказов — *Неправдоподобные истории*. Во-первых, модернизм левых художников стал Эренбургу ближе как никогда раньше, после того как он женился в 1920 году на Любви Козинцевой (1900-1970), молодой студентке авангардистки Александры Экстер (1884-1949) и страстной любительницы искусства Пикассо. Во-вторых, в своих скитаниях не только по России, но и по другим странам Европы Эренбург познакомился с некоторыми общественными процессами, которые его сильно тревожили. В Москве он уже заметил значительную рационализацию жизни в постреволюционном обществе, но тот же процесс механизации жизни и чувств оказался также и овщевропейским явлением, которое, по мнению Эренбурга,

угрожало уничтожить все богатые традиции старинной европейской культуры, построенной на гуманизме и интересе к человеку.

Пессимизм по поводу будущего цивилизации был сильнее всего развит именно в Германии, где Илья Григорьевич в то время жил. Поражение в Первой мировой войне и экономический кризис, который образовался на развалинах Европы, создали отличную почву для таких книг как *Закат Европы* О. Шпенглера, в которой предсказывалось, как старинная европейская культура погибнет и как передовая роль континента будет занята совершенно другой культурой. Все настроение того момента убедило Эренбурга попробовать работать с новым *телеграфным* стилем, который как нельзя лучше отражал весь этот духовный кризис. Он прекрасно чувствовал, что язык классического реализма был не в силах выразить *духовную пустоту* в головах людей после всех потрясений этой ужасной войны. Скромный стиль без каких-либо пестрых украшений отлично совпадал с серым существованием большинства людей в разрушенной Европе. В Европе, и прежде всего в Германии, царил своего рода мир *эрзац*, что Эренбург и стремился отобразить в своей прозе. Не только предложения сокращались до самой *эссенции*, но также и объем самих произведений: в литературе наступил *золотой век* короткой прозы, и Эренбург также с увлечением приступил к этому жанру.

Тематика рассказов из сборника *Неправдоподобные истории* была типичной для всего эренбургского творчества 1920-х годов — революция и конфликт мира *старого* с миром *нового*, а место действия во всех *историях* — российский быт 1920 года. *Телеграфный* язык имеет в них одновременно несколько функций. Во-первых, он выражает удивительно нейтральное отношение писателя к двум половинам российского общества: нет уже *хуренитовского* цинизма и мало едкой иронии, да и особенности выбранного стиля не позволяют писателю защищать ту или иную сторону. Отсутствие тех маленьких словечек, с помощью которых писатель обычно одобряет или, наоборот, порицает поступки своих героев, придает тексту особо нейтральный и почти безразличный оттенок. Даже мысли героев приводятся в оборванном, *телеграфном* виде: *Прокричав — выбежала. Домой не пошла. Дома блондин. Небось все знает, схватит печать свою, припечатает за волосы, и погибла душа без покаяния. Нет у нее орудия, кроме креста нательного, слова такого не знает. Вспомнила о приятеле давнем, советчике премудром, об Иване Кузьмиче. Хоть далеко до Дорогомилова, мигом добежала* [10: 524].

Во-вторых, выбрав такой стиль, Илья Григорьевич сумел в своих *историях* обратить внимание современника на чрезвычайно быстрый, рациональный темп эпохи, с которым автор сам явно не соглашался.

Эренбург в данном сборнике выразил свой страх перед машиной, с огромной силой которой мечтательный, наивный поэт Эренбург познакомился лишь на войне, где он был потрясен появлением первого танка, который, видимо, владел людьми, а не они им: *Он полз очень медленно, переступая, как гусеница, через окопы и ямы, сметая проволоку и кусты. В нем какое-то сочетание архаического и ультра-американского Ноева ковчега с автобусом XXI века. Внутри люди — двенадцать маленьких жалких пигмеев, которые наивно думают, что они им управляют* [8: 12].

Конфликт человека и машины, чувства и разума, сердца и головы занимал Илью Григорьевича так сильно, что стал с того времени постоянной темой в его творчестве. По его мнению, современное общество слишком сильно заболело механизацией и рационализмом, и поэтому он описывал чувства своих персонажей таким же образом, с внешней стороны. Опять *телеграфный* стиль ему казался самым лучшим приемом, чтобы выразить неестественность и холод этого рационализма.

Сильнее всего в сборнике *Неправдоподобные истории* это заметно у *товарища* Возова из рассказа "Ускомчел". Возов — передовой партийный деятель, который вырабатывает схему, по которой идеальный *усовершенствованный коммунистический человек* ("Ускомчел") должен жить и развиваться. Эта схема была примером рационального общества, и *разбивалась в многогранности функций на сотни треугольников с ребрами труда, развлечений, отдыха и снова впадала в широкие ворота проектируемого по электрификации общей грандиозного крематория* [11: 565]. Возов в то же время был для своего автора представителем и прототипом нового поколения людей — *людей-машин*, которые высокомерно верят, что они в силах превратить естественный хаос в природе в совершенную схему. В произведениях Эренбурга 1920-х годов этот тип людей всегда сталкивается с огромной силой этой природы, что для *механического* человека, в конце концов, всегда кончается полным поражением. Возов, например, кончает жизнь самоубийством, но перед этим мы находим в этом рассказе символический момент: старая, святая Русь в конце рассказа появляется перед глазами Возова в виде *желтого жаркого тумана: Это шла на пришельца Русь — молитвенница похотливая, каторжанка гуляющая, крест на пузо, мир объедавшее, нацепившая, смиренница, молчаливица, изуверка нежная. Знал Возов — от нее не уйти* [там же: 570]. Именно это последнее предложение отражает личное мнение автора: Эренбург свято верил в силу природы и в силу *того*, старого мира.

Еще раз Эренбург обратился к теме рационализма и механизации общественных отношений в своем втором сборнике рассказов, *Шесть повестей о легких концах*, который был написан в Берлине весной 1922 года. Литературная форма шла в такт с тематикой рассказов, так как Эренбург в них еще более увлеченно, чем раньше, занимался формалистическим экспериментом *телеграфного* языка. Илья Григорьевич в этом сборнике довел свой *телеграфный* стиль до совершенства: фразы становились еще короче и обрывались еще резче, чем в *Неправдоподобных историях*. В качестве примера я привожу абзац из рассказа *Витрион*, который как раз посвящен конструктивизму в искусстве: *Новая форма. Абстракция. Тяжесть цилиндра и шар. Треугольников зубья рвутся вперед, хватают, берут. Вращается. Ходит. Памятник новой эры. Не может стоять он, как воронье пугало* [7: 11-12]. Речь здесь идет о конструкции эренбурговского героя, художника-конструктивиста Белова, но в то же время автор в этом абзаце выразил свое личное мировоззрение. Эренбург в те годы действительно считал конструктивизм лучшим выражением духа времени, и в то же время он относился таким же образом к революции, в которой он видел постоянный процесс, который *не может стоять* на месте. Его идеалом было постоянное движение к усовершенствованию человека и общества по принципам гуманизма. Его отношение к большевистской революции было поэтому крайне двойственным. С одной стороны, Эренбург оценивал возможности, которые революция дала новым искусствам и благодаря которым Россия занимала передовое место в современном искусстве. С другой стороны, он испытывал все сильнее и сильнее отвращение к похвале разуму, на котором строилось новое, советское общество.

В конце концов, Эренбург решил попробовать свой *телеграфный* эксперимент в более крупной работе — в своем втором романе *Жизнь и гибель Николая Курбова*, который был написан с февраля по ноябрь 1922 года в Берлине и на германском побережье. Роман стал самым резким памфлетом Эренбурга против рационализации российского общества. Для этого он вновь обратился к прототипу *человека-машины*, роль которого в романе играет необычный в русской литературе герой — чекист Николай Курбов.

Весь роман построен на дуализме в российском обществе, и употребление *телеграфного* языка в этом занимает немаловажное место. Эпиграф к книге уже с самой первой страницы обращает внимание читателя на совершенно противоположные начала. Математическая формула *решения квадратного уравнения* в эпиграфе символизирует *курбовскую* половину мира — царство числа и разума, в котором нет места

для глубокочеловеческих чувств, тогда как вторая часть эпитафии, одна из строчек популярнейшей песенки того времени, *Цыпленки тоже хотят жить*, символизирует противоположный мир — мир чувств и тепла со всеми его несовершенствами. Тот же самый конфликт доминирует во всем романе, где язык играет важную роль. Когда речь идет о мире Чека, Эренбург прибегает к своему *телеграфному* стилю, с которым читатель сталкивается уже на первой странице текста: *Воздвиженка. Казенный дом, с колонками, рыжий, — дом как дом. Только не пешком — автомобили не входят — влетают, и все с портфелями. Огромный околоток, кроме нашего Ресефесера, еще с десяток республик — аджарских, бухарских, всяких. А вывеска простенькая — как будто дантист, — заржавела жестянка: "ЦК РКП"* [12: 7]. Даже портреты людей, которые принадлежат к этой *механизированной* половине общества, рисуются Эренбургом в таком же стиле: *Вскоре перекочевал в Москву. Там с одним сошелся — товарищ Сергей. Технолог. Веселый. Лицо — как поле: направо, налево гляди, простор. Небесный взгляд. Нос — недомолвка. Рот лишь в эскизе. А вместе — подмосковный пейзаж. Зря говорить о таких: "Душа нараспашку". Просто в адамовом виде, ее и запахнуть нечем* [там же: 53]. Коллеги Курбова в Чека в то же время характеризуются как настоящие аскеты, живущие лишь ради своей работы: *Аш себя во всем урезывал. Пожалуй, листок-другой изрезанной бумаги — единственная роскошь. Пайков не брал. Ел черный хлеб. Чай пил без сахара* [там же: 77].

Особенно когда автор говорит о своем *машинообразном* герое Николае Курбове, этот прием используется в сконцентрированном виде: *Фронт: Волга, степь Кубани, архангельская топь. Курбов дважды ранен. Три тифа — всех пород. Узнать ли тихого марксиста в этом кирпичном шаре под кожаным рогатым шлемом? Герой Майн Рида или наполеоновский гвардеец. Компас. Глоток воды. Отрезать отступление. Перехватить обоз. Фураж* [там же: 68].

Холодность этого мира выражается как нельзя лучше этим отсутствием литературных украшений в предложениях романа *Жизнь и гибель Николая Курбова*. В контрасте с этим стоит, например, описание кафе *Тараканий брод*, где происходит значительная часть действия, и где, по мнению Эренбурга, царит настоящая жизнь: *Оказывалось, люди идут не прямо, но скачками, вправо, влево, назад, плутают, залезают, как тараканы, в щели, годами барахтаются на спине, подрыгивая лапками; все вместе это называется жизнью* [там же: 161]. Язык рассказчика гораздо больше напоминает *нормальный* литературный язык, когда Илья Григорьевич пишет о публике этого кафе: *Когда Иван Терентьевич только открыл свою вегетарианскую с добавочным, в один из первых вече-*

ров к нему пришел Миша Мыш. Хоть был он с каланчу и весил не менее восьми пудов, но отличался детской нежностью, даже наивностью. Миша Мыш спросил чашку спирта, выпил, задумался... [там же: 93]. Портреты чувствительных персонажей, и прежде всего политической противницы Курбова в романе, Кати, вырабатываются с гораздо большим количеством украшающих речь слов. В то же время Эренбург рассказывает нам гораздо глубже о переживаниях этих людей, чем чекистов: *Где-то на бульваре присела, не зная холода и ночи. Быстро, очень быстро в душе росло огромное и страшное, разрывая крыльями грудную клетку, когтями впиваясь в мясо, — почти физическая боль. В двадцать два года Катя оставалась все той же девочкой, считавшей когда-то нотариуса злым духом, а Владимира Кузьмича прекрасным демоном. Житейского, презренного, смешного в пророчествах Наума она не разглядела, не задумалась — зачем же Наркомнац?* [там же: 114].

Развязка романа на фоне всего предыдущего логична: и в *Жизни и гибели Николая Курбова* (анти)героя ждет естественный, по мнению Эренбурга, конец — смерть. Влюбившись в Катю, Курбов понимает, что он *выбыл из строя* [там же: 191] как настоящий человек-машина — настоящая машина не может любить, и поэтому он кончает жизнь самоубийством.

Как можно было предполагать, РАППовская критика не одобряла формалистские эксперименты Эренбурга, но главным упреком было все-таки то, что Эренбург якобы сильно *клеветал без конца и без зазрения совести на революцию, революционеров, на партию и на коммунистов* [2: 10]. В пролеткультовском журнале *Горн*, наоборот, критик оценил его *ритмическую прозу* [1: 102], и эмигрантская критика также говорила об особенном ритме романа, ссылаясь при этом на влияние прозы А. Белого. Эренбург, безусловно, находился под впечатлением литературы Белого, об этом он сам признавался в своих воспоминаниях, но нельзя в то же время забывать о том, что Эренбург тоже внес свой вклад в литературный авангард начала 1920-х годов. В *телеграфном* стиле явно есть что-то очень эренбурговское. Один лишь Эренбург смог написать роман в виде *телеграммы на 200 страницах* [3: 230], в которой сам язык произведения как нельзя лучше совпадал с центральной тематикой книги — борьбой гуманного, чувствительного мира с новым, рациональным, механизированным обществом. В этом Илья Григорьевич Эренбург действительно был новатором литературного языка.

Л и т е р а т у р а

[1] *Блюменфельд В.* К искусству слова // *Горн.* 1923, № 9. С. 89-106.

- [2] *Волин Б.* Клеветники: Эренбург, Никитин, Брик // На посту. 1923, № 1. С. 9-27.
- [3] *Кизеветтер А.* Жизнь и гибель Николая Курбова // На чужой стороне (Берлин). 1923, № 2. С. 230.
- [4] Рецензия *П. Ш.* на *Шесть повестей о легких концах* // газета Рудль (Берлин) от 8 октября 1922 года.
- [5] *Эренбург И. Г.* А все-таки она вертится. Берлин, 1922.
- [6] *Эренбург И. Г.* Писатели — о себе // Новая русская книга (Берлин). 1922, № 4. С. 43-45.
- [7] *Эренбург И. Г.* Шесть повестей о легких концах. Москва-Берлин, 1922.
- [8] *Эренбург И. Г.* Лик войны. М., 1924.
- [9] *Эренбург И. Г.* Люди, Годы, Жизнь. Воспоминания в трех томах. М., 1990.
- [10] *Эренбург И. Г.* Бубновый валет // Собрание сочинений в восьми томах. М., 1990. Том 1. С. 519-527.
- [11] *Эренбург И. Г.* "Ускомчел" // Собрание сочинений в восьми томах. М., 1990. Том 1. С. 563-571.
- [12] *Эренбург И. Г.* Жизнь и гибель Николая Курбова. Роман // Собрание сочинений в восьми томах. М., 1991. Том 2. С. 7-192.
- [13] *Laychuk Julian L.* Ilya Ehrenburg. An Idealist in an Age of Realism. Bern-Frankfurt am Main-New York-Paris, 1991.

Ориентальное переводоведение и его болевые точки

© доктор филологических наук Ю. А. Сорокин, 1999

1. Недавно А. А. Брудный написал: “... великая школа перевода, существовавшая в советской империи, погибла” [2: 195, прим. 1]. И с ним нельзя не согласиться, правда, с одной поправкой: ориентальное переводоведение как часть “великой школы перевода” погибнуть не могло, ибо его у нас не было. А если оно и существовало, то в виде самого общего Плана или частно-конкретных наблюдений и советов относительно характера и сути текстов продуктивной семантики (текстов художественной литературы), функционирующих, например, в китайской, японской и корейской лингвокультурных общностях, а также в виде примечаний/комментариев (в текстах ПЯ¹), свидетельствующих, скорее, о наличии сложных теоретических и прагматических проблем, чем об их решении.

2. Но что-то у нас все-таки было? Да, были и еще есть переводчики, занимающиеся, например, созданием русских версий и “классической”, и современной китайской поэзии и прозы. Есть и были установки, негласно разделяемые всем ориентальным сообществом (и китаисты в этом отношении — не исключение) и влияющие на качество не только переводимых художественных текстов, но и на успешность формирования концептуального аппарата ориентального переводоведения. Среди этих установок (например, на сверхспециализацию и усвоение корпоративных мнений) самой пагубной являлась и является следующая: каждый китаист, японист или кореист способен переводить все и вся — в том числе и художественную литературу. Каждый востоковед — переводчик милостью Божьей: если он освоил какой-либо “экзотический” язык, то в немалой степени и потому, что успешен в пользовании родным языком и способен на его креативное использование.

3. Короче говоря, каждый востоковед — априори больше, чем востоковед: он не только профессионально авторитетен и самодостаточен, но и талантлив в литературном отношении.

Результаты такого лестного образа самого себя оказались самыми печальными: переводческая продукция Л. Эйдлина и Л. Черкасского дискредитировала старокитайскую поэзию (ее образно-тропологическую и эмотивно-когнитивную ценность), а переводские опусы Г. Ярославцева (и многих других, а имя им — почти легион) —

¹ ПЯ — язык перевода.

новокитайскую. Исключения, конечно, встречаются: это переводы, но не все, И. Голубева и А. Гитовича, а также часть переводческих версий, предложенных М. Басмановым. Нетривиальным, возможно, окажется и подход Б. Вахтина, чьи переводы Мэн Хаожаня (и других танских поэтов) еще не опубликованы: в последние свои годы он усиленно отыскивал новые “технологические” приемы, адекватные/квазиадекватные сути классической поэзии.

4. Переводы старокитайской прозы, предложенные В. М. Алексеевым, остаются эталонными. Но его опыт можно лишь держать в уме, он непередаваем (не транслируем/не интериоризуем) в силу уникальности алексеевского идиолекта. Ближе всех к нему оказываются переводы О. Фишман.

Если взять последние по времени переводы новокитайской прозы, то о них можно сказать, что они характеризуются и лексической, и стилистической, и синтаксической дефектностью. Это переводы, не имеющие своего лица, “стремящиеся” к шаблонизованности/стереотипизации, а не к индивидуализации.

Приведу лишь некоторые примеры (оставляя в стороне третий вид дефектности):

- 1) “... Мань Цзянхун движением головы стряхнул со лба волосы...”,
- 2) “... остановил парня и девушку, руководивших скандированием...”,
- 3) “... уши набрякли...”,
- 4) “... Ху из красного уже стал синим, а глаза еще больше выросли...”,
- 5) “... и ты лишь ощущаешь, что желудок приходит в движение...”,
- 6) “... взобрался на коляску...”,
- 7) “наблюдая за Взем на фоне Гуна...”, “... наконец-то и Гуну укорот вышел...”,
- 8) “на отмели посреди заболоченного участка...”,
- 9) “она... стала другой рукой двигать в свою сторону посохом, цепляя набалдашником за пустые коробки”,
- 10) “белая курятина быстро исчезала в его тонких красивых губах” [3: 22, 24, 37, 45, 55, 119, 164, 197, 243, 255, 268],
- 11) “... река красива, но и деревня по своему изяществу не уступает ей”, “... все это стоило того, чтобы быть запечатленным на картине”,
- 12) “... смастерила куртку на подкладке и с пуговицами”,
- 13) “... стол с подвижной настольной лампой...”,
- 14) “... родом с околицы” [7: 37, 41, 46, 47].

Особенно показательны когнитивные шумы, свидетельствующие в одном случае о недостаточной осведомленности (денотатный провал) Н. Захаровой и С. Кострыкина в тех реалиях, которые они реконструи-

руют в переводном тексте, в другом — о невнимании к “игре” персонажей в микроэпизодах.

Первый случай: “А в это время по обе стороны галереи... выстроились люди, сгорбленные фигурки которых скрываются под *холщовыми мешковинами*...” [3.] Ср.: “Холст. м. холстина... простая, грубая ткань льняная и конопляная, толстое полотно. <...> Мешок, из холстины, холстинный, холстяной, холщевный... [5, IV:560]; “мешковина. ж. редница, грубый холст из выческов, на мешки” [5, II: 372], “... ре(я)днина... ж. грубый деревенский холст, по реденькой основе и с самым легким прибоем...” [5, IV: 120]².

“Смотрите, даже цоколь под внутренние стены подведен” [3: 164]. Ср.: “Цоколь, -я, м. 1. Нижняя часть наружной стены здания или нижняя часть какого-либо сооружения, лежащая непосредственно на фундаменте и несколько выступающая вперед по сравнению с расположенной выше частью” [8, IV: 648]³.

Денотативная расфокусировка наблюдается и в следующем фрагменте: “Часть земли, которая раньше была под пшеницей, Невестка засеяла соей и теперь переживала, что все поле покрыто плетью бахчевых, но *обрезать* их было нельзя. Как-то утром она обнаружила, что плети кто-то *срезал*. Случись *такое* раньше, она подняла бы *такой* крик, что вся деревня долго не смогла бы уснуть. А сейчас она молча прикопала оставшиеся плети” [7: 41]. Ср.: “Соя, род однолетних трав сем. бобовых” [9: 1250]; “Соя... род растений сем. бобовых [1: 597]; “Бобовые, порядок... двудольных растений и его единств. семейство [...], включающее 3 крупных подсемейства: мимозовые... цезальпиниевые... и собственно бобовые, или мотыльковые... <...> В подсем. собственно бобовых преим. травы... <...> Богатые белком семена нек-рых из них — пищ. продукты (горох, фасоль, соя, бобы, чечевица, нут, арахис и др.)” [там же: 75]; “Бобовые, семейство двудольных растений, имеющих плод — боб. <...> Среди Б. есть прод. культуры (фасоль, горох, соя и др.), кормовые (клевер, вика, люцерна и др.), техн. декор. р-ния и т. д.” [9: 148]; “Бахчевые культуры, группа возделываемых растений сем. тыквенных (арбуз, дыня, нет-рые виды тыквы)” [там же: 116]; “Бакча, бакша, бахча... огород в поле, в степи, не при доме; на поднятой плугом целине (новине, непаши) разводят: особ. арбузы, дыни, тыквы, огурцы,

² Словом, “холщовая мешковина” - это масляное масло и ледяной лед.

³ В данном случае акцентируются те признаки денотата, которые, несомненно, являются факультативными и искажающими его структуру.

также кукурузу, подсолнечники, иногда и лук, чеснок, морковь и другие овощи”[5, I: 40]⁴.

Второй случай: “Дети есть дети. В эти дни их занимала одна мысль — как сорвать несколько ароматных плодов. Особенно были озабочены те, кто еще не попал под горячую руку Невестки. И вот первый мальчишка оказался в ее руках. Несмотря на то, что в результате покушения была разбита губа и струйка крови медленно ползла по подбородку, Невестка бровью не повела. Отчаянно ругаясь, она выпустила из рук жертву” [7: 38]⁵.

5. Вопреки мнению Гао Мана — его заметка-предисловие к переводам, опубликованным в “Нашем современнике”, называется “Нет, это не сон!”, — сон нам все-таки снится. И если не дурной, то дядюшкин, хотя, конечно, можно утешать себя, считая, что в “сегодняшней литературе происходят серьезные изменения, она зреет и набирает силу. Появились новые темы, выразительные средства. Остались писатели, верные традиционному творческому методу реализма, но и появилось немало таких, кто смело заимствует и впитывает лучшее из современных направлений других стран” [4: 34].

Вряд ли авторов, представленных и во “Взлетающем фениксе”, и в “Нашем современнике”, следует считать теми, “кто смело заимствует и впитывает лучшее”. “Новые темы и выразительные средства” также остаются вне пределов их возможностей. Эти авторы представляют тот срез китайской художественной литературы, которая до сих пор остается литературой на побегушках, сервильной литературой, литературой манекенов, играющих роль наглядных средств на уроках социализации.

6. Конечно, не вся китайская литература такова. Есть, например, Ван Мэн и А Чэн, Бэй Дао и Ян Лянь, по-иному вписывающиеся в общий горизонт литературы. Он не должен сужаться в угоду корпоративным и личным взглядам переводчика (считающего, например, что мань небесной мы должны ждать только от “деревенской прозы”).

Переводчик — лишь медиатор. И чем меньше у него “точек зрения” — тем лучше.

7. Неоспоримо, по-видимому, и другое: удачный перевод — это, прежде всего, такой перевод, который опирается на психотипическую сходимость автора (исходного текста) и переводчика (см. в связи с этим [6]).

⁴ И далее в этом же фрагменте: “Да и какой еще будет урожай бобовых — все равно это не повлияет на семейный бюджет” [7: 42].

⁵ Вряд ли стилистически оправданно соседство “под горячую руку” и “оказался в ее руках”. Лучше было бы сказать: “Невестка и бровью не повела”. И кто все-таки оказался жертвой покушения?

Если в ориентальном переводе приживется и этот принцип, то можно ручаться за положительное итоговое воздействие теста на ПЯ на читателей.

Л и т е р а т у р а

- [1] Биологический энциклопедический словарь. М., 1995.
- [2] Брудный А. А. Психологическая герменевтика. М., 1998.
- [3] Взлетающий феникс. Современная китайская проза. МГУ, 1995.
- [4] Гао Ман. Нет, это не сон! Разговор с русскими читателями о современной китайской литературе // Наш современник. 1997, № 12.
- [5] Даль В. И. Толковый словарь живого Великорусского языка. М., 1955. Тт. I, II, IV.
- [6] Красильникова В. Г., Сорокин Ю. А. Русские художественные версии текстов Джима Моррисона // Язык, сознание, коммуникация. М., 1998. Вып. 5.
- [7] Наш современник. 1997, № 12.
- [8] Словарь русского языка. М., 1994. Т. IV.
- [9] Советский энциклопедический словарь. М., 1983.

Об одном женском образе в поздней лирике Булата Окуджавы

© кандидат филологических наук М. В. Тростников, 1999

Одной из жемчужин поздней поэзии Б. Окуджавы является его знаменитый романс:

*В моей душе запечатлён портрет одной прекрасной дамы.
Её глаза в иные дни обращены.
Там хорошо, там лишних нет, и страх не властен над годами,
и все давно уже друг другом прощены.*

Текст этой песни настолько известен, что приводить его целиком, видимо, не имеет смысла. Но основное содержание произведения, и особенно главный образ — Дамы, явно пришедшей из рыцарских времён, из куртуазных романов и пытавшихся повторить их портретов и образов XVIII века остаётся загадочным, как не менее загадочна улыбка Джоконды. В чём же секрет «прекрасной дамы» одного из наиболее одухотворённых поэтов нашего времени?

Почтительное, нежное, почти обожествляющее отношение Окуджавы к женщинам известно. Среди них и «московская богиня» в лёгком пальтишке, и «припортовые царевны», которые «к ребятам временным спешат», и просто «женщина моя», достойная того, чтобы ей «пропели славу», и жена, мать, сестра, глядящая в бритые затылки уходящих на войну мужчин, и многие другие. Единственным исключением является ранняя песня «А ну, швейцары, отворите двери», где упоминаются «наши девочки» и «шлюхи», но этот пример единичен. В остальном же разговор о женщине всегда возвышен, всегда поэтичен, но всегда в таких случаях Окуджава говорит именно о женщине. Даже в «Обращении к новогодней ёлке», где по меткому замечанию Г. Старовойтовой речь в частности идёт о том, как празднование Нового года «поглотило» праздник Рождества, Богоматерь называется женщиной: *женщины той осторожная тень в хвое твоей затерялась*. Везде и всегда женщина, а тут вдруг Дама! Можно сослаться на историзм и стилизованность романса, но это слово встречается у Окуджавы ещё один раз, причём в контексте, казалось бы, диаметрально противоположном. Юмористически описывая фантазмагорическую картину, когда вдруг все большие поэты станут большими начальниками и начнут вершить судьбами простых смертных, поэт пишет:

*Часто снятся по ночам кабинеты эти,
не сегодняшние — нет,
завтрашние — да:
самовары на столе, дама на портрете.
Просто стыдно по пути не зайти туда.*

Самовар, разумеется, перекочевал из стихотворения «Чаепитье на Арбате»:

*Самовар, как бас из хора
Напевает в Вашу честь.
Даже чашка из фарфора
У меня, представьте, есть.*

Ну кто, скажите, ставит самовар в современной московской квартире или, тем более, в чиновничьем кабинете?! Тут уж в пору Жванецкого вспоминать: «И самовар у нас электрический, и сами мы довольно неискренние». Нет, самовар для Окуджавы — символ тепла, уюта, дома, единения. Помните у Булгакова: «Никогда не снимайте абажур с лампы!»?

А что же дама? Что она делает в кабинете чиновной метрессы, куда «просто стыдно не зайти» поэту в потёртом пиджаке и ботинках «прощай, молодость», каким его впервые увидел Е. Евтушенко? Министр культуры Фурцева к тому времени давно была снята с поста и висеть не могла (стихотворение написано в середине 70-х гг.), единственная женщина-член ЦК Бирюкова не могла присутствовать «по чину» (да и была ли она тогда членом ЦК?). Портрет же некоей «la Dame de temps jadis», как легко догадаться, ещё менее вероятен. Над столом крупного начальника мог висеть портрет либо главы государства, либо главы правительства, либо главы соответствующего ведомства, либо самого основоположника (до сих пор из детства сохраняется в памяти этот иконостас на почте: Маркс — Косыгин — Псурцев <тогдашний министр связи>).

Фигура этой дамы приобретает очертаемые формы, если мы обратимся не только к тексту, но и к его предыстории. Во время одного из первых исполнений этого стихотворения (тогда ещё не песни) Окуджава говорил, что сочинил его, стоя в очереди в автосервис, куда «слева» постоянно въезжали знакомые мастеров и важные люди, а сам он всё стоял и стоял (не правда ли, похоже на историю создания Oh, mummy blue в рождественской пробке в Париже?). И вот тогда поэт стал фантазировать, что случилось бы, если бы его друзья-литераторы вдруг стали большими начальниками:

Робость давнюю свою я тогда осилю.

*Как пойдут мои дела, можно не гадать:
зайду к Юре <Трифонову> в кабинет, загляну к Фазилю
и на сердце у меня будет благодать.*

<Искандеру>,

*Зайду к Белле <Ахмадулиной> в кабинет, скажу, здравствуй,
Белла,*

*Скажу, дело у меня, помоги решить.
Она скажет: ерунда, разве это дело,
И, конечно, мне тогда станет легче жить.*

Все перечисленные высокие чиновники — литераторы. Следовательно, и покровительница у них может быть только одна — муза. Именно она по логике развития образа должна висеть в кабинете чиновного бонзы, пусть и литератора в девичестве. Похожий приём за десять лет до Окуджавы использовал Эльдар Рязанов в фильме «Берегись автомобиля». Там в кабинете следователя Максима Подберёзовикова вместо положенного по штату Дзержинского висел портрет Станиславского.

Итак, запечатлённый в душе поэта портрет прекрасной дамы — это портрет музы. Но каковы отношения автора с этим портретом, с этой дамой? Что говорит он ей и что отвечает она ему? Обратимся вновь к тексту песни:

*Её глаза в иные дни обращены.
Там хорошо, там лишних нет, и страх не властен над годами,
и все давно уже друг другом прощены.*

Оппозиция «там» — «здесь» вошла в русскую культуру с переводом Жуковским «Песни Миньоны» Гёте из «Странствий Вильгельма Мейстера». Вошла настолько глубоко, что несколькими десятилетиями спустя Тютчев называл эту оппозицию, это стихотворение «общим местом русской (sic!) поэзии». Не станем разбирать трансформацию взаимоотношений идеала и реальности в русской литературе XIX века от гётевского «Dahin! Dahin!» до фофановских «Здесь и Там». Скажем лишь, что образ музы с течением времени постепенно снижался. Из державинской богини она сперва стала наставницей Пушкина, потом — подругой Баратынского, униженной и избиваемой крестьянкой Некрасова, боевой подругой, зовущей на баррикады Делакура — Фофанова, незнакомкой Блока, «Незримой» и «Таинственной» Анненского, феллиниевской шлюшкой a la Sabigia Вознесенского. Глаза музы Окуджавы обращены в иные, прошедшие дни. Не случаен интерес Окуджавы-романиста именно к истории, причём, романтической, возвышенно-нереальной. Первая

его прозаическая вещь — «Будь здоров, школяр» так и осталась единственной повестью, посвящённой современности. Не случайно в одной из самых своих популярных песен он пел *«и поручиком в отставке сам себя вообразал»*, а в одном из интервью говорил, что мечтал бы быть мелкопоместным дворянином начала прошлого века, тихо и мирно живущим в своём родовом поместье, таким вариантом старика Дубровского, добавили бы мы.

Но оппозиция «здесь» — «там» неизбежно вторгается в романтическую словесность, подчас в тех местах, где мало кто её появления ожидает. И уже следующий куплет переносит нас в современный мир:

*Ещё покуда в честь неё высокий хор звучит хвалебно,
и музыканты все в парадных пиджаках.
Но с каждой нотой, Боже мой, иная музыка целебна,
и дирижёр ломает палочку в руках.*

Появляющийся в третьей строке союз «но» начисто перечёркивает начавшую было намечаться идиллию союза музыканта, художника и музы, их общую обращённость к иным временам. «Иная» музыка начинает проявляться в процессе исполнения произведения, вплетается в его ткань, и дирижёр ломает свою палочку. При этом характерно, что служители муз у Окуджавы всегда одеты в обыденную, а не концертную одежду: музыкант мечтает о новом плаще, а не новом фраке, как Аркадий Счастливцев, музыканты стоят в пиджаках, да и сам поэт слагает гимн именно старому пиджаку, не в этом ли символика образа?

Дирижёр, разумеется, сам Окуджава, которого таковым не признавали лишь принципиально отделившийся от мира бардов А. Галич и считавший себя основоположником жанра М. Анчаров (впрочем, начисто забытый к концу 60-х). А. Дольский выразил эту мысль прямо:

*Почему вы молчите, маэстро?
Неужели вы бросили крест?
И у пюльта пустует место,
И фальшивит без вас оркестр.*

А на первом гала-концерте бардов в Лужниках в 1985 г. после песни В. Егорова, заканчивавшейся словами *Летит наш белый клин, которому названья нету, // А впереди вожак, которого зовут Булатом*, на пустой сцене повисала двухминутная пауза, и лишь тогда, последним на сцену выходил сам метр, и к его ногам, как к монументу, девушки слагали цветы.

Но дирижёр ломает палочку, т.е. он перестаёт сочинять, служить своей музе, той даме, портрет которой запечатлён в его душе. Но нет.

Последнее неверно. Или, скорее, неточно. С возрастом и опытом приходит осознание содеянного. И отсюда горькие строки:

*Не оскорблю своей судьбы слезой поспешной и напрасной,
но вот о чём я сокрушаюсь иногда:
ведь что мы сами, господа, в сравненье с дамой той прекрасной,
и наша жизнь, и наши дамы, господа?*

Интересно провести параллель между этими словами и одним из «культовых» произведений 60-х гг. «Понедельник начинается в субботу» братьев Стругацких. В этом романе фигурирует директор института Янус Полуэктович, который произвёл над собой эксперимент и начал жить в обратном направлении: наше сегодня для него — вчера, а наше вчера — завтра. Узнав об этом, авторы со свойственным 60-м задором ужасались трагедии человека: они шли вперёд к светлому будущему, а он двигался назад ко мрачным временам царизма.

Умудрённый житейским и эстетическим опытом старый бард, кстати, один из отцов «собственно шестидесятничества», прекрасно понял на склоне лет, что ничего хорошего ни настоящее, ни будущее не несёт:

*Она и нынче, может быть, ко мне, как прежде, благосклонна,
и к ней за это благосклонны небеса.
Она, конечно, пишет мне, но... постарели почтальоны,
и все давно переменились адреса.*

Именно поэтому глаза его дамы в отличие от гётевской Миньоны обращены «в иные дни», где хорошо, где «лишних нет, и страх не властен над годами, и все давно уже друг другом прощены».

«Иной» мир оказывается лучше этого мира, «иные дни» — лучше нынешних, «там», где всё было и всё есть, может быть, найдётся и место для поэта.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Тест: каноны жанра и принцип коммуникативности

© Л. Н. Булгакова, Е. А. Зелинская,
кандидат филологических наук В. В. Красных, 1999

Проблема коммуникативности в тестовой продукции вызывает в последнее время особый интерес исследователей, о чем свидетельствует появление целого ряда публикаций (см., напр., [1]). Не рассматривая подробно существующие точки зрения, мы ограничимся изложением нашего понимания принципа коммуникативности. В основе его лежит дискурсный подход к коммуникации и пониманию процесса коммуникации как социального взаимодействия (см. работы современных психолингвистов). Это никоим образом не противоречит взглядам ведущих тестеров Европы и России (см. [2]), которые считают, что “учащиеся, находясь в иноязычной среде, должны быть способны выполнять задачи, с которыми они сталкиваются в ситуациях, возникающих в различных сферах социальной жизни. Реализуя коммуникативные задачи, учащиеся должны выполнять комплекс речевых действий, направленных на продуцирование и рецепцию текстов¹. Темы текстов, в свою очередь, определяются задачами, которые должны осуществить учащиеся, оказавшись в соответствующих ситуациях” [3: 8].

Однако мы считаем необходимым более подробно остановиться на некоторых аспектах и более четко их оговорить, что позволит уточнить наши собственные позиции. Поскольку в конечном счете объектом тестирования является коммуникативная компетенция (вернее — ее уровень; см. [4]), то “ядром” всех построений служит дискурс, понимаемый как вербализованная речемыслительная деятельность, включающая в себя как собственно-лингвистические, так и экстралингвистические (когнитивные) компоненты; дискурс предстает как совокупность процесса и результата, в которой одновременно манифестируются языковое сознание (как феномен), речевая деятельность (как процесс) и язык (как система). Принцип коммуникативности предполагает не “слепок” с некоторой реальной (объективной, действительной) ситуации общения, но

¹ Правда, в связи с данным тезисом возникает вопрос: на что еще могут быть направлены речевые действия?

более глубинную, содержательную обработку факторов, обуславливающих тот или иной вид конкретного коммуникативного акта.

Составление любого теста предполагает следующие этапы:

- * отбор материала (в самом широком смысле) и выделение объектов контроля);
- * организация материала: подбор наиболее оптимальных тестовых заданий, формулирование инструкций для тестируемых;
- * определение способов регистрации результатов;
- * обработка и оценка результатов тестирования.

Каждый из указанных этапов имеет определенные, достаточно жесткие каноны, которые были выработаны в процессе развития тестологии и на сегодняшний день являются общепринятыми. Основные каноны жанра, пришедшие из информационных и психометрических тестов, обуславливают определенную некоммуникативность тестовой продукции, поскольку основным объектом контроля в указанных тестах являются элементы знаний (например, мнемы) или единицы некоторых характеристик. В языковых же тестах основным объектом контроля является уровень коммуникативной компетенции (в том числе — сформированности навыков и умений), что по определению требует соблюдения принципа коммуникативности. В связи с чем и возникает трудноразрешимое на первый взгляд противоречие между уже существующими канонами, с одной стороны, и установкой на коммуникативность — с другой. Наш собственный опыт создания тестов (Тест по русскому языку для иностранцев, М., 1995; квалификационный тест по русскому языку для ООН; Типовые тесты по русскому языку в сфере делового общения, уровни I-III и др.) позволяет сделать вывод о возможности своего рода компромисса между этими “антагонистами”. Попытаемся показать на конкретном тестовом материале, как они могут, разумно сочетаясь, сосуществовать в пределах одного теста. Будучи ограничены рамками короткой статьи, мы подробно остановимся лишь на некоторых моментах, которые представляются нам достаточно иллюстративными.

Прежде всего рассмотрим, как сочетание канонов жанра и принципа коммуникативности отражается на структурировании объекта контроля. Ограничимся анализом нарушения двух основополагающих тестовых канонов, один из которых “требует”, другой “запрещает”, и попытаемся проследить/обозначить некоторые новые тенденции в структурировании объектов контроля.

Канон требует соблюдения *принципа одной трудности*. Однако, исходя из принципа коммуникативности, мы считаем возможным “нарушить” данный канон, укрупняя объект контроля. Так, например, знание видовременной системы русских глаголов проверяется нерасчленно,

совокупно, т. е. материал предстает так, как он существует в русском языковом сознании. Например (Тест по русскому языку для иностранцев):

67. Я в первый раз слышу об этой статье. Я ее _____.	(А) не прочитаю (Б) не буду читать
68. — Ты можешь вернуть мне статью через час? - Нет, так быстро я эту статью _____.	(В) не читал (Г) не прочитал
69. Все говорят, что статья не интересная, пожалуйста, я ее _____.	
70. К сожалению, я не могу вернуть тебе журнал. Я еще _____ статью до конца.	

Укрупнение объекта контроля, обусловленное принципом коммуникативности, возможно не только в тесте “Грамматика.Лексика”, но и в других специализированных тестах. Например, в тесте “Аудирование” для того, чтобы ответить на вопросы о социальных ролях (позициях) коммуникантов и/или месте действия, необходимо понять звучащий текст в целом и соотнести понятое с набором реальных коммуникативных ситуаций (определенных Стандартом). Например (Типовые тесты по русскому языку в сфере делового общения, уровень I):

- Мужчина:* Добрый день, Татьяна Борисовна! Есть какие-нибудь новости?
- Женщина:* Добрый день, Леонид Станиславович. Вам звонили наши партнёры из Гонконга и уже два раза звонил г-н Тирадо. Я сказала, что Вы будете после двух.
- Мужчина:* Очень хорошо. Что ещё?
- Женщина:* Вот Ваша корреспонденция. Всё пришло сегодня утром.
- Мужчина:* Спасибо... Так... письмо из Германии... от наших партнёров из Санкт-Петербурга... Хорошо... Да, кстати, пришёл ответ из Таллинна?
- Женщина:* Да, они прислали нам факс час назад. Вот он.
- Мужчина:* Спасибо, я всё сейчас посмотрю.

- Это диалог _____.
- (А) на почте
(Б) в офисе
(В) в гостинице
(Г) на выставке

Мужчина и женщина _____.
 (А) являются партнёрами
 (Б) живут в одном доме
 (В) работают в одной фирме
 (Г) работают на почте

Канон запрещает смешивать в одном операционном поле единицы различной “морфологической природы”, однако мы “нарушаем” и этот канон, моделируя в операционном поле зону ошибки (на основе данных банка ошибок инофонов). Например (Тест по русскому языку для иностранцев):

74. Когда _____ домой, не забудь зайти в магазин за хлебом.	(А) возвращаясь (Б) возвращаешься (В) вернешься (Г) будешь возвращаться
---	--

Особенно уязвимым указанный канон оказывается, когда объектом контроля являются способы выражения предиката. Например (Тест по русскому языку для иностранцев):

80. План Вашей поездки еще не готов. Он сейчас _____.	(А) обсуждают (Б) обсуждается (В) обсуждающийся (Г) обсуждаемый
---	--

Следует отметить, что в языковых тестах коммуникативной направленности наблюдаются некоторые *новые тенденции* в формировании операционного поля, диктуемые принципом коммуникативности, как-то: моделирование зоны ошибки (о чем говорилось ранее), запрет на использование заведомо неправильных и/или не существующих в языке единиц, включение в набор вариантов выбора цельных семантико-смысловых фрагментов высказываний, а не отдельных языковых единиц, например, средств связи (предлогов, союзов). Например (Тест по русскому языку для иностранцев):

107. Я спросил Марину, _____.	(А) видела ли она сегодня Виктора (Б) что она видела Виктора (В) если она видела Виктора (Г) если бы она видела Виктора
-------------------------------	--

Из приведенных примеров следует, что на этапе отбора материала, выделения и структурирования объектов контроля явно доминирует принцип коммуникативности.

Однако дифференциальными признаками тестовой продукции являются специфическая организация и определенные правила предъявления материала, что собственно и делает тест тестом. И именно на этом этапе соблюдение канонов есть *conditio sine qua non*. Но и здесь принцип коммуникативности вносит свои коррективы. Однако в данном случае это приводит не к нарушению канонов, а к их модификации.

Так, задание “*Выберите ВСЕ возможные варианты*” есть не что иное, как модификация задания на исключение лишнего элемента системного множества (“исключите лишнее”). Мы остановились на такой формулировке задания, поскольку старались сохранить позитивную установку на выбор, свойственную реальной коммуникации. Подобные задания как раз и выполняются при сохранении данной установки. Например (Типовые тесты по русскому языку в сфере делового общения, уровень II и Тест по русскому языку для иностранцев):

34. Мы уже получили предложение от фирмы, _____.	(А) выпускающей аналогичную продукцию (Б) которая выпускает аналогичную продукцию (В) на которой выпускается аналогичная продукция (Г) выпускающая аналогичную продукцию
42. Надеемся, что разногласия по этому вопросу были устранены _____.	(А) , проведя переговоры (Б) в ходе переговоров (В) , проводя переговоры (Г) , когда мы проводили переговоры
54. Он перенёс _____.	(А) тяжёлую операцию (Б) машину в гараж (В) встречу на завтра (Г) кресло к окну

Что касается заданий на грамматическую семантизацию (например, причастий, деепричастий, отглагольных существительных), то они представляют собой перенос канонического приема семантизации лексических единиц: это тот же выбор синонимов, но в роли вариантов выбора

выступают более крупные единицы — фрагменты высказываний. Например (Тест по русскому языку для иностранцев):

93. <u>Проведя</u> только 3 дня в Москве, он успел многое увидеть.	(А) Когда он провел (Б) После того как он провел (В) Хотя он провел (Г) Так как он провел
96. Ученые не надеются <u>на улучшение</u> экологической ситуации в ближайшем будущем.	(А) , что экологическая ситуация улучшается (Б) , чтобы экологическая ситуация улучшилась (В) , что экологическая ситуация улучшится (Г) , если экологическая ситуация улучшится

В организации и предъявлении материала также можно отметить новые тенденции, обусловленные принципом коммуникативности. Установка на создание максимального психологического комфорта для тестируемого привела к подчеркнутой ориентации тестовых материалов на пользователя (student-centred principle). Отсюда и унифицированное пространственное расположение, и графическое оформление представляемого материала: четкое выделение двух полей — основного и операционного (впервые было представлено в “Абитуриент-тесте”). Это позволило также унифицировать задание для тестируемого: “*Выберите правильный вариант*” / “*Сделайте правильный выбор*”. Причем это может быть выбор словоформы, префиксального деривата глагольного корня, фрагмента высказывания, отдельного высказывания. Эта же формулировка может использоваться и при другом расположении материала, например, там, где в качестве вариантов выбора выступают законченные тексты. Например, в тесте “Чтение” (Типовые тесты по русскому языку в сфере делового общения, уровень II) задание сформулировано следующим образом:

Вы получили четыре письма от своих партнёров.

Прочитайте тексты четырех писем: (А), (Б), (В) и (Г).

20. Найдите письмо, в котором партнеры сообщают об отказе на поставку товара. Выберите правильный вариант и отметьте его на матрице.

21. Найдите письмо, в котором партнеры сообщают о переносе сроков поставки. Выберите правильный вариант и отметьте его на матрице.

Иначе говоря, варианты выбора в данном случае представлены текстами четырех писем.

Следует отметить, что указанные новые тенденции не нарушают и не разрушают уже существующие каноны и вполне вписываются в систему дифференциальных признаков теста как особого жанра.

Установка на создание психологического комфорта пользователя влияет и на предъявление материала. Так, например, в тесте “Аудирование” в некоторых случаях допустимо двукратное предъявление звучащих текстов. Нельзя не согласиться с тем, что в реальной коммуникации такая ситуация не частотна, но не следует забывать, что любой контроль есть смоделированная, экспериментальная ситуация.

В рамках одной статьи мы не могли охватить весь спектр вопросов, связанных с заявленной проблемой. Но даже краткое рассмотрение возможных путей ее решения позволяет, на наш взгляд, говорить о принципиальной возможности сочетания казалось бы трудновосместимых принципов построения теста: следования канонам жанра, с одной стороны, и соблюдения принципа коммуникативности — с другой. Вопросы, затронутые в настоящей статье, могут явиться предметом дальнейшего обсуждения, поскольку совершенно очевидно, что в российской тестологической школе идет процесс становления нового типа теста — языкового теста коммуникативной направленности.

Л и т е р а т у р а

- [1] *Преподаватель*. Информационно-аналитическое издание Совета по педагогическому образованию. М., 1998. Выпуск 4(6). Специальный выпуск.
- [2] *ALTE News*. January, 1997.
- [3] *Норейко Л. Н.* Современное лингводидактическое тестирование в свете коммуникативной теории // *Преподаватель*. М., 1998. Вып. 4. С. 8-10.
- [4] *Попова Т. И., Юрков Е. Е.* Уровень коммуникативной компетенции как объект тестирования // *Преподаватель*. М., 1998. Вып. 4. С. 10-17.

Компьютерные технологии в проблемном обучении языку

© кандидат педагогических наук *О. И. Руденко-Моргун, 1999*

Переход от информативных к активным методам обучения – одно из основных направлений современной дидактики. Активные методы обучения, как известно, предполагают развивающие, активизирующие, интенсивные, проблемные, игровые способы организации и управления учебным процессом. При этом знание не прямо сообщается учащемуся, а формируется в результате внешних действий – упражнений, в процессе которых через постановку поисково-проблемных задач осуществляется взаимодействие учащихся со специально организованным содержанием обучения. Такую организацию учебной деятельности обычно называют проблемным, развивающим обучением, «обучением через открытие». Освоение неродного языка больше всего нуждается в подобных формах работы, так как живое человеческое общение – это, по своей сути, непрерывный процесс решения проблемных ситуаций. Очевидно и то, что корректным образом поставленная учебная коммуникативная задача по своей сути является проблемной.

Проблемно-поисковый метод обучения получил в 70-е годы широкое распространение в практике преподавания различных дисциплин. В рамках данной системы разрабатываются различные виды учебной деятельности: проблемные эвристические беседы, проблемное изложение учебного материала, выполнение заданий проблемно-поискового характера. В области преподавания языка, где такая форма обучения, как лекция, отсутствует, и на первый план выступает практическое занятие, число участников которого ограничено, все три вышеперечисленных вида деятельности тесно взаимодействуют, и поэтому всегда рассматриваются в совокупности. Единство практики и теории на уроках русского языка требует от учителя не только организации учебного общения, но и постоянного анализа и обобщения предъявляемых языковых фактов. Поэтому преимущества проблемного обучения для этой дисциплины подчеркивают многие ученые (Г. Г. Городилова, Г. И. Рожкова и др.), и одна из важных задач методики – создание условий для его организации.

Как показывает практика, эта задача еще далека от своего решения. На уроке опытного преподавателя можно увидеть все виды деятельности, направленные на «обучение через открытие» – эвристическую беседу, проблемное объяснение, проблемно-поисковые задания для учащихся-

ся: учитель сам разрабатывает систему вопросов и заданий, учитывая индивидуальные особенности своих учеников. Таким образом, результат напрямую зависит его квалификации. С другой стороны, эта форма обучения требует больших интеллектуальных усилий и со стороны учащихся, поскольку учитель в данном случае выступает только как консультант, в тесном сотрудничестве с которым ученики ищут решение, а не как наставник, предлагающий его в готовом виде.

Кроме того, следует отметить, что преодолеть трудности в создании объективной проблемной ситуации для преподавателя значительно проще, чем спрогнозировать следующую за ней субъективную проблемную ситуацию: те интеллектуальные затруднения (всегда индивидуальные), которые будут испытывать учащиеся, и подготовиться к их разрешению. При коллективном обсуждении задачи всегда существует опасность, что некоторые менее активные участники общения либо не до конца понимают смысл задания, либо не подготовлены по разным причинам к усвоению знания в такой форме, либо вообще не способны к партнерству в силу своих психологических особенностей, либо ждут готового ответа, не желая вникать в процесс решения.

Практика обучения показывает, что коллективное обсуждение какой-либо проблемы проходит эффективнее, если предварительно каждый учащийся пытался справиться с задачей самостоятельно. Именно поэтому организация проблемного обучения сводится в итоге к организации эффективной полноценной самостоятельной индивидуальной деятельности учащегося, к управлению этой деятельностью и контролю над ней. Имеется в виду, что преподаватель должен поставить корректную задачу, выделить все возможные трудности, которые могут возникнуть при ее решении, обеспечить студента всеми необходимыми материалами и организовать доступ к ним, указав возможные пути поиска, проконтролировать ход работы.

Всесторонний анализ данного вопроса позволил нам сделать вывод о том, что идеи проблемного обучения достаточно успешно реализуются в компьютерной дидактике, которая располагает набором средств, позволяющих автору дидактического материала моделировать проблемные коммуникативные ситуации (при необходимости с помощью средств мультимедиа приближая их к реальным условиям общения) и поведение в них учеников, предоставлять для обеспечения их деятельности исчерпывающий практический и теоретический материал и, что особенно важно, обеспечивать гибкое управление работой, контролируя как промежуточные стадии обучения, так и конечный результат.

В качестве примера приведем такую компьютерную программу, как «Падежный детектив» (созданную в самом начале развития направле-

ния, почти 10 лет назад), неоднократно описанную в различных исследованиях и достаточно известную специалистам. В ее основе лежит принцип познания языковых и речевых закономерностей русского языка путем выявления их «методом открытий» – не даром жанр программы определен авторами как лингвистическая игра-исследование. С самого начала, в тестовой части программы, перед учащимся, начинающим изучать русский язык и, как правило, не имеющим представления об особенностях русской падежной системы, ставится проблема – собрать разорванную записку, написанную на языке, которого он пока еще не знает, самостоятельно или используя словарь. Как показали многолетние наблюдения, оказавшись в этой ситуации, иностранцы, в подавляющем большинстве имеющие предшествующий опыт изучения европейских нефлективных языков и экстраполирующие его на новую языковую систему, обращаются к словарю и сразу сталкиваются с проблемой: отсутствием на словарной странице искомой формы слова. Так, авторами намеренно организуется «ситуация непонимания», цель которой наглядно продемонстрировать особенности русского формообразования и сориентировать учащегося на их освоение с тем, чтобы решить задачу перевода таинственной записки. Не справившись с тестовой частью программы, учащийся обращается за помощью к компьютерному учителю – «знатоку русского языка доктору Граммеру», шесть уроков которого должны помочь ему собрать и перевести записку.

Рассмотрим, как организованы в данном компьютерном курсе, ориентированном на «обучение через открытие», этапы предъявления и закрепления учебного материала, чтобы показать, что даже в то время, до эпохи мультимедиа, с помощью компьютера можно было добиться большего, нежели с помощью других известных средств.

Проблемное объяснение нового учебного материала отличается от традиционного, в первую очередь, теми функциями, которые при этом отводятся учителю и ученику. При традиционном способе представления материала («учитель учит ученика») учитель выступает в активной роли носителя и распространителя знания, а роль ученика достаточно пассивна и ограничивается такими видами деятельности, как слушание, чтение, составление конспекта и т.д. При проблемном изложении учебного материала («учитель указывает путь, ученик учится») предполагается, что роли учителя и ученика одинаково активны. Учитель не дает готовую информацию, а ставит задачу, снабжая ее материалами для наблюдения, анализа, сопоставления, обобщения, формулируя задачи таким образом, чтобы заставить учащихся активно включиться в их решение и вместе с учителем найти результат, который и является искомым новым знанием.

Именно таким образом происходит предъявление и закрепление учебного материала в анализируемом компьютерном курсе. «Учитель» в занимательной и доступной форме рассказывает и демонстрирует (для этого привлекается графика, динамика, цвет, т. е. чисто компьютерные средства) об особенностях русской падежной системы и направляет поиск учащихся.

Работа на этапе закрепления также проводится в русле проблемного обучения. Сами по себе тренировочные задания, включенные в курс, представляя собой упражнения на трансформацию и подстановку, не являются проблемными, несмотря на их игровой характер. Но в общей канве интриги, когда они становятся необходимым этапом в решении сложной, многоступенчатой, увлекательной и в то же время практической задачи, они приобретают иной характер. Предшествующая установка меняет ситуацию таким образом, что механическая, рутинная работа становится аналитической. Ни для кого не секрет, что задача считается проблемной тогда, когда предполагает самостоятельный поиск учащимися собственных, индивидуальных путей и способов решения. «Проблемная ситуация – это не просто трудная ситуация, складывающаяся в результате недостаточного знания: она предполагает заинтересованность учащихся, потребность решения, творческий вклад в ее решение»¹.

По мнению психологов, проблемная постановка коммуникативных и лингвистических задач способствует проявлению творческой активности, ведет к раскрытию внутренних резервов личности, «раскрепощает» учащегося, что так важно для успешного освоения языка. Как показал ряд экспериментов, обучающая роль проблемных задач велика и потому, что путь, пройденный самостоятельно, прочно закрепляется в памяти, и потому, что учебные материалы такого рода обычно вызывают огромный интерес, повышая мотивацию к изучению языка. Работая с компьютерной программой, постепенно восстанавливая записку, учащиеся осваивают основные значения русских падежей и формальные средства их выражения. Эти знания, полученные ими при работе с компьютером на первых уроках русского языка, оказываются прочными и помогают им на последующих этапах освоения падежной системы.

Понятно, что авторы первых компьютерных программ основное внимание уделяли грамматическим явлениям, языку как системе и не могли ставить (в силу недостатка средств) задачу организации проблемного обучения коммуникации. И сейчас мнение, что компьютер прежде всего средство тренировки, весьма распространено. Эту точку зрения до

1. Львов М. Р. Словарь-справочник по методике русского языка. М.: Просвещение, 1988. С. 155.

последнего времени разделял и автор данной статьи. Глубокий анализ обучающих возможностей мультимедиа, современных программных продуктов, созданных для других целей, позволил увидеть новые перспективы.

В настоящее время нами разрабатывается проект компьютерного учебника РКИ, в основе которого лежит идея объединения самых последних и несомненно имеющих будущее достижений в области производства мультимедиа игр и в области компьютерной дидактики (интерактивное кино + «виртуальный класс» = виртуальная обучающая среда).

Идея перспективна не только потому, что использует самые передовые компьютерные технологии, но и потому, что ее реализация позволит не на словах, а на деле создать программу, обучающую «через открытие» путем погружения в языковую среду.

Организуя проблемное обучение, авторы вновь прибегают к лингвистической компьютерной игре, но уже к игре коммуникативной, интерактивному фильму в жанре Adventure/Quest.

Сюжет достаточно прост: учащемуся предстоит руководить иностранцем, приехавшим в Россию и неожиданно поставленным перед необходимостью решать серьезную проблему в экстремальных для него условиях (можно говорить только по-русски). Причем добиться успеха невозможно без многочисленных контактов с носителями языка.

Следует отметить, что авторы отнюдь не предлагают снабдить экраны игры постоянными интерактивами типа «Словарь», «Перевод», «Грамматический комментарий», «Упражнения» и т.д. (что так или иначе уже использовалось в обучающих программах) по целому ряду причин:

- это сведет на нет задачу играющего вступить в контакт с персонажами, добиться цели, используя имеющиеся у него знания языка (зачем, если у него есть возможность остановить кадр и перевести слова и выражения);
- не создаст мотивацию к серьезному изучению языка: многие пользователи проигнорируют возможность обращения к грамматическому и тренировочному материалу, так как игровая цель, которая всегда, в силу своей прагматичности, выступает на первый план, может быть достигнута и без этого;
- нарушит атмосферу реальности общения, погружения в языковую и культурную среду. По мнению авторов, особенно ценно то, что проверка владения устной речью будет происходить не путем выбора правильного варианта из написанных или путем впечатывания (только такую форму, по сути проверяющую навыки чтения и письма, к сожа-

лению, можно встретить в существующих программах по русскому как иностранному).

В то же время с задачей сможет справиться каждый, даже начавший изучение русского языка с этой программы, так как в «путеводителе» героя есть «Курсы русского языка» (виртуальный класс). Посещение уроков курсов поможет полностью овладеть всем лексико-грамматическим материалом, который нужен герою фильма-игры, чтобы понять монологи персонажей, принять участие в диалогах, прочитать название улицы, магазина, станции метро, написать записку и т.д. Кроме того, на «Курсах» учащийся познакомится с некоторыми российскими реалиями, без знания которых иностранцу не может чувствовать себя комфортно. Эти знания помогут ему не заблудиться в Москве, правильно пользоваться транспортом и уверенно действовать в непривычных для иностранца ситуациях. Ему будет предложена и культурная программа: посещение исторических мест Москвы, экскурсия в Петербург, по Золотому Кольцу России, посещение театров, музеев, ресторанов, магазинов и т.п. Попасть на курсы можно добровольно или в результате возникновения тупиковой ситуации в игре и пройти обучение как по программе минимум (консультация-урок с последующим возвращением в игру), так и по программе максимум.

Новизна данного проекта заключается в том, что он органически включает обучение всем видам речевой деятельности в структуру интерактивной игры-фильма, где двигателем развития интриги является язык. В модели компьютерного учебника, разработанной авторским коллективом, находит реализацию идея сделать обучение языку проблемным на самом начальном этапе и претворяется в жизнь главное требование современной методики преподавания иностранного языка – требование коммуникативности. Данная работа опровергает весьма распространенное мнение о том, что компьютер – это прекрасное средство тренировки, но не больше.

Л и т е р а т у р а

1. *Лернер И. Я.* Проблемное обучение. – М., 1974.
2. Использование принципа проблемного обучения в преподавании русского языка и общенаучных дисциплин иностранным учащимся / Под ред. *Л. Л. Бабаловой.* – М., 1986.
3. *Кулоткин Ю. Н.* Психология обучения взрослых. – М., 1986.

К созданию адаптивных пособий по грамматике русского языка на базе гипертекстовых технологий

© кандидат педагогических наук Л. А. Дунаева, 1999

Проблема организации индивидуальной самостоятельной работы учащихся с грамматическим материалом неродного языка в условиях коммуникативного подхода постоянно находится в центре внимания специалистов. Для российских преподавателей РКИ, поддерживающих процесс овладения специальностью на протяжении нескольких лет обучения иностранцев в вузах России, актуальность этого вопроса в последнее время резко возросла. Свидетельством тому является открытие в ряде университетов специальных научно-исследовательских тем по данной проблематике.

Причины известны: предоставленная иностранцам свобода выбора формы довузовской подготовки, сокращение сроков обучения в вузах в связи с переходом на двухступенчатую систему образования, увеличение числа учащихся, требующих индивидуального подхода (аспиранты, магистры, стажеры, студенты разных специальностей, обучающиеся в одной группе).

Понятно, что в этих условиях только путем организации самостоятельной работы с грамматическим материалом (о другом пока речь не идет) можно компенсировать недостаток времени и обеспечить индивидуальное обучение, не увеличивая при этом штат преподавателей.

Многими специалистами уже признана положительная роль компьютера в самостоятельном обучении. Но чтобы компьютерные программы выполняли вышеуказанные функции, они должны быть достаточно гибкими. При их разработке необходимо осознавать, что данный дидактический материал будет адресован широкому кругу учащихся, каждый из которых обладает присущими ему особенностями. Это исходный уровень знаний, степень сформированности языковых навыков и умений, лингвистические способности, познавательные качества, цель обучения и др. Чтобы учесть перечисленные параметры при создании программы хотя бы в первом приближении, потребуется серьезная разработка систем как входящих тестов, так и функционирующих в ходе работы пользователя и позволяющих менять стратегию обучения в зависимости от результатов работы с учебным материалом.

В настоящее время можно говорить о другом пути индивидуализации, который эффективен именно на продвинутом этапе обучения язы-

ку, когда требуется коррекция знаний. Организация учебного материала в комплекс, центральной частью которого является гипертекстовая справочная система, позволяет создать гибкое, самонастраивающееся на пользователя пособие по грамматике, избегая при этом громоздкого и сложного в разработке тестирования. Это происходит за счет специфики построения и особенностей структуры текста, организованного на базе гипертекстовой технологии.

Идея гипертекста появилась в середине 70-х годов и опиралась на электронный вербальный текст, связанный с другими текстами. Она доказала свою плодотворность в начале 90-х с появлением WWW, где гипермедиа включают, помимо вербального текста, звук, картинки и движущееся изображение.

Основу гипертекстовых систем образует специальный способ представления информации, который, будучи весьма естественным по природе и часто, иногда неосознанно, используемым в повседневной практике, только с появлением компьютеров стал мощным инструментом обработки и интерпретации данных. «На старинных гравюрах, изображающих кабинет средневекового ученого, можно порой увидеть странное, на наш взгляд громоздкое, устройство, напоминающее колесо водяной мельницы. На его лопастях лежат раскрытые толстые фолианты. [...] Несколько книг, объединенных процессом одновременной работы с ними, образовывали как бы некий гипертекст, книга приобретала дополнительные измерения» [1].

Интерес человека к нелинейному способу получения информации не случаен, об этом свидетельствуют исследования психологов о нелинейности человеческого мышления, представляющие модели когнитивных процессов человека как пространственные и гетерархические [2, 3]. Поэтому естественно, что идея гипертекста как способа организации информации и порождаемого им механизма доступа к ней появилась вместе с необходимостью переработки и усвоения огромного количества данных, предоставляемых современными компьютерными системами. При этом возник ряд проблем, среди которых наиболее важной представляется одна: как сделать информацию доступной для человека, а процесс ее получения, усвоения и порождения – наглядным, интересным и творческим.

Гипертекст – это компьютерный способ представления информации разного характера (в том числе вербальной) в виде фрагментов, связанных между собой системой взаимных ссылок, благодаря которой фрагменты соединяются в некую сеть. Иными словами, он представляет собой соединение смысловой структуры и технической среды, технических средств, дающих возможность пользователю осуществлять перехо-

ды между взаимосвязанными элементами, не нарушая естественного процесса чтения. Особенностью гипертекста является именно его многоуровневость. В плане физическом такой текст существует лишь при актуализации отдельных его частей, что позволяет ему принимать ту форму и объем, которые в данный момент необходимы читателю, в соответствии с его целями и индивидуальной стратегией поиска.

Интересные аналогии гипертексту приводит в своей статье «Гипертекстовые системы в обучении» А. В. Смольянинов [4]. Он сравнивает гипертекст с книгой или статьей, снабженной сносками, примечаниями и комментариями, содержащими перекрестные ссылки. В этой аналогии хорошо отражена идея связей между фрагментами и необходимость в прерывистом (нелинейном) чтении для получения полной информации. То, что в некоторых публикациях выглядит нагромождением информации, в которой трудно ориентироваться, в виде гипертекста выглядело бы вполне естественно. В качестве примера публикаций, специфика которых требует гипертекстовой организации (поскольку объем информации, которой оперирует автор и владение которой ожидается от читателя, во много раз превышает объем текста самого издания), можно привести некоторые учебные пособия по русскому языку [5, 6].

Вторая аналогия гипертексту – это библиотека, имеющая хранилище или несколько каталогов, в которых помещены карточки с библиографическими описаниями изданий и ссылками на место хранения или карточки других каталогов. В аналогии с библиотекой явно отражен тот факт, что на каждом этапе работы читателя все сведения, имеющиеся в библиотеке, ему недоступны и могут быть получены только переходом от карточки к карточке, от карточки к книге и от книги к книге.

Связи между фрагментами разрушают привычную линейную схему восприятия текста и вынуждают пользователя искать собственные пути чтения. Словесный текст, устный, письменный или печатный, при всей исторической развитости различных жанров имеет принципиальные ограничения вследствие того, что он разворачивается в виде линейной последовательности слов, чем затрудняет восприятие того, что должно быть осознанно одновременно. Именно поэтому в последнее время чаще говорят не о «социологии чтения», а о «социологии обращения к книге». Ведь справочник, пособие, учебник не столько читают, сколько ими пользуются, и это весьма специфический способ восприятия информации. Поэтому неудивительно, что преимущественной сферой применения электронных изданий является научная, лексикографическая, справочная и учебная литература.

Пользователь такого рода систем не является пассивным читателем, зрителем, слушателем, он трудится наравне с авторами. Считается, что

пока чтение с экрана компьютера гораздо более трудоемкий процесс, чем чтение книги, плюс ко всему далеко не у всех, особенно в нашей стране, есть возможность пользоваться такими электронными изданиями. В связи с этим у некоторых методистов часто возникает вопрос, нужны ли такие материалы вообще, не проще ли пользоваться обычными печатными словарями и сборниками упражнений. Скорее всего, это вопрос риторический. Гипертекстовые системы – это начало нового направления в обучении, и уже в ближайшее время они смогут составить серьезную конкуренцию печатному учебнику.

Гипертекст имеет ряд специфических свойств, отличающих его от печатного текста:

- принципиальная возможность существования только в компьютерном виде в отличие от линейного текста, который может существовать на разных носителях, на компьютере в том числе;
- нелинейность как постоянное свойство, в отличие от нелинейности некоторых линейных текстов, где она может быть специально организована для каких-либо специфических целей (например, идея нелинейности как одна из важнейших в постмодернистской поэтике, ссылки в научной прозе или перекрестные ссылки в словарях и справочниках);
- множественность виртуальных структур. В целом такой текст является результатом произвольной актуализации отдельных составляющих его компонентов, что и определяет множественность его реализаций (скорее всего, при каждом следующем обращении он возникает в новой последовательности фрагментов и насчитывает разное их количество);
- незавершенность (открытость) в отличие от завершенности линейного текста, “который по своей природе обозрим, поскольку конечен” [7];
- визуализация информации (включение в структуру подчиненных компонентов в виде картинок, схем, таблиц, видеофрагментов и т.д.).

Скажем теперь несколько слов о лингвистических категориях применительно к гипертексту.

Так, Р. Богранд и В. Дресслер определяют текст как явление, удовлетворяющее семи требованиям текстуальности: формальной когезивности, смысловой когерентности, интенциональности, воспринимаемости, информативности, ситуационности и интертекстуальности [8]. Следует отметить, что если такие категории, как интенциональность, ситуационность и интертекстуальность актуальны для художественных текстов (и гипертекстов), то формальная когезивность и смысловая коге-

рентность применительно к гипертексту должны представлять интерес для исследователей научной прозы, но отсутствие лингвистических исследований, посвященных данной совершенно новой проблеме (в силу отсутствия объектов и экспериментальных данных для таких исследований), не позволяет нам остановиться на ней более подробно.

В данной статье нам представляется важным и необходимым рассмотреть трансформацию в гиперсреде таких текстовых категорий как информативность и воспринимаемость.

В гипертекстовых структурах имеется возможность с помощью различных дополнительных текстов многократно повышать информативность основного текста для каждого конкретного читателя за счет организации одновременного доступа к обширной дополнительной информации (в отличие от печатного текста, который одинаков для всех, хотя и предполагает различные прочтения в зависимости от индивидуальности, потребностей и подготовленности читателя). Например, для грамматического текста существует достаточно большой набор потенциально полезных метатекстов: переводы на иностранные языки, варианты текста для разных групп учащихся, схемы, таблицы, словарь терминов, тексты с фрагментами работ лингвистов, представляющих разные взгляды на проблему и т.д. Соединяясь в систему, все эти тексты образовали бы информационное поле, ориентироваться в котором без соответствующей системы поиска было бы весьма затруднительно. Именно поэтому системы поиска (навигации), существующие в современных компьютерных средах, позволяют решить проблему доступа к информации, а следовательно и проблему воспринимаемости. Динамическая структура перемещения по гипертекстовой системе адаптирует текст к конкретному читателю (разумеется, при поддержке информационного обеспечения текста). Существенно, что получить дополнительную информацию можно сразу же, как только появилась такая необходимость, т.е. процедура извлечения знаний максимально упрощена. Неподготовленный читатель будет пользоваться большим объемом информации по сравнению с компетентным читателем, читатели с разными индивидуальными запросами при чтении одного и того же текста получают информацию, количественно и качественно различную, – таким образом происходит как бы настройка текста на конкретного пользователя.

Все сказанное выше об особенностях гипертекстовых систем позволяет сделать вывод о том, что их можно эффективно использовать в компьютерных дидактических материалах по грамматике русского языка, адресованных иностранным учащимся продвинутого этапа обучения

и направленных на совершенствование и корректировку языковых знаний, навыков и умений.

Применительно к нашим проблемам скажем, что одно и то же грамматическое явление может быть представлено в пособии, снабженном помощью, организованной в виде гипертекста, в теоретическом плане с разных сторон (с помощью описательного и функционального комментария), один и тот же теоретический материал может быть изложен разными способами (описание, таблица, схема), с разной степенью полноты (в зависимости от целей и задач, стоящих перед учащимся) и сложности в зависимости от уровня языковой компетенции пользователя (вплоть до перевода на родной язык или язык-посредник), снабжен практически неограниченной по объему и разнообразию практической частью, системами ориентации и поиска, системой анализа запросов и сообщений (для управления самостоятельной деятельностью учащегося и контролем за ней).

Л и т е р а т у р а

1. *Хлебников Б.* Картинки с выставки (Заметки о Франкфуртской книжной ярмарке) // Иностранная литература. 1995. № 3.
2. *Величковский Б. М., Зинченко В. П.* Методологические проблемы современной когнитивной психологии // Вопросы философии, 1979. № 7.
3. *Аткинсон Р.* Человеческая память и процесс обучения: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1980.
4. *Смолянинов А. В.* Гипертекстовые системы в обучении // Компьютерные технологии в высшем образовании. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.
5. *Всеволодова М. В.* Практикум по курсу функционально-коммуникативный синтаксис. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1995.
6. *Рожкова Г. И.* Проблемность в обучении русскому языку нерусских (Практикум по функциональной морфологии для слушателей). М.: Изд-во МГУ, 1994.
7. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука. 1981.
8. *Beaugrand R. de, Dressler W.* Introduction to text linguistics. — N. Y., 1981.
9. *Хартунг Ю., Брейдо Е.* Проблемы лингвистического описания гипертекста // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. № 3. 1996. С. 61-77.

Об обучении развитию речи в группах стажеров

© кандидат филологических наук Н. Г. Ткаченко, 1999

Уже в течение длительного времени коммуникативная цель в современной методике справедливо признается ведущей при обучении русскому языку иностранных учащихся. Именно это является надежной основой для обеспечения главной цели — научить учащихся практическому владению языком в разных социальных сферах: научно-профессиональной, общественно-политической и культурно-бытовой. Это влечет за собой создание методики обучения речевому общению, которая включает в себя такие основные понятия, как: предмет, единица, категории, системы приёмов и методов.

Процесс обучения языку — это процесс планомерного научения, длительный и кропотливый, который требует усилий не только от обучаемого, но и от обучающего.

Занятия по русскому языку на продвинутом этапе — это последовательность учебных речевых действий, с которой должны быть соотнесены и все другие аспекты учебного процесса (виды речевой деятельности).

Устная речь — это процесс, в котором активной является деятельность не только говорящего, но и слушающего. Особую актуальность при этом приобретают процессы понимания.

Особый аспект в обучении устной речи связан с продуктивной и репродуктивной формами речевой деятельности обучаемого как более активными по сравнению с рецептивными.

Устная речь как речь активная в определенных ситуациях обучения смыкается, как известно, с письменной речью. В этих случаях ведущим является принцип «смысло-речевых ситуаций», а также соотнесение фактов языковой системы с условиями их функционирования. Подкрепление навыков владения устной речью навыками владения письменной речью связано обычно с репродуктивными формами речевой деятельности.

В условиях же продуктивного владения языковыми средствами, в условиях обучения, максимально приближенных к условиям естественного общения, противопоставление устной и письменной речи является достаточно существенным как по средствам оформления, так и по способу передачи информации.

Письменная речь связана с большими возможностями предварительного обдумывания, с восприятием собственной речи как готового текста.

Пособие по развитию речи для стажеров имеет своей целью расширить и углубить знания, уже полученные учащимися на начальном этапе обучения.

Данное пособие по развитию речи адресовано стажерам продвинутого этапа, который предполагает расширенно-углубленную разработку разговорных тем, отчасти уже пройденных на начальном этапе. Настоящая статья посвящена рассмотрению такой разговорной темы, как «Семья».

Представленный в пособии по развитию речи материал носит проблемный характер, он актуален и вызывает живой интерес у учащихся, при этом данный материал необходим в речевом общении. Это связано не только с формированием определенных речевых навыков и умений с целью «совершить акт речевого высказывания», т. е. построить собственное монологическое высказывание, но и с выработкой умения высказывать свою собственную точку зрения, принимать участие в дискуссии, в обсуждении морально-этических проблем, отстаивать свою позицию.

Знакомство с темой было бы целесообразно предварить списком тех вопросов и проблем, которые будут рассматриваться при изучении данной темы, например:

В этом разделе мы будем говорить о семейных и родственных связях.

Вы познакомитесь с терминами родства.

Вы научитесь рассказывать о своей семье.

Вы сможете узнать у собеседника о его семье.

Вы узнаете о русской свадьбе.

Вы научитесь рассказывать о своих национальных свадебных традициях.

Вы сможете принять участие в дискуссии по проблемам современной семьи, высказать свое мнение.

Учебный материал должен носить познавательный характер, а также представлять страноведческий интерес для иностранных учащихся. Впоследствии это может явиться предметом оживленного обсуждения, поэтому в учебный процесс должны быть включены тексты, содержащие информацию о тех или иных национальных обычаях и традициях.

Поскольку материал познавательного характера должен использоваться на всех этапах работы с учащимися, целесообразно не ограничиваться узкими рамками обсуждения проблем морально-этического порядка, а обращаться и к личному опыту учащихся.

В последнее время в прессе достаточно широко представлены разного рода тесты, анкеты, данные социологических опросов, что всегда вызывает живой интерес у учащихся. Данные такого рода могут также служить предметом бесед и дискуссий и давать возможность высказывать своё мнение по обсуждаемому вопросу.

Заинтересованность и углубление в материал возрастает на протяжении всего периода изучения данной, определенной, темы.

В целях рационализации процесса обучения целесообразно сблизить учебную ситуацию с ситуацией реального общения, обеспечив сходство учебного материала и учебной речевой деятельности с «реальным» языком и «реальной речевой деятельностью», а также с жизненной ситуацией.

Процесс обучения говорению должен заканчиваться достижением поставленной цели – научить учащегося общению в определенной ситуации на заданную тему, участию в беседе, дискуссии и уметь высказать своё мнение или отстоять свою точку зрения, при этом речь является одним из средств достижения главной конечной цели – овладения языком. Высокий мотивационный уровень будет поддерживаться и в значительной степени способствовать перенесению навыков и умений, приобретенных в учебном процессе, в реальную действительность и жизнь.

Коррелятом учебного речевого действия в языковой сфере должен быть текст – минимальная единица речи, содержащая такую развернутую и завершенную мысль, которая может быть объектом речемыслительной деятельности студента и принимать функциональную форму.

Проблема, поставленная в тексте, должна вызывать у учащихся естественный интерес к сюжету, отдельным фактам и событиям, изложенным в тексте.

В этом случае мы можем говорить о повышенном внимании учащихся к изучаемой или обсуждаемой проблеме.

Обратимся к рассмотрению положения о расширенной разработке разговорных тем, сущность которой сводится к следующему:

1. каждая тема должна быть детализирована в наиболее типичных подтемах, каждая подтема – в наиболее характерных для нее разделах;
2. при введении каждой новой темы, ее подтем, разделов должно быть мобилизовано максимальное количество языкового и речевого материала, ранее употребленного или пройденного в иной тематической группе.

Включение каждого слова в новые комбинации обеспечивает ему максимальное количество связей. Принцип расширенности разговорной темы тесно связан с ее «насыщенностью» и «сконцентрированностью»

представленного материала. Это предполагает максимальное привлечение усвоенного ранее языкового и речевого материала, что возможно только при «насыщенности» задач, сущность которых заключается в усилении мыслительной и эмоциональной стороны.

Предложенные ситуации могут быть различного характера, различной направленности и степени сложности. Материал может располагать как «вширь» (приводится допустимый максимум лексического материала), так и «вглубь».

Важен и подбор определенных лексических групп, так как выбор лексики составляет всегда определенные трудности. Представление о значении слова как совокупности компонентов позволяет четко определить последовательность семантизации тех или иных компонентов значения, проконтролировать знание учащимися конкретных элементов значения.

В учебном процессе могут использоваться различные виды грамматической презентации лексического материала. Это может быть скрытый прием, т. е. грамматический материал представлен в текстах, диалогах, но внимание на нем специально не заостряется, а усваивается или повторяется скрыто. Возможны также специальные отсылки к грамматическим таблицам, правилам или специальному разделу, представленному отдельно в виде таблиц или особо выделенных грамматических правил. Возможны и наборы тренировочных и закрепляющих заданий и упражнений на те грамматические темы, которые присутствуют в текстах или диалогах изучаемой темы.

Остановимся подробнее на рассмотрении этого принципа и на том, как он может быть реализован на материале текста. Приведем примеры, которые иллюстрируют изложенные выше положения на примерах послетекстовых речевых упражнений. Эти упражнения составляют примерный комплекс заданий, используемый при изучении той или иной темы:

- *Укажите разницу в словах: жена – супруга, муж – супруг;*
- *Объясните, как вы понимаете выражения **брак по расчету – неравный брак;***
- *Найдите эквиваленты в родном языке: **сердцу не прикажешь, сердце не камень, муж и жена – одна сатана, стерпится — слюбится***
- *Укажите разницу в значениях следующих конструкций: **при условии (чего?), в условиях (чего?), на условиях (чего);***
- *Придумайте ситуацию, где вы можете использовать словосочетания: **невероятный случай, а счастье было так близко, как гром среди ясного неба, ничто не предвещало плохого, тишина была обманчива.***

Помимо указанных типов заданий, работа ведется по традиционной системе послетекстовых упражнений (подстановка, замена синонимами, ситуативные задания). Примеры:

- Дополните ряд: **любовь: взаимная, с первого взгляда...; брак (союз): счастливый, ...**
- Соотнесите правильный ответ (из правой колонки) с вопросом (из левой);
- Поставьте вопросы к предложениям;
- Закончите предложения.

Предлагаемые в данной статье виды упражнений основаны на опыте обучения стажеров, имеющих начальную языковую подготовку.

При обучении говорению появление доминирующей мотивации оказывает положительное влияние на ход учебного процесса. Ранее приобретенные навыки и умения, память, воображение, эмоции – все направлено на решение каждой конкретной задачи.

В речевом общении постоянно возникают ситуации, когда необходимо не просто описать какой-нибудь предмет или лицо, сообщить какую-то новую информацию, получить новые сведения, а высказать свое мнение, услышать мнение собеседника, поделиться своими впечатлениями. Поэтому следует познакомить учащихся с высказываниями, содержащими необходимые речевые формулы и клише. Например:

I. Формулы выяснения точки зрения собеседника и выражения собственного мнения.

Выяснение точки зрения собеседника: *Как Вы считаете? А как Вы полагаете? А как по Вашему? А ты что скажешь?* и т. д. — в нейтрал. стиле; *Как Вы относитесь к данному вопросу (к данной проблеме, к данным словам, к этому)? Каково Ваше мнение о данной проблеме (по данному вопросу, об этом)? Как Вы смотрите на данную проблему (на данный вопрос)?* и т. д. — в научно-офиц. речи.

Изложение собственной точки зрения: *По моему мнению; по моему; я считаю, что...; я полагаю, что...; мне кажется, что... и т.д.* — в нейтрал. стиле; *я смотрю на данную проблему (на данный вопрос) так...; я придерживаюсь мнения (точки зрения), что; я склонен думать, что... и т.д.* — в научно-офиц. речи.

Задание.¹ Ответьте на вопросы, употребляя в ответах формулы выражения собственной точки зрения:

¹ Здесь и далее приводятся примеры послетекстовых заданий.

Как изменился количественный состав семьи в последнее время? Что явилось причиной этого?

Повлиял ли прогресс на количественный состав семьи?

Различаются ли количественно семьи в городе и деревне?

Какую бы семью вы хотели иметь?

II. Формулы выражения согласия или несогласия с мнением собеседника.

Формулы согласия: *Вы правы. Да, это так, не спорю. У меня такое же мнение. Это бесспорно – в нейтрал. стиле; Я (полностью) разделяю Ваше мнение (Вашу точку зрения). Я поддерживаю эту точку зрения (эту мысль, это мнение). Я присоединяюсь к этой оценке (к этому мнению). С этим нельзя (трудно) не согласиться. Все сказанное справедливо (верно) – в научно-офиц. речи.*

Формулы несогласия: *Боюсь, что вы не правы. Я не уверен, что это так. – в нейтрал. стиле; У меня иное мнение. Я не разделяю Вашего мнения (Вашу точку зрения). С этим трудно (невозможно) согласиться. Я позволю себе с Вами не согласиться. Я смотрю на этот вопрос иначе. – в научно-офиц. речи.*

Задание. Выразите свое согласие или несогласие с приведенными ниже высказываниями:

Хорошо бы иметь большую семью. А ты что думаешь?

Было бы неплохо жениться попозже. Не так ли?

Ранее замужество или женитьба мешает «делать карьеру» и продвигаться по службе.

Жениться надо тогда, когда многого уже достиг.

Женатый человек уже не товарищ.

Дети – это всегда хлопотно, заботы – словом, лишняя головная боль.

Учащиеся изучают русский язык в его функционально-стилевых разновидностях. В связи с чем возникает необходимость строгого отбора материала, характерного для того или иного стиля речи. Самым эффективным, на наш взгляд, является путь подачи учебного материала, предусматривающий систематическое введение сведений стилистического характера. На начальном этапе акцент делается на одном или нескольких обязательных нейтральных речевых средствах, а затем, на продвинутом этапе, вводятся возможные стилистические маркированные варианты.

Наиболее эффективной формой работы над развитием речи у иностранных учащихся представляется беседа, имитирующая естественное обсуждение изучаемой темы. При этом в речи студентов будут содер-

жаться высказывания мыслей-рассуждений, мыслей-воспоминаний и мыслей-«фантазий».

В одном случае говорящий воспроизводит уже известную ему информацию, а в другом – он как бы «творит», «фантазирует» в процессе создания самого высказывания. В любом случае говорящий может выражать собственное отношение к тому или иному предмету, явлению, тем самым давая определенную оценку объекту обсуждения.

Задание. Выскажите свое мнение:

- о браке:** *Обязательно ли регистрировать брак юридически?
В каком возрасте можно вступать в брак?
Какова основная причина, почему люди женятся?
Брак должен быть по расчету или по любви?
Нужно ли составлять брачный контракт?
Как вы относитесь к смешанным бракам?*
- о разводе:** *Почему люди разводятся?
Кто чаще хочет развода: муж или жена?
Могут ли дети быть причиной того, чтобы родители продолжали жить вместе?*
- о детях:** *Сколько детей должна иметь современная семья?
Кто должен заниматься воспитанием детей?*

Задание. Выскажите свое мнение:

- Какими качествами должен обладать современный мужчина?
Какими качествами должен обладать будущий муж?
Какими качествами должна обладать современная женщина?
Какими качествами должна обладать будущая жена?
Какие качества важны в семейной жизни?*

Задания этого типа предполагают присутствие в высказывании учащегося «сплава» мыслей-рассуждений и мыслей-воспоминаний, т. е. говорящий высказывает собственные мысли по поводу полученной информации.

Упражнения этой группы являются наиболее эффективными, так как стимулируют говорящего к активной речевой деятельности, включающей и сообщение той или иной информации и ее оценку.

Это мнение высказывается также и методистами и психологами, которыми было установлено экспериментально и путем наблюдений, что включаемое в активную деятельность «высказывание готовой информации» усваивается значительно быстрее и прочнее, нежели то, которое подвергается обработке в изолированном виде.

Немаловажную роль играет и обобщение преподавателем проблемного материала. Целесообразно подытожить и окончательно проконтро-

лизовать понимание учащимися пройденного материала. Учащиеся же должны уметь подвести итог и сделать обобщения.

Иногда полезно привлечь к обсуждению проблемы личный жизненный опыт учащегося, а также сведения из истории его страны и культуры.

Задание. *Расскажите о свадебных обычаях в вашей стране.
Сколько детей имеет обычная семья в вашей стране?
Много ли разводов в вашей стране?
Помогают ли родители молодым супругам?*

Возможны задания, рассчитанные на «фантазию» студентов. Например, описание иллюстраций картин В. В. Пукирева «Неравный брак» и П. А. Федотова «Сватовство майора». После этих заданий можно предложить:

*Сочинить предысторию (героя или героини).
Придумать биографию (героя или героини).
Описать дальнейшие события в жизни героев.*

Письменные задания могут быть даны такого рода:

*Напишите приглашение другу на свадьбу.
Напишите поздравление другу (подруге) со свадьбой.
Напишите другу письмо о девушке (молодом человеке), с которым Вы познакомились.
Напишите письмо другу, с которым Вы не виделись 10 лет.
Напишите письмо «в будущее» (т. е. о том, какую семью Вы хотели бы иметь).*

Все вышесказанное позволяет разработать конкретные формы упражнений, которые бы отвечали как задачам обучения русскому языку на продвинутом этапе, так и специфике учебного материала.

Изучаемая тема «Семья» вызывает интерес у иностранных учащихся, так как удовлетворяет их потребностям в приобретении навыков говорения, служит основным целям – развивает навыки и умения устной (в первую очередь) и письменной речи, углубляет и обобщает знания русского языка, учит устойчивым словосочетаниям, встречающимся в повседневной речи.